

СОДЕРЖАНИЕ

■ Общетеоретические вопросы

- Н. Е. Сулименко* (Санкт-Петербург, Россия)
К методике анализа (медиа)текста: о тенденциях
его лингвистического изучения 7
- Т. И. Краснова* (Санкт-Петербург, Россия)
Дискурс: идеологема или термин 16

■ Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления

- А. Н. Байкулова* (Саратов, Россия)
Персуазивные прогнозы и сценарии в
массмедийном политическом дискурсе (функции
и средства выражения) 31
- Е. В. Быкова* (Санкт-Петербург, Россия)
Цельность и связность поликодового текста 40

■ Функционирование языковых средств в массмедиа

- А. В. Дегальцева* (Саратов, Россия)
Особенности функционирования адвербиальных
компликаторов в медиатексте 49
- Ван Сяоцзюань* (Пекин, Китай)
Имидж Китая в онлайн-версии газеты
«Аргументы и факты» 58

■ Понятия, категории, методики анализа в медиалингвистике

- О. В. Мякшева* (Саратов, Россия)
Пространственная семантика и ее роль
в создании газетного текста 73
- К. В. Прохорова* (Санкт-Петербург, Россия)
Медиамаркеры общественного конфликта 84

Главный редактор

Л. Р. Дускаева
(Санкт-Петербург,
Россия)

Шеф-редакторы номера

М. А. Кормилицына,
О. Б. Сиротинина
(Саратов, Россия)

Редакционный совет

М. Войтак
(Люблин, Польша)

Ст. Гайда
(Ополе, Польша)

Дж. Ш. Аята
(Стамбул, Турция)

Т. ван Дейк
(Барселона, Испания)

Т. Г. Добросклонская
(Москва, Россия)

И. П. Лысакова
(Санкт-Петербург,
Россия)

О. Б. Сиротинина
(Саратов, Россия)

В. З. Демьянков
(Москва, Россия)

Чжан Хуэйцин
(Пекин, Китай)

В. Е. Чернявская
(Санкт-Петербург,
Россия)

Т. В. Шмелева
(Великий Новгород,
Россия)

L.Yu. Ivanova (Leonteva) (St Petersburg, Russia)
Russian-german relations in the discourse of the
modern russian press: linguistic aspects 96

■ Типология медиаречи

В. П. Попова (Шумен, Болгария)
Слова в сетях массмедиа 111

Е. Ю. Викторова (Саратов, Россия)
Функционирование дискурсивов-регулятивов
в печатных и звучащих русскоязычных СМИ123

■ Рецензии

Н. С. Цветова (Санкт-Петербург, Россия)
Интермедиаальный текст: лингвофилософское
прочтение 135

■ Хроники

Е. А. Shcheglova (St Petersburg, Russia)
International scientific and practical conference
“The world in pictures and phraseology”:
problems and results 139

Аннотации 141
Abstracts..... 149

Редакционная коллегия

И. В. Анненкова
(Москва, Россия)

А. Г. Баранов
(Краснодар, Россия)

Д. Бжозовска
(Ополе, Польша)

В. И. Ивченков
(Минск, Беларусь)

М. Ю. Казак
(Белгород, Россия)

М. И. Конюшкевич
(Гродно, Беларусь)

М. А. Кормилицына
(Саратов, Россия)

Н. С. Цветова
(Санкт-Петербург,
Россия)

Л. Цонева
(Велико-Тырново,
Болгария)

Отв. редактор

Н. А. Прокофьева
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Санкт-Петербургский
государственный
университет**

**Институт
«Высшая школа
журналистики
и массовых
коммуникаций»**

199004, Санкт-Петербург,
1-я линия В. О., д. 26
E-mail: rech@jf.pu.ru

MEDIA LINGUISTICS

2017 INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL No 1(16)

http://medialing.spbu.ru/world_of_medialinguistics/

Scientific journal
of the Media Linguistic
Commission of
the International Slavists
Committee
(under the auspices
of UNESCO)

CONTENTS

■ General theory

N. E. Sulimenko (St Petersburg, Russia)
On methods of media text analysis: about trends
in linguistic study 7

T. I. Krasnova (St Petersburg, Russia)
Discourse: ideologeme or term 16

■ Media text: structure, composition, tendencies of evolution

A. N. Baikulova (Saratov, Russia)
Persuasiveness forecasts and scenarios of the mass
media in the political discourse (functions and means
of expression) 31

E. V. Bykova (St Petersburg, Russia)
Categories wholeness and coherence in the multi code
text 40

■ Functioning of linguistic means in mass media

A. V. Degaltseva (Saratov, Russia)
Features of functioning of adverbial complication in
the media text 49

Wang Xiaojuan (Beijing, China)
National image of China in on-line newspaper
“Arguments and Facts” 58

■ Concepts, categories, and methods of analysis in media linguistics

O. V. Myaksheva (Saratov, Russia)
Spatial semantics and its role in newspaper text 73

K. V. Prokhorova (St Petersburg, Russia)
Media markers of the public conflict 84

Chief editor

L. R. Duskaeva
(St Petersburg, Russia)

Editors in chief

M. A. Kormilitsyna,
O. B. Sirotinina
(Saratov, Russia)

Editorial Council

M. Wojtak
(Lublin, Poland)

St. Gajda
(Opole, Poland)

C. Şenöz-Ayata
(Istanbul, Turkey)

T. van Dijk
(Barcelona, Spain)

T. G. Dobrosklonskaya
(Moscow, Russia)

I. P. Lysakova
(St Petersburg, Russia)

O. B. Sirotinina
(Saratov, Russia)

V. Z. Demjankov
(Moscow, Russia)

Zh. Huiqin
(Beijing, China)

V. Ye. Chernyavskaya
(St Petersburg, Russia)

T. V. Shmeleva
(Veliky Novgorod, Russia)

Editorial Board

I. V. Annenkova
(Moscow, Russia)

A. G. Baranov
(Krasnodar, Russia)

L. Yu. Ivanova (Leonteva) (St Petersburg, Russia)
Russian-german relations in the discourse of the
modern russian press: linguistic aspects 96

■ **Typology of media speech**

V. A. Popova (Shumen, Bulgaria)
Words in mass media webs 111

E. Yu. Viktorova (Saratov, Russia)
Functions of regulative discourse markers in printed
and spoken Russian mass media 123

■ **Reviews**

N. S. Tsvetova (St Petersburg, Russia)
Intermedial text: linguistics and philosophy
readings 135

■ **Chronic**

E. A. Shcheglova (St Petersburg, Russia)
International scientific and practical conference
“The world in pictures and phraseology”: problems
and results 139

Abstracts (rus.) 141

Abstracts (engl.) 149

D. Brzozowska
(Opole, Poland)

V. I. Ivchenkov
(Minsk, Belarus)

M. Yu. Kazak
(Belgorod, Russia)

M. I. Konyushkevich
(Grodno, Belarus)

M. A. Kormilitsyna
(Saratov, Russia)

N. S. Tsvetova
(St Petersburg, Russia)

L. Tsoneva
(Veliko Tŭrnovo,
Bulgaria)

Resp. editor

N. A. Prokofeva
(St Petersburg, Russia)

**St Petersburg
State University**

**Higher School of Journalism
and Mass Communications**

199004, St Petersburg, V. O.,
1st Line 26.

E-mail: rech@jf.pu.ru

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

.....

УДК 316.776.4
ББК 81.2Рус-5
ГРНТИ 16.21.41
КОД ВАК 10.02.01

Н. Е. Сулименко
Санкт-Петербург, Россия

**К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА
(МЕДИА)ТЕКСТА:
О ТЕНДЕНЦИЯХ
ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Надежда Евгеньевна Сулименко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 52, к. 36.
E-mail: sulimenko_39@mail.ru.

© Сулименко Н. Е., 2017

Постановка проблемы. Поставленная проблема имеет исключительное значение для медиалингвистики, поскольку медиатексты нуждаются в выяснении лингвометодических основ их изучения. К спорным вопросам их описания и обращения данная статья. Пособия по филологическому анализу текста в качестве иллюстративного материала используют прежде всего тексты художественные. Что же касается текстов иных дискурсивных практик, то текстовая теория и практика их лингвистического анализа оставляют желать лучшего. Этим определяется актуальность темы, теоретическая и практическая значимость представленных результатов и другие качества текста настоящей статьи, тем более значимой, что она продолжает раздумья автора над темой [см.: Сулименко 2013].

Цель данной статьи — обосновать необходимость интегрального подхода к анализу лексической структуры (медиа) текста.

Ее осуществление требует выполнения ряда *задач*, в статье они сводятся к следующим: 1) обосновать справедливость биологических концепций языка, роль креативного начала в любой жизнедеятельности человека, включая речевую; 2) рассмотреть с указанных позиций явления, важные для анализа (медиа) текстов: лексической многозначности, соотношение понятий ментальной репрезентации и концептуальной оппозиции; 3) объяснить место стилистических явлений в (медиа)тексте; 4) раскрыть понятие символического языкового кода, не вполне ясное в современной русистике и вместе с тем актуальное для анализа (медиа)текста.

Методика анализа: проблемные зоны анализа (медиа)текста. К проблемным положениям лингвокогнитивистики, линвосинергетики и лингвистической теории текста относятся многие из тех, которые связаны с медиалингвистикой.

Спорным оказывается содержание некоторых лингвокогнитивных терминов. Так, теория дискурса отрицает упрощенное и редуцированное понимание языка как системы знаков, не отличающейся от других знаковых систем, и «помещает лингвистику в междисциплинарную науку — человековедение, — объектом которой является человек. <...> ...В человеческую систему языка вработаны социальность и когнитивность» [Ревзина 2004: 12–13]. «Биологические» концепции бытия, жизнестроительства, житнетворчества поставили в центр внимания исследователей дискурса как когнитивно-прагматического феномена и сделали важным для выделения и квалификации типов дискурса любой аспект *суперкатегории бытийности*, жизненного пространства человека. Это тем более важно для медиатекстов, отличающихся широтой тем, связанных с человеческим фактором в языке. Дискурс может быть выделен и описан по любому (а не только по коммуникативному) основанию, имеющему значимость для человеческого поведения, культуры, жизни: медицинский дискурс, эмоциональный дискурс, сентенционный дискурс, гендерный дискурс, поведенческий дискурс (животных и человека), экологический дискурс и т. д., которые напрямую не связываются ни с одним функциональным стилем, включая и газетно-публицистический, хотя и выступают проявлением разных видов психической активности, деятельности человека, типов его ментальности и т. п. Если вслед за Н. Д. Арутюновой понимать дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990], любое из оснований, связанных с «жизненными» потребностями субъекта, его жизненным пространством, результатами его деятельности, может служить отправным моментом для классификации типов дискурсов (ср.: компьютерный дискурс в отличие от языка для специальных целей, обычно дифференцируемого от стиля; детективный дискурс, экономический дискурс, эмотивный дискурс и т. д.): «Признание „встроенности“ когниции, „отелесненности“ разума должно вывести нас на разговор о необходимости изучения биологической обусловленности многих, во всяком случае, базовых, ментальных моделей» [Кравченко 2004: 103]. «Термин „дискурс“ на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения. Духовная культура общества представляет собой ансамбль дискурсов, наделенных различными коммуникативными стратегиями» [Силантьев 2004: 98]. В отличие от текстовой, семантика дискурса позволяет расширить исследовательский объект, соединив синхронию с диахронией, что вполне отвечает интегральному подходу к языку.

«Сфера употребления» — не что иное, как совокупность типовых ситуаций, в которых реализуется норма стиля, тот или иной тип текста и свойственный ему способ мышления, а это требует введения в дискурсивный подход когнитивного измерения. Закон «оборачивания» средств и цели объясняет связь сферы употребления (т. е. совокупности определенных ситуаций деятельности людей), во имя которой языковые средства специализировались, и самих характеристик этих средств, ставших объектом лингвистического анализа. Ситуация понимается и как сложно организованный субъективный образ объективной действительности, как элемент картины мира: «Нельзя описать язык в терминах соответствия между Словом и Миром, если под Миром не понимать картину мира, порождаемую нашим опытом» [Кубрякова 2004: 15]. По словам исследователя, «вводя в когнитивную парадигму знания дискурсивную составляющую, мы не только предлагаем новую версию когнитивизма (*когнитивно-дискурсивную*), но и получаем возможность понять более глубоко природу креативного начала в поведении человека, то есть подойти к рассмотрению *креативности как главной характеристики человека*, проявляющейся во взаимодействии человека с миром, и определить

ее как основную черту деятельности нашего сознания» [Там же: 141]. Креативность как главная характеристика человека особенно значима при составлении текстов масс-медиа. Междискурсное взаимодействие обнаруживается в художественном творчестве крупнейших авторов прошлого и современности: в поэзии и прозе А. Пушкина, А. Блока, О. Мандельштама, М. Цветаевой, И. Бродского и др. взаимодействуют элементы научного, философского, поэтического и метапоэтического дискурсов, что вводит их тексты в открытое пространство культуры, в междисциплинарную область человековедения.

Несмотря на огромное количество работ, посвященных явлению лексической многозначности, вопрос о содержании «единого семантического стержня», скрепляющего отдельные значения в смысловой структуре слова, остается открытым и для медийных текстов. Большинство лингвистов усматривает это единство в сцеплении отдельных лексико-семантических вариантов друг с другом. Когнитивисты обосновали принцип «семейного сходства» подобных сцеплений. Но это не объясняет глобальной взаимосвязи разных словозначений, а лишь указывает на их попарное соединение. Теория общего значения не оправдала себя в силу абстрактности связующих признаков. Между тем еще в эпоху становления системных представлений о лексике В. В. Виноградов писал, что основное, свободно-номинативное значение выступает фундаментом всех других значений и применений слова и что последние готовы всплыть в нашем сознании по первому требованию, т. е. хранятся в памяти вместе с основным значением. Отечественные когнитивисты (А. А. Зализняк, И. М. Кобозева, И. Г. Ольшанский и др.) связывают роль свободно-номинативного, основного значения слова как донора для других его значений с единством концепта, стоящего за словом, т. е. подтверждают мнения, сложившиеся при системно-структурном изучении лексики (ср. исследования И. А. Стернина, А. П. Чудинова, Н. В. Солоник и др.).

Это единство ментальной структуры объясняет «игру» сем и на уровне слова в слове, и в текстовом его использовании, что говорит о необходимости совмещения разных видов анализа (системно-структурного, функционального, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического и др.) при подходе к медийному тексту.

Таким образом, прототипический подход предполагает отсутствие жесткой связи между словозначениями, но не связи вообще, поскольку все признаки концепта имплицитно заложены в основном значении слова и актуализируются по мере его развертывания, освоения концепта носителями языка. В этом смысле основное значение слова выступает донором для других его значений, отмеченных в словаре.

Дж. Лакофф [Лакофф 2004: 252–253] говорит о категориях базового уровня, именно с ними прежде всего связан когнитивный подход к явлению лексической многозначности.

К числу категорий базового уровня относятся и «образные схемы» М. Джонсона, часто и не вполне точно называемые бинарными концептуальными оппозициями: вместилище, источник — путь — цель, связь, целое — часть, центр — периферия, верх — низ, спереди — сзади, линейный порядок. Их роль в связи значений полисеманта отчетливо проявляется и в таких видах ментальных репрезентаций, как метафора и метонимия, пропозиция и т. д.: «Низкий... 7. Простой, не торжественный; простонародный. Противопол.: высокий. О стиле речи, жанре художественного произведения. 8. Густой, небольшой высоты. О звуке, тоне, голосе и т. п. Противопол.: высокий» [Словарь... 1958: 1296–1297].

Неоднократно отмечался изоморфизм процессов внутрисловной и межсловной де-

ривации. И он имеет когнитивное объяснение: те признаки концепта, которые входят в концептуальное ядро, развиваются и на уровне внутрисловных, и на уровне межсловных отношений. Периферия же концепта далеко не всегда обнаруживает себя в межсловных связях. Так, ограниченность образования производных отмечается для качественных прилагательных фразеологически связанного значения: *розовый* в значении 'приятный, радостный'; *живой* и *мертвый* в сочетании со словом *язык*; *тайное*, *открытое* (голосование); *круглая* (сумма, состояние); *крупная* (ругань, брань); *низкий* (лоб); *мертвая* (петля), *мертвая* (хватка); *красное* (вино); *красное* (дерево), *красный* (гриб), *красный* (железняк), *красная* (рыба), *красная* (цена), *красное* (словцо), *красный* (лес), *красный* (звон), *красный* (ряд), *красный* (товар); *медвежья* (услуга), *лучистая* (спец. энергия); *кислый* (спец. соль), *кислые* (воды, источники), *кислое* (брожение), *ложный* (в спец. терминологии акация, ребра); *свободный* (спорт. удар, спец. о хим. элементах) [Сулименко 2008].

Следует отметить наше согласие с таким положением: «В лексическом ядре заложена программа для всех (или почти всех) частных значений слова» — и несогласие со второй частью этого утверждения: «Очевидно, что лексическое ядро функционирует на уровне системы языка как семантический инвариант, то есть как „наилучший представитель“ полисеманта, в то время как реализация отдельных значений осуществляется на уровне речи» [Песина 2014: 107]. Это, к сожалению, совсем не очевидно: лексическое ядро, обуславливающее программу развития частных значений, заложено в системе языка, что противоречит суженному его пониманию только как «наилучшего представителя» полисеманта.

Выше уже говорилось о необходимости различать типы ментальных репрезентаций и концептуальных оппозиций. Особую роль в этом разграничении играет изучение лингвосинергетических основ концептуальных оппозиций. Вопрос об онтологической природе концептуальных оппозиций получает различное освещение в трудах лингвистов. Одни исследователи связывают их наличие и функции с природой нашего мышления, поскольку человек концептуализирует мир не безразлично, а в рамках представлений о том, что для человека хорошо, а что плохо. Поэтому распределение семантического пространства в пределах оппозиций заложено еще в мифологической системе мышления, которое до сих пор дает себя знать и отразилось в языке, непосредственно связанном с обыденным сознанием. Антиномии легли в основу теории познания, выступая его фундаментом. По словам Э. Канта, «разум человека уже по своей природе антиномичен». Эту точку зрения разделяют и современные авторы. Так, М. Р. Галиева замечает: «бинарность признается фундаментальным структурообразующим принципом мышления, познания и бытия человека (Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, М. М. Бахтин, И. П. Ильин, М. С. Уваров)» [Галиева 2014: 58]. Это положение вполне соотносимо с мнением психолингвистов о бинарности любой психической функции человека, о постоянном присутствии в его деятельности «конкурирующего» мотива, что позволяет ему гибко приспосабливаться к явлениям универсума.

Известно и собственно лингвистическое, а не только философское и общенаучное обоснование оппозиций. Теория оппозиций, как и методы оппозиционного анализа, складывалась первоначально в фонетике и лишь постепенно, с укрупнением исследовательского объекта распространялась на другие единицы языка. С точки зрения лексикологов (Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелёв, В. А. Ефремов и др.), оппозиции очерчивают границы исследуемого семантического пространства. Особенно отчетливо эта функция

выступает у лексических антонимов, предполагающих обязательную общность родового признака, на базе которого выстраиваются члены парадигмы, находящиеся на крайних ее точках и противопоставленные по самому существенному для их значения признаку [Шмелёв 2006]. Об этой части определения антонимов Д. Н. Шмелёвым обычно забывают, но именно она обращена к спорным положениям и лексикологической, и лексикографической теории антонимии. Содержание этого самого существенного для антонимов признака толкуется исследователями по-разному, что особенно важно для медийных текстов. К спорным вопросам антонимии относится, например, вопрос о том, мужчина и женщина — антонимы или нет? В зависимости от положительного или отрицательного ответа эти слова включаются или не включаются в словари антонимов (ср. точку зрения Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова). Уместно здесь вспомнить мысль А. В. Бондарко о существовании неопозитивных различий в семантике языковых единиц или мнение В. В. Колесова о характерном для русской ментальности наличии надпозиционного третьего члена, преодолевающего оппозитивные различия. Его поиски осуществляются в рамках культуры как среды бытования языка, т. е. синергетической системы высшего порядка. Здесь мы сталкиваемся с синергетическим пониманием оппозиций, включающим лингвистику в широкий круг междисциплинарных связей в рамках культуры. В оппозициях отразилась связь нашего мышления с двумя ведущими концептами синергетики — космосом и хаосом. Е. М. Мелетинский отмечает такую особенность нашего мышления, как процесс перехода хаоса в космос, который интерпретируется как переход «от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформлению, от разрушения к созиданию» [Мелетинский 2006: 206].

Лингвосинергетическое понимание оппозиций тесно связано с его лингвокогнитивным истолкованием, хотя и в этом случае не все ясно. Так, М. Джонсон такие базовые структуры опыта, как верх — низ, спереди — сзади, включает в «кинестетические образные схемы», т. е. рассматривает как один из видов ментальных репрезентаций наряду с концептами вместилище, источник — путь — цель, связь, целое — часть, центр — периферия, линейный порядок, устроенными иначе, связанными с другими видами ментальных репрезентаций, не исчерпывающимися оппозитивным взглядом на мир [Jonson 1987]. Тем самым ставится под сомнение тезис о глобальной оппозитивности нашего мышления, что противоречит утверждениям синергетиков о наличии таких базовых концептов, как космос и хаос. Однако нельзя отрицать и того, что концептуальные оппозиции служат основой моделирования виртуальной реальности по типу физической, связанной прежде всего со схемой тела человека, т. е. в своих истоках имеют биологическую базу. Решение указанных проблем проливает свет и на специфику медийных текстов.

Спорным и неоднозначным является понимание символического языкового кода в ряду других. «Символический» код в одном из подходов отождествлялся с семантическим, т. е. отождествлялись понятия «символ» и «знак» (нас интересует прежде всего слово как языковой знак). К проблеме символа, одной из недостаточно изученных в лингвистике, Ю. М. Лотман обращается в статье под названием «Символ в системе культуры» [Лотман 2010: 293–308]. Он считает наиболее привычным представление о символе как таком, которое «связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания». Существенной чертой символа признается его способность приходить из прошлого и уходить в будущее, т. е. пронзать всё культурное пространство, а не только

какой-то его временной срез. Это объясняется метафорически с чисто синергетических позиций: «Колеса различных механизмов культуры движутся с разной скоростью», а законом существования культуры объявляется увеличение внутреннего разнообразия. При этом сохраняется память культуры о себе, символы «не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты». Это не исключает корреляции символа с культурным контекстом, их обоюдной трансформации: «Его инвариантная сущность реализуется в вариантах... выражение не полностью покрывает содержание, а лишь как бы намекает на него». Ср. в статье «Память культуры»: «...хранящиеся в культуре символы, с одной стороны, несут в себе информацию о контекстах (resp. языках), с другой, для того, чтобы эта информация „проснулась“, символ должен быть помещён в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение» [Там же: 263].

Вместе с тем, сравнивая символ и другие знаковые элементы, Ю. М. Лотман замечает: «Символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определённым подобием между планами выражения и содержания». Автор разделяет и такую синергетическую идею, как работа системы в обычном режиме и в режиме с обострениями (в области языка и его лексики прежде всего в настоящее время наблюдается последний, с чем связана и очередная волна «языкового возмущения», и «лексический взрыв», фиксируемый словарями и многими медийными текстами). Ср.: «переживающая период вспышки культура из периферии культурного ареала часто превращается в его центр и сама активно транслирует тексты в затухающие кратеры прежних центров текстообразовательных процессов». Этот синергетический подход не может не учитываться при когнитивном анализе слова в медийном тексте, как и одно из важных положений этого подхода: «Таким образом, реконструируемая информация всегда реализуется в контексте игры между языками прошлого и настоящего». О связи символа со средой он пишет и в другой статье того же сборника: «поскольку внесистемные тексты составляют, как правило, резерв для построения систем завтрашнего дня, игра между системным и внесистемным составляет основу механизма развития культуры» [Там же: 283]. Важно для лингвистического анализа текстов массмедиа и еще одно положение о метаязыке культуры, оправдывающее обращение автора к теории дискурса, к связи синхронии и диахронии как в слове, так и в тексте: «Разные подсистемы культуры обладают различной скоростью завершения динамических процессов... В любой момент в культуре сосуществуют различные эпохи. На метауровне это разнообразие снимается» [Там же: 284].

Выстраивая типологические характеристики культуры, автор следующим образом раскрывает сложность ее механизма: «Она обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение. Эта способность органически связана с *неоднородностью внутреннего строения*» [Там же: 31], а «богатство внутренних конфликтов обеспечивает Культуре как коллективному разуму исключительную гибкость и динамичность» [Там же: 55]. Не стоит говорить и о том, что медийные тексты, богатые внутренними конфликтами, входят в нашу культуру. Тем самым утверждается универсальный характер лингвистического кода, способного перевести на свой язык элементы других кодовых систем культуры.

С последним замечанием связано утвердившееся в филологии представление о первичных и вторичных моделирующих структурах, о зашифрованности текстов культуры многими кодами, что и создает многоголосый текст не только в его культурологическом, но и собственно лингвистическом, прежде всего лексическом, понимании. Единство вне-семиотического мира позволяет не только переходить от одного кода к другому внутри

системы, но и выходить в культуру как систему более высокого порядка, делает изоморфными внутри- и межкодовые переходы: «в основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, делающий их подобными между собой. Этот принцип строится на сочетании симметрии — асимметрии... с периодической сменой апогеев и затуханий в протекании всех жизненных процессов в любых их формах» [Там же: 101].

Уподобление сложных самоорганизующихся систем живым связано у Ю. М. Лотмана и с понятием текст (статья «Семиотика культуры и понятие текста»), прежде всего с его содержательной стороной, на 75% структурируемой лексическими средствами: «...текст предстает перед нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Там же: 71]. Синергетическое положение о фрактальном характере частей по отношению к целостной системе позволяет автору (статья «О семиосфере») обнаружить изоморфизм целого и части, их подобие, известную структурную самостоятельность части, приводящую к получению способности «самостоятельного выбора программы деятельности», т. е. выхода на новые аттракторы. Требование учета ситуативного фактора при структурировании текста выводит на еще одну синергетическую проблему — проблему случайности: «Казалось, что наука занимается тем, что повторяемо и закономерно. Это был один из основных принципов науки. Наука не изучает случайного. А всё закономерное — это то, что правильно и можно предсказать. Случайное же не повторяется, и предсказать его нельзя» («О природе искусства»). Кажущейся оказывается и свобода, понимаемая как осознанная необходимость, это всего лишь утверждение «фатальной линии движения человечества» [Там же: 114], т. е. однобокое истолкование важнейшего культурного концепта в угоду господствовавшей в обществе идеологии. Эта однобокость истолкования прежде всего обнаруживается в недавних текстах массмедиа. Автор считает, что «вторжение сознания резко увеличивает степень свободы и, следовательно, непредсказуемости» [Там же: 117]. Он ссылается на синергетическую концепцию Ильи Пригожина, поясняя такое важное для синергетики понятие, как точка бифуркации. Оно передается через пространственные гештальты пути, дороги, движения по ней, распутья, концептуальные оппозиции перед — зад, геометрический гештальт точки в пространстве и др.: «А потом наступает какая-то точка, когда движение вступает в непредсказуемый момент и оказывается на распутье как минимум двух, а практически — огромного числа дорог... в этот момент вероятность не срабатывает, срабатывает случайность. Когда мы смотрим вперед, мы видим случайности. Посмотрим назад — эти случайности становятся для нас закономерностями... Реализованный путь есть потеря в то же время других путей» [Там же: 15]. Искусство, по мысли автора, и дает возможность прохождения того, что не случилось, оно тесно связано не только с наличествующей реальностью, но и с областью возможного, оно даёт нам выбор там, где жизнь не даёт. Таким образом, автор реабилитирует роль случайности, выступающей при учёте всех ситуативных факторов: «Естественное поведение» дано человеку как единственно возможное для каждой ситуации» [Там же: 56], а культура противостоит не только природе, но и «не-культуре», в чем мы лишний раз убеждаемся при обращении к современным медийным текстам. Будучи вторичной знаковой системой, надстраиваемой над тем или иным естественным языком, она «и по своей внутренней организации воспроизводит структурную схему языка» [Там же: 57].

Выводы. Подводя итоги разговора о лингвометодических основах анализа (медиа) текстов и спорных положениях теории их лингвистического анализа, отметим, что ска-

занное выше свидетельствует о необходимости совмещения разных видов анализа при обращении к медиатексту, что основа и цель развития когнитивной функции человека и его коммуникативных способностей — успешное, адаптивное поведение в условиях меняющейся действительности.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку, для которого характерно внимание к системной организации поведения человека в разных областях его жизнедеятельности, особенно актуальными стали проблемы, традиционно относимые к функциональной стилистике. Привлекательность современных стилистических концепций — в интеграции явлений, связанных с различными исследовательскими парадигмами: системно-структурной, функциональной, когнитивной, культурологической, ибо в системе языка, в его функциональных стилях, в снятом виде усматривается «глобальная» интертекстуальность, служащая основой текстовой деятельности человека, использующего в порождении те же мыслительные операции, которые заложены в системе языка. Не случайно в число факторов стилеобразования включался и приоритетный для того или другого стиля способ мышления, хотя он и считался экстралингвистическим фактором. Сейчас доказано, что между собственно лингвистической и энциклопедической информацией в любом тексте, в том числе и медийном, нет непроходимой границы. Таким образом, коммуникативная заданность текста при филологическом его анализе выступает лишь одним из текстообразующих факторов.

Теория функциональных систем (именно такими системами ведает стилистика и теория текста) и когнитивная теория смыкаются в интересе к приспособительным механизмам, обеспечивающим адаптивность мышления и адекватность, успешность поведения человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Галиева М. Р. Когнитивный принцип бинарности в религиозной картине мира // Вопр. когнитив. лингвистики. 2014. № 2. С. 66–74.
- Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004.
- Кубрякова Е. С. Что может дать лингвистика для исследования сознания? // Первая российская конференция по когнитивной науке. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 140–142.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения, роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура).
- Лакофф, Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славян. культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура).
- Лотман Ю. М. Чему учатся люди: статьи и заметки. М.: Рудомино, 2010.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд., стереотип. М.: Вост. литература, 2006.
- Песина С. А., Латушкина О. Л. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта // Вопр. когнитив. лингвистики. 2014. № 1. С. 105–108.
- Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 11–20.
- Силантьев И. В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 98–123.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Сулименко Н. Е. О некоторых спорных положениях когнитивной теории // Язык. Текст. Дискурс / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 11. Ставрополь: Сев.-Кавказ. федерал. ун-т, 2013. С. 32–42.

Сулименко Н. Е. Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008.

Шмелёв Д. Н. Современный русский язык: лексика. М.: КомКнига, 2006.

Jonson, Mark. The body in the mind: the bodily basis of reason and imagination. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

REFERENCES

Arutjunova N. D. Diskurs // Linguistic encyclopedic dictionary [Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar']. Moscow, 1990.

Dictionary of Modern Russian Language [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka]: in 17 vol. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sci. Publishing, 1958.

Galieva M. R. Cognitive principle of binarity in the religious picture of the world [Kognitivnyj princip binarnosti v religioznoj kartine mira] // Problems Cognitive Linguistics [Vopr. kognitiv. lingvistiki]. 2014. No. 2.

Jonson, Mark. The body in the mind: the bodily basis of reason and imagination. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

Kravchenko A. V. Language and perception: cognitive aspects of linguistic categorization [Jazyk i vospriyatije: kognitivnyje aspekty jazykoboju kategorizatsii]. Irkutsk, 2004.

Kubrjakova E. S. Language and knowledge [Jazyk i znanie]. Moscow, 2004.

Kubrjakova E. S. What can linguistics give to studying of consciousness [Chto mozhet dat' lingvistika dlya issledovanija soznanija] // The First Russian cognitive conference [Pervaja rossijskaja konferentsija po kognitivnoj nauke]. Kazan, 2004. P. 140–142.

Lakoff, George. Women, fire and dangerous things: what categories of language tell us about the mindset [Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii]. Moscow, 2004.

Lotman Ju. M. Learn people [Chemu uchatsja ljudi]. Moscow, 2010.

Meletinskij E. M. The poetics of myth [Poetika mifa]. 4th ed. Moscow, 2006.

Pesina S. A., Latushkina O. L. Lexical invariant as the substantive core of polysemant [Leksicheskij invariant kak sodержatel'noe jadro polisemanta] // Problems Cognitive Linguistics [Vopr. kognitiv. lingvistiki]. 2014. No. 1.

Revzina O. G. Linguistics of the XXI century: towards a holistic theory of language [Lingvistika XXI veka: na putjah k celostnoj teorii jazyka] // Criticism and semiotics [Kritika i semiotika]. Is. 7. Novosibirsk, 2004.

Shmel'ov D. N. Modern Russian language: vocabulary [Sovremennyj russkij jazyk: leksika]. Moscow, 2006.

Silant'ev I. V. The text in the system of discursive interactions [Tekst v sisteme diskursivnyh vzaimodejstvij] // Criticism and semiotics [Kritika i semiotika]. Is. 7. Novosibirsk, 2004.

Sulimenko N. E. On some controversial provisions of a cognitive theory [O nekotoryh spornyh položeniiah kognitivnoj teorii] // Language. Text. Discourse [Jazyk. Tekst. Diskurs] / ed. by G. N. Manaenko. Is. 11. Stavropol', 2013.

Sulimenko N. E. Modern Russian language: study of the semantics of adjectives [Sovremennyj russkij jazyk: k izucheniju semantiki imjon prilagatel'nyh]. St Petersburg, 2008.

УДК 316.77:001.4;070:001.4
ББК 81.2Рус-5
ГРНТИ 19.01.33
Код ВАК 10.01.10; 10.02.19

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРС: ИДЕОЛОГЕМА ИЛИ ТЕРМИН

Татьяна Ивановна Краснова, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.
E-mail: taikrasnova@yandex.ru.

© Краснова Т. И., 2017

Постановка проблемы. В свое время О. С. Ахманова, многоопытный составитель «Словаря лингвистических терминов» (1969), писала, что лингвистическая терминология не является ни рационально организованной, ни семиотически безупречной системой [Ахманова 1990: 509]. В то же время другой языковед Р. А. Будагов сформулировал задачу утверждения в лингвистике приемлемой терминологии так: «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга» [Будагов 1974: 124].

Сейчас многие лингвисты в России и за рубежом единодушно отмечают малопримемое, неудобное для самих ученых положение термина *дискурс* в современных исследованиях. Наименование, примечательное своей емкостью и открытостью понятийных границ, оказалось в металингвистике на положении «модного» слова — слова многозначного, которое непрерывно тиражируется и как будто бы не нуждается уже в пояснениях.

В статье рассматривается проблема металингвистического и метаречевого порядка, связанная с употреблением термина *дискурс*. Эта проблема имеет отношение к образовательному циклу дисциплин, изучаемому на факультетах с гуманитарно-лингвистической подготовкой. Метаречь, в отличие от обычной языковой среды, имеет более жесткие законы, известные как «норма научного стиля» (языка науки), и должна специально формироваться в процессе профессионализации личности. Профессиональная языковая компетенция личности предполагает умение выбрать из возможных вариантов выражения специальной информации с а м ы й а д е к в а т н ы й данной металингвистической коммуникативной ситуации.

Анализ.

1. Особое положение категории «дискурс» в речеведении. Базовый уровень языковедческой науки на современном этапе ее развития пополнился термином, входящим в обязательный

терминологический минимум образовательного курса.

— Языкознание (языковедение, лингвистика)

Предмет науки

Речевая деятельность

Язык

Речь РЕЧЕВЕДЕНИЕ

— Дискурс

Особое положение категории «дискурс» в речеведении объясняется учетом множества обусловивших ее понятийное образование факторов, включая структуру, когнитивный компонент, внешнее и внутреннее поле зависимостей при порождении и восприятии высказывания / текста.

Составляющие интегративной ментально-речевой структуры дискурса можно представить в виде следующей схемы:

Концепт -----	[номинации; ключевые слова (идеологемы)]
Фрейм -----	[схемы; предикатно-аргументные структуры]
внешнее поле -----	фоновая зависимость: социальный и культурный контексты
зависимостей	[интердискурсы], интегративные «текст и контекст»
ПРЕСУППОЗИЦИИ	субъект и адресат позиции; интерпретации (мифологичность)
внутреннее поле ----	интенциональность [идеологически модализов. пропозиции]
зависимостей	модусы

Одной из составляющих теории дискурса является когнитивно-ориентированный анализ (Т. ван Дейк), обращенный к ментальным структурам, разрабатываемым теорией фреймов, и социологический подход. Последний имеет прямое отношение к идеологии (в духе ее понимания М. М. Бахтиным, В. Н. Волошиновым) [Волошинов 1995], о чем по существовавшей в советские времена традиции не принято было рассуждать. Собственно исторический момент интересен тем, что показывает зависимость терминологии от национальной научной традиции и объясняет трудности «вживления» чужого термина в принятую терминосистему¹.

В отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих проблематику речевой деятельности на различном функционально-стилевом и текстовом материале, традиционно рассматривался в стилистике в связи с изучением экстралингвистических факторов вместе с лингвистическими. Социолингвистика долгое время, вплоть до перестройки, находилась в загоне; ее развитие ограничивалось изучением макропроцессов, т. е. социальной обусловленности языковых явлений, протекающих в больших коллективах. Такое было время. Научное время повернуть невозможно, но вводить его в контекст истории науки необходимо [подр. см.: Краснова 2011].

2. Вернемся к термину дискурс и к особенностям его использования в научных текстах. Важнейшее свойство термина — системность, т. е. парадигматическая соотнесенность с другими уже существующими единицами метаязыка. Ведь терминология в области науки — это не просто список терминов, а «семасиологическое (т. е. знаковое) выражение определенной системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определенное научное мировоззрение» [Ахманова 1966: 9].

Мировоззрение в науке о языке в конце XX в. довольно быстро эволюционировало от лингвистики текста в середине 70-х годов к когнитивной лингвистике в середине 90-х и ознаменовалось бурным развитием теории дискурса сразу в нескольких национальных

школах Западной Европы [Чернявская 2006: 53]. В частности, их связывал общий интерес к социальным процессам в языке под влиянием дискурса власти (пример СССР). В конце 90-х годов отмечены были изменения и в советской лингвистической науке: в центр терминосистемы поместилось сочетание *человеческий фактор в языке* — базовое понятие современной отечественной антропологической лингвистики. Его источником была публицистика первых лет перестройки (*социализм с человеческим лицом, человеческий фактор в экономике*): ср. название монографии «Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис» (1992). Перед нами пример того, как эмоционально-оценочная нейтральность — одно из свойств термина — уступила место распространению оценочной коннотации. Нечто подобное произошло с термином *дискурс*, и неслучайно, если учесть опыт его оценки как ключевого в исследованиях массмедиа на Западе [Квадратура смысла 1999; см. также: Филлипс, Йоргенсен 2008; Матисон 2013].

С одной стороны, поскольку термин соответствует абстрактному понятию, его семантика равна чистому сигнификату, а содержание — «совокупность классообразующих признаков» [Никитин 1997: 45]. С другой стороны, в определениях дискурса имеется немало метафорических ходов. Ср. часто цитируемое диссертантами определение Н. Д. Арутюновой, где дискурс понимается как «речь, опрокинутая в жизнь» [Арутюнова 1990]. Если же учесть краткую дефиницию Э. Бенвениста (*дискурс* — «речь, присвоенная говорящим»), становится очевидным главный дублер заимствованного слова-понятия — *речь*.

Научная дублетность термина связана с интернационализацией терминологии («свое / чужое») и с формами речевой экономии. Отсюда же иронические коннотации, которые слово *дискурс* приобретает в контекстах обиходного употребления², в языке писателя или журналиста. Среди журналистов это слово воспринималось как «изюминка». Должно быть, обратным следствием стало давление «наивной» — отраженной в массмедиа — картины мира на научное сознание. В работах по изучению продуктов СМИ есть немало примеров выхолащивания структурного содержания термина *дискурс*³. Термин превращается в формулу, своего рода идеологему, в заявлении о методологическом освобождении от старых оков. Из слова-понятия, должного объединять исследования в русле новой междисциплинарной реальности лингвистики, слово *дискурс*, употребляемое вместо терминов *речь, стиль, текст, речевая практика, тематический блок* и др., влечет за собой всеобщее подозрение к самому термину и связанному с ним новому положению вещей.

3. Номенклатурная «болезнь». Выбор, а тем более создание своего термина обязательно предполагает его эксплицированное сравнение с ближайшими элементами терминосистемы — синонимами-дублерами (вариантами), с ближайшими с логической точки зрения понятиями: род // вид (гиперо-гипонимические отношения), целое // часть (партитивные отношения) [Куликова, Салмина 2002: 43]. В отечественной лингвистике обозначение *дискурс* вошло в смежные отношения с понятиями «речь» и «стиль» не только на правах гиперонима, замещая их в научных текстах как синонимичный номен, но и на правах гипонима, как номенклатурная этикетка.

«Номенклатурная болезнь», отмеченная таким наименованием еще И. А. Бодуэном де Куртенэ, состоит в «ужасающем количестве вновь созданных специальных терминов» [Там же: 152]. По выражению одного из участников международного круглого стола по дискурсологии (Ополе 2011, Минск 2013) «складывается впечатление, что нет ничего, что не могло бы быть названо „дискурсом“» [La Table Ronde 2013: 35].

Главная особенность терминообразования — создание гнезд составных терминов с одним и тем же опорным словом-термином. Степень разработанности и популярности термина определяется степенью «обрастания» нового базового понятия собственной па-

радигмой типов. Ниже приводятся сгруппированные по общим признакам терминологические сочетания, извлеченные из научных работ, включая диссертации. В большинстве своем наименование *дискурс* входит в словосочетания, где раньше стояли слова-понятия *стиль, речь* или *язык*. Хотя некоторые из номенов и по форме, и по выражаемому значению могут быть квалифицированы как побочные или даже индивидуально-авторские.

Наименования дискурса по сфере (или месту) использования (можно поставить вопрос: Где используется?): *официальный дискурс, политический дискурс, институциональный дискурс, медийный дискурс, радиодискурс, интернет-дискурс, газетный дискурс, научный дискурс, юридический дискурс, исторический дискурс, экологический дискурс, экономический дискурс, образовательный дискурс, религиозный дискурс, медицинский дискурс, спортивный дискурс, городской дискурс; рекламный дискурс, культурный дискурс (вариант дискурс культуры), арт-дискурс, (вариант эстетический дискурс), кулинарный дискурс* и т. п.

Наименования дискурса по субъект-объектной принадлежности: а) по субъектному признаку (Кому принадлежит? Кто им пользуется?): *журналистский дискурс, читательский дискурс, уголовный дискурс, дискурс горожан, дискурс волонтеров, дискурс тренеров, дискурс спортсменов, дискурс фанатов*; б) по объектному признаку (К чему относится? Чему посвящен?): *дискурс войны, дискурс села, дискурс города, дискурс городской среды, ландшафтный дискурс, дискурс благоустройства, дискурс праздника, субдискурс памятника, мини-дискурс разбитого автомата; встретилось выражение пересечение городского субдискурса с жанровым* [Новгородское медиаполе 2015: 105–110 и др.].

Наименования дискурса по телеологическому признаку (С какой целью используется?): *пропагандистский дискурс, идеологический дискурс, биографический дискурс, идентифицирующий дискурс, репрезентирующий дискурс, обучающий дискурс, имиджеформирующий дискурс, жанровый дискурс, тематический дискурс*; обозначены и такие разновидности: *актуальный дискурс, дофактумный дискурс, постфактумный дискурс*.

Наименования дискурса по модально-оценочному и качественно-количественному признаку: *эмотивно-оценочный дискурс, позитивный дискурс, оппозитивный дискурс, радикальный дискурс, умеренный дискурс, политически нейтральный дискурс, критический дискурс, конфликтный дискурс; старый дискурс, древний дискурс* и т. п.

Как видим, расподобление и группировка наименований дискурса отражает предметную схему, характерную для исследований медиа (где — кто / что — с какой целью — как используется). Приведенные сочетания — порождение медийной ориентации терминосистемы, чувствительной к «тренду» (на языке массмедиа) и заслонившей прежний научный приоритет. Неслучайно говорят, что «мода на дискурсивные исследования привела к терминологической эклектике в стилистике»; «происходит неосмысленное членение коммуникации на произвольно выделяемые (по разным основаниям) типы дискурсов» [Клушина 2013: 27].

В свете выраженной тенденции *дискурс* можно назвать идеологемой междисциплинарного направления исследований, если учесть способность идеологемы одним лишь присутствием в тексте ознаменовать нужный *тренд*. В свое время был раскрыт механизм политического превращения нового термина в идеологему. Такой процесс сопровождается осознанной или неосознанной девальвацией его значимости как понятия [Горбачев 1999; см. также: Maier 1975]. Наша версия: превратившись в расплывчатую «программную формулу», *дискурс* обозначает уже не то понимание, которое выработано в фундаментальных исследованиях, а лишь то, которое по разумению говорящего дает возможность уподобления. Поэтому идеологема *дискурс* и термин *дискурс* находятся в напряженных отношениях.

В явлении тиражирования можно усмотреть также следующую закономерность. Обиходное словоупотребление не предполагает жесткого разграничения смежных понятий и обозначающих их слов: например, в словарном толковании 4-го значения язык — это «разновидность речи... стиль, слог (*Разговорный язык... Газетный язык*)» в Малом академическом словаре [Словарь русского языка 1984: 780] сближаются как синонимы *язык // стиль*, разграничение которых в лингвистической науке все-таки уже аксиома. Создается впечатление, что наш научный метаязык стал изобиловать при-метами речевой обиходности с ее удобной неразборчивостью.

Большие трудности у молодых специалистов вызывает различная научная интерпретация термина *дискурс* и понятий, введенных в его парадигму: «текст» и «дискурс»; «тема» («топик») и «концепт»; «фрейм» и «формация дискурса»; «речевая практика» и «дискурсивная практика»; «внешние и внутренние пресуппозиции дискурса»; «субъект дискурса», «интердискурс» и др. Трудность понимания, связанная с понятием «дискурс», не всегда обусловлена неопределенностью и комплексностью содержания самого слова. Трудность понимания обусловлена комплексным характером самой коммуникативной действительности, стоящей за термином *медиадискурс* [Кожемякин 2010].

4. Дискурс и текст (стиль). Как известно, развитие представлений о дискурсе поставило его в соотношение с категорией «текст» и ввело в систему понятий, методов и принципов лингвистики текста. Значение термина *дискурс* близко к пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стили-стическом аспекте. Однако дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, осу-ществляемое в определенно обусловленном коммуникативном пространстве. Если же это текст, то он в неразрывной связи с ситуацией и контекстом, определяющим всё то, что суще-ственно для порождения данного высказывания. В этом случае дискурс характеризует ком-муникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры — текста.

Особое внимание исследователей привлекло понятие дискурсивной формации (объ-ектов, модальностей, различных стратегий, установления концептов), введенное М. Фуко [Фуко 1996: 33]. Однако и здесь, в отличие от западных школ, по существующей у нас традиции в основе идеи дискурсивной формации лежит не идеологический конструкт, а известное понимание структуры дискурса. Ср.: «Дискурс — это интегративная сово-купность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отноше-ниями и/или объединенных в функционально-речевом отношении» [Стилистический энциклопедический словарь... 2006: 53–54]. В таком случае дискурс мало отличается от стиля. Разница лишь в том, что он представлен интегративной (взаимопроникающей) совокупностью текстов, ср.: научный, медицинский дискурс. У нас идея дискурсивной формации строится в основном на сферах коммуникации (области знаний) и содержа-тельно-тематических отношениях, т. е. в традициях лингвопоэтики и стилистики.

Однако в такой широкой трактовке дискурса — как интегративной совокупности тек-стов — есть и своя новизна: 1) упор делается на интеграцию как процесс взаимодействия, уплотнения, унификации знания... процесс развития, который обусловлен взаимопр-оникновением различных видов деятельности; 2) интеграция понимается как процесс организации отношения элементов, в которых сохраняется их относительная самостоя-тельность, ментальная (психическая) в том числе. Понимание смысла интеграции пред-полагает также рассмотрение становления таких взаимосвязей, которые определяют и изменяют текст (его компонент). Благодаря своему вхождению в систему взаимосвязей с другими элементами смысл качественно изменяется [Жданова 2009]. Поэтому воз-можно рассмотрение новой интегративной совокупности текстовых свойств, развитых

в дискурсе. Например, развивается слог журналиста в процессе дискурсивной практики как фонового (неэксплицированного) знания в конкретно речевой деятельности [Иссерс 2011]. Ниже можно вычлениить в одном изложении три интегрированных дискурсии (такие, как будто бы они из разных текстов) во взаимодействии: 1) собственно журналистское изложение события о встрече святых мощей в С.-Петербурге (выделено полужирным шрифтом); 2) элементы дискурса почитаемого старца (выделено курсивом); 3) почтительная речь журналиста же в духе монашествующих (тех, с кем он общался).

Брат наш Силуан

(1) ...В его биографии нашлось место и Петербургу. Отец настоял, чтобы до отправления на Афон он прошел военную службу в Санкт-Петербургском саперном батальоне. (2) Одним из направлений святой жизни и молитв преподобного было мольба за мир — (3) *«за всего Адама, как за самого себя»*. **Как условие познания мира Силуан называл любовь к ближнему: «Брат наш есть наша жизнь».**

Преподобный скончался в 1938 году, а в 1952-м опубликованы его записки, которые ныне монашествующие называют «Новым Добролюбием» (С.-Петерб. ведомости. 2016. 16 сент.).

Здесь представлена единая интегративная ткань текста. В то же время к ней могут быть применены две интерпретации термина *дискурс* — широкая (медальная) и узкая (идеологическая). С точки зрения широкой трактовки перед нами м е д и а д и с к у р с, где сплетаются три субъектно разные нити изложения, а посредников два (корреспондент и монашествующие). С точки зрения узкой трактовки термина ткань текста пронизывает и д е о л о г и ч е с к и й д и с к у р с. Это ось проповеди святого: здесь присутствует главный концепт его мировоззрения — 'братство', 'добролюбие' отождествительный фрейм (части отождествления в тексте подчеркнуты). Это особый мир и особый язык.

5. Понимание и определение термина *дискурс*. Прагматико-стилистическая традиция исследований дает акцент (вряд ли продуктивный), который вносится в трактовку понятия дискурса как вида «речевой практики». По образцу стилистических исследований в разработку принципов дискурсного анализа вводятся определенные составляющие экстралингвистического контекста с указанием, что они носят дискурсообразующий характер. Во всяком случае, это не мифологические составляющие, о которых в качестве дискурсообразующих писали Ю. С. Степанов, П. Серию и некоторые другие представители западной школы дискурсного анализа [Степанов 1995; Серию 2001; Филиппс, Йоргенсен 2008; Матисон 2013]. Термин *дискурс* относится к интернационализмам (восходит к лат. *discurrere* — обсуждать, вести переговоры), и порой возникает ощущение, что к иноязычному термину отношение у нас свое, выращенное в обстоятельствах трудного времени в наилучших условиях. Во времена властного давления (эпоха СССР) функциональная стилистика с ее нормативно-регуляторными способностями, изучением тактик и приемов воздействия завоевала право на приоритет в цикле языковых дисциплин для журналистов. В научном обиходе ее даже называли «зонтиковой» наукой по охвату всего функционального направления, изучающего идеологию употребления⁴. В этих условиях многое зависит от того, как понимается многозначный термин *дискурс*. Поскольку вне системы определений нет и системы терминов, дефиниция должна передать все существенные признаки понятия. Сразу оговоримся: наиболее популярные определения дискурса будут представлены коротко, чтобы на их фоне развернуть терминологическое описание классического образца.

С. Д. Шелов выделяет несколько способов (типов) определений: родовидовые, перечислительные (экстенциональные), контекстуальные и операционные [Шелов 1990; см. также: Шелов 1993].

К родовидовым определениям относится любая дефиниция, у которой в составе определяющей части вычленяется родовое понятие и его видовой признак. Таких определений дискурса разбросано по публикациям довольно много. Ср.: «речь, присвоенная говорящим» (Э. Бенвенист); «речь, опрокинутая в жизнь» (Н. Д. Арутюнова)⁵; «высказывание с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет» [Серио 2001: 550], «форма знания», «форма художественного знания»⁶; «совокупности медиатекстов», «языковой коррелят социокультурной практики»⁷; «инструмент медиалингвистики», «инструмент исследования регионального медиополя» [Новгородское медиополе 2015: 43–46]. Как видно из перечисления, возникла тенденция механического или инструментального понимания термина *дискурс*. Общий недостаток таких определений — неполнота и метонимичность. К примеру, дискурс как совокупность текстов может пониматься и в метонимическом смысле: «совокупность текстов, пронизанная дискурсом» (известно введенное М. Фуко понятие «диагональность дискурса» как способ его исторического существования во времени или эпохе).

Встречаются перечислительные определения дискурса. Они строятся по принципу раскрытия объема понятия — дается перечисление элементов, входящих в него: «либо как видовые его представители, либо как его части» [Шелов 1990: 24]. Ср.: «Дискурс нужно рассматривать как совокупность факторов, будь то знаковая сторона, структурная, когнитивная или социальная» [Островская 2013: 32–33].

Не имеют строгой формы дефиниции контекстуальные определения (или неявные). Более того, автор, использующий тот или иной термин, «может указать, предъявить лишь некоторые объекты, на которые данный термин распространяется, надеясь при этом, что подготовленный и согласный с ним в принципе читатель и так все поймет» [Шелов 1990: 27]. По С. Д. Шелову, контекстуальные определения для гуманитарных наук, в частности для языкознания, достаточно типичны. Конечно, это делает восприятие многозначного термина *дискурс* не всегда адекватным вложенному в него понятию, которое и для автора может быть лишено четкой однозначности.

Ниже дано образцовое, на наш взгляд, описание термина *дискурс* (в сокращении) у Ю. С. Степанова и цитируемого им В. З. Демьянкова. Данное толкование представляется особенно ценным, так как теперь уже совмещает интернациональное знание о термине *дискурс* в традициях разных школ [Степанов 1995: 35–73]. Описание дано в порядке следования материала с помощью категории, введенной специалистами-терминоведами — «металингвистической коммуникативной ситуации» (МКС) [Куликова, Салмина 2002: 149]. Части, относящиеся к виду МКС, выделены курсивом.

МКС «история термина дискурс». «Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 70-х годов, первоначально в значении близком к тому, в каком в рус лингвистике бытовал термин „функциональный стиль“ (речи или языка)». / **МКС «разграничение терминов».** Причина того, что *при живом термине* „функциональный стиль“ *потребовался другой* — „дискурс“, заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в *русской традиции* (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) „функциональный стиль“ *означал прежде всего особый тип текстов* — разговорных, бюрократических, газетных и т. д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику», / **МКС «сопоставление терминов разных метадиалектов»** «в *англосаксонской традиции* не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания».

/ **МКС «уточнение термина».** «Англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, *вне традиции* — как к особенностям текстов. „Дискурс“ в их

понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях. Т. М. Николаева в своем Словарике терминов лингвистики текста (в 1978 г.) под этим термином писала: „Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных (т. е. даже не синонимичных. — Ю. С.) Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная“ [Степанов 1995: 36–37].

/ МКС «**дефиниция термина**». «Дискурс — это прежде всего совокупность текстов, за которой „встает“ особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете, особый мир. В мире дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это возможный (альтернативный) мир» [Там же: 44–45].

«Лишь значительно позднее, — пишет Ю. С. Степанов, — англо-саксонские лингвисты осознали, что „дискурс“ — это не только „данность текста“, но и некая стоящая за этой „данностью“ система. „Была разработана более независимая парадигма, которая принята в Европе и в Соединенных Штатах“ (Ван Дейк и Кинч). Между тем В. З. Демьянков в своем словаре „Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста“ (вып. 2, 1982 г.)⁸ сумел дать обобщающий эскиз „мира дискурса“, который был назван „лучшим до сих пор определением“ дискурса»:

«Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который „строится“ по ходу развертывания дискурса». С точки зрения грамматики «исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и „не-события“, т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» (подчеркнуто нами. — Т. К.) [Степанов 1995: 44–45].

Дискурс, пишет Ю. С. Степанов, существует не только в явно обозначенной политической сфере, но также и в другой. Но речь может идти именно о нормах дискурса, которые авторы некоторых работ желают выдать за нормы русского языка вообще. Степанов отмечает: «Дискурс — это прежде всего тексты (прежде всего, но далеко не только тексты). Во всяком случае дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка (языка дискурса. — Т. К.), — в настоящее время уже не является адекватным» [Там же].

Признаки дискурса в о о б щ е Ю. С. Степанов определил следующим образом:

«Дискурс, по-видимому, создается не во всяком языке, или, точнее не во всяком ареале языковой культуры. Дискурсы... выделяются в языке соответствующей эпохи. Это связано, по-видимому, с наличием особого мифологического слоя в культуре того времени. Но не является ли дискурс в с е г д а, в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии?»

Другая особая, конституирующая, черта дискурса состоит в том, что дискурс предполагает и создает своего рода *д е а л ь н о г о а д р е с а т а*, который отличен от конкретного „воспринимателя речи“... „Идеальный адресат, — говорит П. Серио, — может быть определен как тот, кто принимает все presupпозиции каждой фразы, что позволяет дис-

курсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции».

Итак, что такое дискурс, по Ю. С. Степанову?

«Дискурс — это „язык в языке“, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей „грамматики“ и своего „лексикона“, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — „возможный (альтернативный) мир“ в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из „возможных миров“» [Там же].

5. Скажем несколько слов о сосуществующих похожих наименованиях *медиастилистика* и *медиалингвистика*. *Медиастилистика* — это стилистика языка и речи в СМИ. *Медиалингвистика* — это поле языковых наблюдений и ключевая область медиадискурсологии, которая должна изучать дискурсивную деятельность в СМИ. Дискурсивная (речемыслительная) деятельность соотносится с определенным моментом речевого поведения СМИ. Она сродни дискурсивным навыкам, ранее накопленного дискурсивного опыта миромоделирования в рамках определенного социального контекста.

6. Заключение. Понятие «дискурс» входит в разряд терминов, образованных основным вектором развития отечественной лингвистической под названием «Речеведение». Почему, зная, что такое термин и какова его природа, лингвисты не могут справиться с «болезнями» собственной терминологии? Должно быть, для этого есть и внешние, объективные, и субъективные причины.

Среди внешних причин оказывается постоянно развивающееся научное знание, множественность лингвистических направлений, школ, концепций в мировом и отечественном языкознании. Главное требование к идеальному термину — его однозначность. Однако именно мышление и не позволяет выполнить это идеальное требование: содержание понятий изменяется в процессе познания, возникают новые понятия. Субъективное начало привносится исследователем, определяющим, сознательно уточняющим границы содержания специального понятия.

Выводы. Согласно нашему пониманию в отечественной науке есть широкое (когнитивно-прагматико-стилистическое) и узкое (конструктивно-социально-идеологическое) понимание термина *дискурс*.

Иногда научное слово, подобно идеологеме, оказывается объектом манипуляции вследствие того, что сумма его существенных признаков может быть представлена по-разному, а их иерархия выстроена в соответствии с потребностями той или иной стратегии конкретного описания.

Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова *дискурс* как инструмента тематического описания поля массмедиа. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

Как представляется, одним из центров внимания современных исследователей СМИ должна быть медиалингвистика с социологическим акцентом, т. е. с вниманием к идеологии (интерпретации «мира»), а также к дискурсивным практикам, дающим выход в изучение оттенков общественного мнения, его затемненных зон и проблемных состояний.

Продуктивными являются интернациональные школы дискурсивного анализа, часть которых наследовала социологическим идеям марксистской философии языка, разработанной В. Н. Волошиновым (М. М. Бахтиным).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кстати, в работах Т. Г. Добросклонской, посвященных медиалингвистике, на месте модного слова *дискурс* стоят общепринятые *язык* и *речь*, ср.: «Предметом медиалингвистики является функционирование языка в средствах массовой информации, медиаречь во всем богатстве ее форм и проявлений» [Добросклонская 2015: 45].

² В одном научном сборнике приводится эпизод из романа В. Пелевина, где на речевой «стимул» (иноязычную лингвотерминологию) герой отвечает «реакцией»: «Мама. Когда я слышу слово дискурс, я хватаюсь за свой симулякр».

³ Понятие «дискурс» нередко рассматривается как известный комплекс признаков, в свое время выведенных для текста и не вполне обязательных или возможных для дискурса, — таких, например, как цельность, завершенность, ясность: «Как любому другому типу дискурса, рассматриваемому феномену (речь идет о туристическом дискурсе. — Т. К.) свойственны связность, цельность, завершенность, информативность, ясность, адресованность, модальность, композиционная оформленность» [Дискурс современных масс-медиа... 2016: 134]. Пример отождествления дискурса и жанра: «Если обратиться к истории *биографического* дискурса, то нетрудно заметить, что на протяжении истории европейской культуры биография функционировала как разновидность в значительной степени самостоятельного и даже самоценного текста» (курсив наш. — Т. К.) [Там же: 115]. В статье Н. Г. Нестеровой «Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению» при новизне терминологии предпочитается формально механистическое представление о структуре дискурса и совсем не затрагивается присущий дискурсу-анализу социально идеологический подход: «Мы придерживаемся такого представления о *радиодискурсе*, в соответствии с которым он состоит (с точки зрения структурной организации) из множества текстов, ориентированных на различные типы коммуникации» (курсив наш. — Т. К.) (URL: <http://pandia.ru/text/78/226/96734.php>; дата обращения 01.09.2016).

⁴ М. Н. Кожина отвечала на такие суждения уклончиво. Она, прежде всего, утверждала приоритет функциональной стилистики в речеведении. Как редактор «Словаря», М. Н. Кожина отрицала возможность интерпретации стилистики в качестве «зонтиковой» науки, указывая в качестве междисциплинарной на «когнитивную науку» [Стилистический энциклопедический словарь... 2006: 335].

⁵ Определение дискурса Н. Д. Арутюновой, в развернутом виде представленное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Арутюнова 1990: 136–137], хорошо известно, однако эта его часть самая цитируемая.

⁶ Ср.: «Предполагаемый анализ носит дискурсивный характер, если под дискурсом понимать „форму знания“, в данном случае — форму художественного знания о мире» [Художественная речь...: 11].

⁷ Ср. характерное суждение: «Можно считать уже общепринятым, что термином *дискурс* обозначают совокупности медиатекстов. Так, в книге Н. И. Клушиной со ссылкой на идеи В. Е. Чернявской подчеркивается: „дискурс — это не конкретный отдельный текст, включенный в коммуникативную ситуацию, а **совокупность**... текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики“» [Шмелева 2012: 157].

⁸ Ю. С. Степанов указывает издание: *Демьянков В. З.* Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Тетради новых терминов. № 39. М.: Всесоюз. центр переводов, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

Ахманова О. С. Предисловие // Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 3–17.

- Ахманова О. С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
- Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
- Волошинов В. Н. [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс, 1995, С. 216–380.
- Горбачев Е. В. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления // Вестн. Самар. ун-та. Серия. Лингвистика. 2000. № 3. С. 126–134.
- Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: матер. II междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2016.
- Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1(6). С. 45–56.
- Жданова М. Г. Понятие интеграции в исследовании социальных процессов [Электронный ресурс] // Медицина и образование в Сибири. 2009. № 1. URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=331.
- Иссерс О. С. Дискурсивная практика как реальность // Вестн. Омск. ун-та. 2011. № 4. С. 74–79.
- Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.
- Клушина Н. И. Зона пересечения стилистики и дискуртологии // La Table Ronde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013. С. 26–28.
- Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83), вып. 6. С. 13–21.
- Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920(22) гг. СПб.: Сев. звезда, 2011. С. 72–90.
- Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику: системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии. СПб.: САГАСАГА, 2002.
- Матисон Д. Медиа дискурс: анализ медиа-текстов: исследования медиа и культуры. Харьков: Гуманитар. центр, 2013.
- Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теорет. грамматики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997.
- Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2015.
- Островская, Татьяна. В рамках парадигмы «язык — речь — текст» стало тесно // La Table Ronde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013. С. 32–33.
- Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549–562.
- Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. язык, 1980.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности: сб статей // Язык и наука конца 20 века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35–73.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, Наука, 2006.
- Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитар. центр, 2008.
- Фуко, Мишель. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
- Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века: анализ текста / под ред. К. А. Роговой. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. ун-та, 2002.
- Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, Наука, 2006.

Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) // Вопр. языкозн. 1990. № 3. С. 21–31.

Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998.

Шмелева Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2012. № 18 (137), вып. 15. С. 157–163.

La Table Ronde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. Минск: РИВШ, 2013.

Maier H. Können. Begriffe dies esellschaft verändern? // Sprache und Herrschaft / Hrsg. G. K. Kaltenbrunner. München, 1975.

REFERENCES

Ahmanova O. S. Foreword [Predisloviye] // Glossary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov]. Moscow, 1966.

Ahmanova O. S. Linguistic Terminology [Terminologiya lingvisticheskaja] // Linguistic encyclopedic dictionary [Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar']. Moscow, 1990.

Arutyunova N. D. Discourse [Diskurs] // Linguistic encyclopedic dictionary [Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar']. Moscow, 1990.

Budagov R. A. Man and his language [Cjelovek i jego jazyk]. Moscow, 1974.

Chernyavskaya V. E. Discourse [Diskurs] // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language [Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka]. Moscow, 2006.

Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo jazyka]. Vol. 4. Moscow: Russian language, 1980.

Discourse of modern mass-media in the perspective of theory of social practice and education [Diskurs sovremennykh mass-media v perspective teorii, sotsial'noj praktiki i obrazovanija]: mater. of II intern. sci.-pract. conf. Belgorod, 2016.

Dobrosklonskaja T. G. Massmedia discourse in the system of mediallyngvistics [Massmediyny diskurs v sisteme medialingvistiki] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2015. No. 1 (6). P. 45–56.

Foucault M. The archaeology of knowledge [Arkheologija znanija]. Kiev, 1996.

Gorbachev E. V. "Struggle for vocabulary" as part of the political discourse of the FRG: theoretical comprehension problems [«Bor'ba za leksiku» kak chast politicheskogo diskursa FRG: problem teoreticheskogo osmysleniya] // Vestn. of Samara Univ. Ser. Linguistics [Vestn. Samar. un-ta. Ser. Lingvistika]. 2000. No. 3. P. 126–134.

Issers O. S. Discourse practice as reality [Diskursivnaya praktika i realnost] // Herald of the Omsk University [Vestn. Omsk. un-ta]. 2011. No 4.

Klušina N. I. Zone crossing style and discourse studies [Zona peresecheniya stilystiki i diskursologiya] // La Table Ronde. 2. Linguistics of discourse and its development prospects in the paradigm of modern Slavonic. Minsk, 2013. P. 26–28.

Kozhemyakin E. A. Mass communication and media discourse: the research methodology [Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya] // Sci. Statements of Belgorod State Univ. Ser. The Humanities [Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki]. 2010. No. 12 (83), is. 6. P. 13–21.

Krasnova T. I. Another voice: an analysis of Russian émigré newspaper discourse 1917–1920 (22) [Drugoy golos: analiz gazetnogo diskursa russkogo zarubezhya 1917–1920 (22) gg.]. St Petersburg, 2011. P. 72–90.

Kulikova I. S., Salmina D. V. Introduction to the metalinguistics (System, dictionary and communicative-pragmatic aspects of language terminology) [Vvedeniye v metalingvistiku (sistemny, leksikouraficheskiy i kommunikativno-pragmaticheski aspekty lingvisticheskoy terminologii)]. St Petersburg, 2002.

La Table Ronde. 2. Linguistics of discourse and its development prospects in the paradigm of modern Slavonic [Krugly stol. 2: Lingvistika diskursa i perspektivy yeyo razvitiya v paradigm sovremennoy slavistiky]. Minsk, 2013.

Matheson D. Media discourses: analysing media texts [Media diskurs: analiz media-tekstov]. Harkov, 2013.

Maier H. Können. Begriffe dies esellschaft verändern? // Sprache und Herrschaft / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. München, 1975.

Nikitin M. V. Course of linguistic semantic [Kurs lingvisticheskoy semantiky]. St Petersburg, 1997.

Novgorod mediapole: experiences of linguistic studies [Novgorodskoye mediapole : opyty lingvisticheskogo issledovaniya]. Veliky Novgorod, 2015.

Ostrovskaya T. Within the paradigm of “language — speech — text” has become closely [V paradigme «yazyk — rech — text» stalo tesno] // La Table Ronde. 2. Linguistics of discourse and its development prospects in the paradigm of modern Slavonic. Minsk, 2013. P. 32–33.

Phillips L., Jorgensen M. Discourse analysis as theory and method [Diskurs-fnfliz: teorija i metod]. Harkov, 2008.

Quadrature of meaning: French school of discourse analysis [Kvuadratura smysla: frantsusskaya shkola analiza discursa]. Moscow: Progress, 1999.

Rhythmic speech of Russian Diaspora: 20–30 years of the twentieth century: an analysis of the text [Hudodzhestvennaya rech russkogo zarubedzhya: 20–30 gody XX stoletiya: analys texta]. St Petersburg: Publish. House of St Petersb. State Univ., 2002.

Serio P. Analysis of discourse in French school (discourse and interdiscourse) [Aanliz diskursa vo frantsuzskoj cshkole (dpskurs i interdiskurs)] // Semiotics: anthology [Semiotika: antologija]. Moscow, 2001. P. 549–562.

Shelov S. D. Definitions and conceptual structure of terminology [Opredeleniye terminov i ponyatiynaya struktura terminologii]. St Petersburg: Publish. House of St Petersb. State Univ., 1998.

Shelov S. D. On the definition of language terms (experience of typologies and interpretation) [Ob opredeleniyi lingvisticheskoy terminov (opyt tipologiyi i interpretatsiyi)] // The Questions of Linguistics [Vopr. jazykozn.]. 1990. No. 3.

Shmeleva T. V. Discourse and research media vistics [Discurs i issledovatel'skiy instrumentarny medialingvistiki] // Sci. Statements of Belgorod State Univ. [Nauch. vedomosty Belgorod. gos. un-ta]. 2012. No. 18 (137), is.15. P. 157.

Stepanov U. S. Alternate world, Discourse, Fact and Reason of causality [Alternatyvny mir, Diskurs, Fakt i printsyp Prichinnosty] // Language and science of the 20 century end [Jazyk i nauka kontsa 20 veka]. Moscow, 1995 P. 35–73.

Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language [Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka]. Moscow, 2006.

Voloshinov V. N. [Bakhtin M. M.] Marxism and the philosophy of language: main problems of sociological method in the science of language [Marksizm i pfilosofia yazyka: osnovnye problemy sotsyologicheskogo metoda v yazykoznanii] // Voloshinov V. N. Philosophy and sociology humanities [Filosofija i sotsiologija gumanitarnykh nauk]. St Petersburg, 1995, 216–380.

Zhdanova M. G. Notion of integration in the study of social processes [Ponyatiye integratsii v issledovanii integrativnykh protsessov] // Healthcare and education in Siberia [Meditsina i Obrazovaniye v Sibiri]. 2009. No. 1.

**МЕДИАТЕКСТ: СТРУКТУРА, КОМПОЗИЦИЯ,
ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ**
.....

УДК 811.161.1'271.12+811.161.
1'271.16
ББК 81.2Рус
ГРНТИ 16.28
ВАК 10.02.01

А. Н. Байкулова
Саратов, Россия

**ПЕРСУАЗИВНЫЕ ПРОГНОЗЫ
И СЦЕНАРИИ
В МАССМЕДИЙНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(ФУНКЦИИ И СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ)**

Алла Николаевна Байкулова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.
410012, Саратов, Астраханская ул., 83.
E-mail: allabay15@mail.ru.

Постановка проблемы. Потребность человека регулировать происходящие в жизни процессы, оказывать влияние на то, что его окружает, будь то другой человек, животное, вещь или природное явление, неразрывно связана с речевым воздействием. Способы речевого воздействия вырабатываются в различных повседневных практиках. Оттачиваясь в первичной коммуникации, приемы воздействия начинают сознательно использоваться людьми в качестве инструмента для достижения любых собственно коммуникативных или практических целей во вторичной коммуникации, к которой, безусловно, относится и общение, опосредованное средствами массовой информации. При помощи различных СМИ осуществляется медиатизация — глобальное воздействие на мышление индивидов [см.: Рогозина 2003: 121; Бобровская 2011: 14].

Среди разнообразия способов речевого воздействия можно выделить персуазивные высказывания (ПВ), реализуемые в форме прогнозов и сценариев. Как функционируют эти единицы, каков их коммуникативно-прагматический потенциал и средства выражения? Эти вопросы и составляют суть рассматриваемой проблемы.

История вопроса. И. А. Стернин определил *речевое воздействие* как «воздействие человека на другого человека или группу лиц (дополним — на массы людей. — А. Б.) при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели»; рассмотрел его становление как науки, теории; выявил способы речевого воздействия на другую личность (доказывание, убеждение, уговаривание, клянчанье, внушение, приказ, просьба, принуждение) [Стернин 2001: 54–66].

В отечественной лингвистике используется и широко распространенный за рубежом термин *персуазивная коммуникация* (понятие *персуазивность* известно еще из античной риторики). А. В. Голодновым пер-

суазивная коммуникация определяется как «ментально-речевое взаимодействие коммуникантов, реализующее попытку воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий)» [Голоднов 2003; 2011]. На наш взгляд, стратегия персуазивности — это попытка изменения не только поведения, но и образа мыслей адресата.

Персуазивные высказывания, прогнозы и сценарии, как эффективный (но иногда и рискованный) [Рискогенность... 2015] способ воздействия рассматривались нами на материале неофициальной (первичной) коммуникации — семейного и дружеского общения [см.: Байкулова 2014; 2015]. Персуазивный прогноз (ПП), в нашем понимании, — «краткое предсказание, сделанное на основе установления причинно-следственных связей между какими-либо событиями»; персуазивный сценарий (ПС) — «развернутое высказывание воздействующего характера, в котором эксплицируется череда предполагаемых или выстраиваемых говорящим событий» [Байкулова 2015: 60].

В семейной коммуникации специфика функционирования ПП и ПС обусловлена иерархией семейного быта и прежде всего связана с заботой коммуникантов друг о друге. Обычно такие способы воздействия сопутствуют предостережению, утешению, запрету, рекомендации, инструкции и другим жанрам. В дружеской коммуникации преобладает иная особенность использования ПП и ПС — они являются способами выражения стратегий коммуникантов, направленных на самовыражение, самопрезентацию, самоутверждение. Большую роль они играют и как средство создания комического, формируя особую атмосферу дружеского общения, в том числе и иронии. В персуазивных прогнозах и сценариях воплощаются планы, мечты и фантазии друзей.

В данной работе мы решаем проблему функционирования персуазивных прогнозов и сценариев во вторичной коммуникации — в СМИ, которые транслируют речь не только журналистов, но и тех, с кем журналистам приходится общаться в медийном пространстве. Особое значение имеют выступления политиков, общественных деятелей, руководителей страны, поскольку их речь влияет на речь масс и фактически формирует представление о нормах как опосредованного общения в СМИ, так и вообще любого другого вида общения [см.: Рискогенность 2015].

Политический дискурс в современных СМИ представлен очень широко, и в данной статье именно на функционирование ПВ политиков в СМИ обращено наше внимание. «Политический дискурс склонен к провиденциальности и прогнозированию», — отмечает Е. В. Быкова [Быкова 2016: 94]; способность к прогнозированию является одним из главных качеств политиков, и, вероятно, поэтому персуазивы особенно заметны в политическом дискурсе. И это главная причина того, что именно речь государственных деятелей, известных политиков, включающая в себя прогнозирование как одну из важнейших составляющих политтехнологии, стала предметом исследования. Политтехнология предполагает разные методы прогнозирования, но особую значимость приобретает сценариотехника, являющаяся основным технологическим инструментарием пошагового описания гипотетического развития событий [Соловьев 2006]. Сценарии могут быть представлены в виде кратких описаний ситуаций и тенденций их развития, сообщений на основе статистического анализа, значительных по объему аналитических исследований, эссе и др. Логика прогнозирования предполагает «последовательный переход от уточнения характера и масштабов целей и построения рабочих гипотез к построению базовой гипотетической модели», а затем и «к оценке достоверности и точности прогноза» [Там же]. В зависимости от политических целей возможны прогнозы разного масштаба (например, макроэкономический прогноз и прогноз, связанный с выпуском той

или иной продукции), есть классификации, устанавливающие связь прогнозирования со временем (долгосрочные, краткосрочные и т. п.) [Там же].

Материал исследования. В качестве материала исследования использовались выступления видных политических деятелей, транслируемые традиционными и электронными СМИ: федеральными и региональными газетами («Аргументы и факты», «АиФ.ру», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Домовой совет»); телепередачей «Право голоса»; радиостанцией «Радио России»; телеканалом Euronews и др. (всего 200 высказываний с ПП и ПС).

Описание методики исследования. В работе применен интегрированный подход к исследованию медиатекстов. Использовались: метод лингвистического дискурсивного анализа (в том числе метод политической лингвистики, вскрывающий оценочные, идеологические установки, заключенные в текстах СМИ); метод когнитивного анализа, предполагающий выявление особенностей отражения реальных событий в средствах массовой информации; собственно медиалингвистический метод [Добросклонская 2016].

Анализ материала. Основная функция ПВ в политическом дискурсе, на наш взгляд, — это прогнозирование событий как один из способов аргументации. Такое прогнозирование в политическом дискурсе играет огромную роль и может оказывать существенное влияние на ход исторического развития как отдельной страны, так и всего мирового сообщества. Например, при обсуждении вопроса о возможных путях развития России в передаче «Право голоса» (ТВЦ, 7 апреля 2016 г.) генеральным директором «Агентства политических и экономических коммуникаций» Д. Орловым была высказана точка зрения, что одной из причин поражения Г. А. Зюганова на выборах 1996 г. стало то, что он не сформировал у избирателей, в отличие от команды Б. Н. Ельцина, образ будущего: *Зюганов / на мой взгляд / проиграл из-за двух принципиальных вещей... первое / он не сформулировал образ будущего / он был человеком вчерашним // Ельцин / и его команда / прежде всего Чубайс / они это сделали.* Из этого можно сделать вывод, что способностью отдельного политика или политической партии «формулировать образ будущего» оказывается важнейшим способом воздействия на массы.

Вероятностные прогнозы и сценарии, включенные в политическую речь, могут быть нацелены не только на будущее — они позволяют политикам создавать образы прошлого и настоящего. Покажем это на примере интервью Р. И. Хасбулатова «АиФ.ру».

Образ прошлого. Руслан Хасбулатов: *За 13–14 лет в казне оказались миллиарды, сотни миллиардов долларов. По расчетам нашей лаборатории — это 3,5 триллиона долларов. За эти деньги можно было выстроить страну до уровня Франции, и по уровню жизни населения, и по технологической зрелости, и по инфраструктуре, и по культуре и так далее.* — Журналист: *Почему разговоры о приватизации не поднимались, когда активы были дорогими, когда у нас были нормальные отношения с Западом?* — Руслан Хасбулатов: *Может и хорошо, что это не было сделано. Уже бы пропили, проели и проворовали, и «уступили» бы иностранцам эти деньги, полученные тогда.* Значение вероятности обусловлено использованием предикатива *можно* и наречия *уже* с глаголами в условном наклонении.

Образ настоящего. В том же интервью Р. И. Хасбулатов (о приватизации): *Чего это вы вдруг заторопились сейчас? Ну подождите до лучших времён. Нет, вот им надо скорее кому-то передать. Видимо, кто-то там очень чего-то желает получить, в том числе профсоюз промышленников (РСПП), который все время требует снижения налогов.* Путем противопоставления будущего настоящему (*нет, вот им надо скорее*) и с помощью глагола-связки *желает* в настоящем времени (*желает*

получить) формируется нужный образ. Гипотетичность эксплицируется использованием модального слова *видимо*. Высказывание можно расценивать как намек на некие неодобряемые Р. И. Хасбулатовым действия.

Образ будущего нередко сопряжен с планированием, когда политик предлагает свою программу действий. Хасбулатов: *Вообще-то все крупные предприниматели мира добиваются снижения налогов. Надо менять управляющую элиту. Я уже ранее выдвигал идею, 100–150 тыс. чиновников управленческой системы надо менять. Причём не надо их репрессировать. Надо их спокойно, с почетом отправить в отставку.* Будущее представлено через модальность долженствования (*надо менять, надо отправлять, не надо репрессировать*) и с помощью будущего времени глагола *быть* (Хасбулатов: *Если в стране произойдет какая-то социальная революция, то она будет порождена возмущением людей по вопросам ЖКХ*).

Нередко в ПВ кратким прогнозам предшествует ретроспективный анализ действий (образ прошлого) тех или иных политических структур или конкретных лиц. Д. А. Медведев (из интервью телеканалу Euronews): *Скажу прямо: мы много чего вынуждены были отрезать в бюджете, но мы не тронули социальные расходы, мы не тронули зарплаты бюджетникам, пособия. Более того, мы даже проиндексировали пенсии и в прошлом году, и в этом году, может быть, не полностью, но проиндексировали. Будем стараться это делать и дальше.* Прогноз-обещание *Будем стараться это делать и дальше* носит обобщающий характер и выступает в роли звена, соединяющего сценарий прошлого со сценарием будущего. Это своего рода выражение политической программы действий, заверение граждан России в сохранении социально ориентированной политики. Именно этот прогноз обращает ретроспекцию в перспективу — сценарий прошлого может восприниматься массовым адресатом и как сценарий будущего.

Персуазивные прогнозы и сценарии могут включаться в этикетные жанры, например в приветствие политического лидера или его заключительное слово во время того или иного политического события. В этих ситуациях ПП и ПС выполняют одновременно этикетную и регулятивную функции. В. В. Путин (из приветствия делегатам и гостям VIII съезда политической партии «Справедливая Россия»): *Убеждён, что съезд пройдёт в конструктивном, созидательном ключе, а его решения будут способствовать укреплению партии, привлечению в её ряды новых сторонников* (Домовой совет. 2016. № 5(91)).

Регулятивная функция эксплицируется и во фрагменте интервью Д. А. Медведева телеканалу Euronews: *Нас все время пугали санкциями, эти санкции вводили в советский период многократно. Никогда ни к чему это не приводило, только деньги теряли. И сейчас будет то же самое. Надо набраться мужества и сказать: знаете, ребята, все, мы это завершаем вот с такого-то числа, просим и вас тоже ответные меры приостановить. Вот это будет правильный подход.* Краткий прогноз *И сейчас будет то же самое* предваряет предложенный Д. А. Медведевым сценарий-рекомендацию к возможным политическим действиям, связанным с реализацией коммуникативного процесса — переговорами (*надо набраться мужества и сказать*). Включение элементов разговорности (*знаете, ребята*), несобственно-прямая речь, используемые в этом интервью, смягчают категоричность.

Попутно отметим, что персуазивные прогнозы и сценарии политиков нередко выносятся в заголовочный комплекс статей как эффективное средство привлечения внимания: прогнозирование всегда волнует людей. Например, заголовок «Польша начнет раздел Украины», лид — *Амбиции и старые обиды исторических противников России*

помогут решить украинский вопрос (URL: <http://rusplt.ru/society/polsha-nachnet-razdel-ukrainyi-20541.html>) или: «Если будут опускать железный занавес, ненароком могут себе что-нибудь прищемить» (URL: <https://news.mail.ru/politics/24016830/>); Хасбулатов «Если в РФ будет революция, ее спровоцируют тарифы ЖКХ». Подобного рода заголовкам присуща эпатажность, «броскость», в них гипотетичность выдается за реальность. Таким образом СМИ манипулируют сознанием читателя: уходит модальность возможности, и заголовок приобретает имплицитную категоричность. В результате читатель может воспринять раздел Украины Польшей как уже окончательно решённый вопрос и утвердиться во мнении, что именно тарифы ЖКХ приведут к новой революции. А это прямой путь к созданию мифов. Миф — один из основных типов медиапрезентаций реальных событий, который наряду с отражением и реконструкцией формирует механизм подачи информации в СМИ [об этом см.: Доброклонская 2008].

Персуазивные прогнозы и сценарии могут функционировать и как элемент самопрезентации, формирования имиджа политика. Безусловным воздействующим эффектом обладает выражение критического отношения к чужим прогнозам. Р. И. Хасбулатов (из интервью «АиФ.гу»): **Я всегда скептически относился к высказываниям, что в КНР вот-вот лопнет «пузырь».** Китайская экономика набрала колоссальную мощь, такой разгон и такую автономную силу, что она уже, наверное, по крайней мере, на ближайшие годы стала ведущим фактором мировой экономики. Выделенная фраза, включающая в себя рефлексию на существующие прогнозы относительно экономики Китая, служит самохарактеристикой Хасбулатова как хорошо разбирающегося в вопросах экономики человека, способного предвидеть развитие событий.

Реализацией стратегии формирования имиджа может быть и тактика дистанцирования: *Когда я слышу, как некоторые наши люди переводят всю жесткость на язык, то лично я и много людей нашей партии таким жестким заборным языком никогда не будут говорить* (РТР, «Зеркало» 8 апреля 2002 г. [см.: Паршина 2003: 82]). Категоричность прогноза (*никогда не будут говорить*) усиливает оппозицию *наши люди — лично я и много людей нашей партии*.

Персуазивные прогнозы и сценарии играют большую роль в политической борьбе, являясь эффективным приемом воздействия вызванной ими рефлексии. С. В. Лавров (из интервью «Радио России» 19 ноября 2015 г.): *И то, что удалось принять два документа... которые излагают те принципы, которые Россия последовательно продвигала на протяжении всего сирийского кризиса, говорит о том, что наши западные партнеры поняли бесперспективность той линии, которую многие из них занимали, и которая заключалась в ультиматуме: вот уйдет Б. Асад, и тогда все проблемы решатся;*

Запад говорил, что без ухода Б. Асада от власти лишь будут множиться страдания сирийского народа, до этого говорили, что дни его сочтены. Эти дни уже считают пятый год. И все прогнозы, которые выдвигали наши западные и другие коллеги в отношении того, что народ восстанет и его свергнет, они не сбываются. Можно сказать, что С. В. Лавров применил в своей речи тактический прием: дал анализ прогнозов западных политиков с явной негативной оценкой (*бесперспективность, не сбываются; ироничное эти дни уже считают пятый год*), что стало сильным аргументом в доказательстве собственной правоты. Таким образом, ПП и ПС включаются в инструментарий разоблачения чужих политических идей, критического осмысления речи оппонентов, т. е. используются в функции дискредитации.

Воздействующая сила прогностических высказываний усиливается, если политик использует еще и различные выразительные средства, такие, например, как метафора. С. В. Лавров (из того же интервью «Радио России») *«Назло маме отморожу уши» — много уже было таких метафорических описаний ситуации. Поэтому главное — это то, что происходит в жизни, а не то, что говорят политики, пытаясь доказать эффективность своей той или иной односторонней линии.*

Метафора, несомненно, делает речь запоминающейся, что в политическом дискурсе имеет очень большое значение: «образное восприятие легче проникает в сознание и прочнее в нем застревает» [Кормилицына, Сиротина 2011: 31]. Так, например, в выступлении В. В. Путина перед участниками заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2014 г. и затем на итоговой пресс-конференции 18 декабря 2014 г. возник образ русского медведя: *Помните замечательную фразу: что позволено Юпитеру, не позволено быку. Мы не можем согласиться с такими формулировками. Может быть, быку не позволено, но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Вообще, он считается у нас хозяином тайги и не собирается, я знаю это точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неудобно. Но тайги он своей никому не отдаст. Я думаю, что это должно быть понятно... мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания. Как только, не дай бог, это произойдет, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибираться. <...> А потом, после этого, как только вырвут когти и зубы, тогда мишка вообще не нужен. Чучело из него сделают, и всё. Поэтому дело не в Крыме. Дело в том, что мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование. Вот это мы все должны понять.*

Вероятностный характер представленных сценариев проявляется в использовании дискурсивов *может быть, не дай бог* (выражение *Как только, не дай бог, это произойдет*), в диалогичности речи: *Может быть, его в покое оставят? — Не оставят...* Начиная очень осторожно, президент России постепенно меняет тональность: переходит к лаконичным, уверенным и категоричным прогнозам (*Но тайги он своей никому не отдаст; Чучело из него сделают, и всё*), содержащим четкую выраженную личную позицию посредством дискурсива *я думаю* [о дискурсивах см.: Викторова 2015] с установкой на понимание; *это должно быть понятно; Вот это мы все должны понять*. Завершается сценарий выводом, помогающим верно понять смысл метафоры: *Поэтому дело не в Крыме. Дело в том, что мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование.*

Одним из способов усилить степень воздействия прогноза или сценария является ирония, косвенно выражающая негативную оценку. Нередко ироничность персуазивных прогнозов граничит с сарказмом. Из интервью С. В. Лаврова: *Но сейчас такая ситуация в мире в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, если будут опускать «железный занавес», ненароком могут себе что-нибудь прищемить. И на примере санкций и наших ответных мер это очень хорошо видно.*

Сильным воздействующим эффектом обладает стратегия запугивания людей катастрофическими последствиями. Особую роль при этом играет гипербола: *Если она (эпоха Ельцина) не прекратится, уже летом будет финансовый обвал, обесценятся деньги, люди месяцами не увидят зарплаты, подскочат цены. Этого краха Россия в це-*

лом уже не переживёт (Г. А. Зюганов. РТР, «Теледебаты», 7 марта 2000 г. [см.: Паршина 2003: 78]). Перечисление негативных факторов (прием градации) придает речи убеждающий характер [об этом см.: Бобровская 2011: 15].

Политической полемике свойственна характерная для разговорной речи диалогичность, включающая в себя вопросительные конструкции. И. Из интервью Р. И. Хазбулатова «АиФ.ru». Журналист: *Последнее время экономисты предупреждают о рисках дефляции в России. Насколько возможен такой сценарий?* — Р. И. Хазбулатов: *Да ну, вы что, смеетесь? Какая дефляция? Это для Японии, для Америки. Даже для Китая! Но не для нас, конечно. Для такой экономики, как наша, совершенно не сбалансированной, это невозможно. У нас всегда будет инфляция* [см.: Кормилицына 2007: 65]; *Какой подъём? Мы же понимаем, что сейчас всё держится на нефтедолларах* (Наша родина. 2006. 9 июля); *Да вы что! Кто же пойдёт «под Миронова?»* (Моск. комс. 2006. 7 июля). Приведенные примеры содержат модальность прогноза или сценария; диалогичность высказываний повышает степень проявления эмоциональности, категоричности и выразительности.

Результаты исследования. В политическом дискурсе прогнозы и сценарии играют особую роль в создании образа времени, в планировании и регулировании политического процесса (они функционируют в программах, в обещаниях, рекомендациях, советах, предупреждениях и других жанрах политического дискурса.). Нередко они звучат в приветствиях перед началом различных политических мероприятий или по завершении их в качестве напутствий.

Через СМИ политик осуществляет самопрезентацию, и ПВ оказывают существенное влияние на формирование его имиджа, поскольку в них отражается способность или неспособность политического деятеля к прогнозированию и аргументации. Рефлексию на чужие персуазивные высказывания можно считать фактом политического противостояния, когда медийная личность работает не только на укрепление собственного имиджа, но и на разрушение имиджа оппонента, его дискредитацию.

Нередко прогнозы политиков используются в заголовочных комплексах статей с целью привлечения внимания, манипуляции сознанием граждан и (намеренной или ненамеренной) их дезинформации.

Усиливают воздействие такие средства выражения, как метафора, гиперболы, ирония, иногда доходящая до сарказма (возможны перифразы, языковая игра и др.). Приблизиться к адресату с целью внушения ему тех или иных идей помогает риторическая категория разговорности со свойственной ей диалогичностью.

Выводы. Таким образом, персуазивные прогнозы и сценарии используются не только в реализации информативной функции СМИ и функции убеждающего воздействия, но и в функции манипулятивного воздействия. Тем самым они играют огромную роль в медиатизации массового адресата.

Зарождаясь в спонтанной первичной коммуникации, в СМИ персуазивные высказывания становятся элементом сознательно применяемого инструментария информирования / дезинформирования и аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

Байкулова А. Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в дружеской коммуникации и их коммуникативно-прагматические функции // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып 15. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 59–70.

- Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Наука, 2014.
- Бобровская Г. В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. Волгоград: Перемена, 2011.
- Быкова Е. В. Речевые тактики спиндокторинга в политическом медиадискурсе // Медиалингвистика. 2016. № 2(12). Р. 92–100. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1464991424_2113.pdf.
- Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: Наука, 2015.
- Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: на примере современной немецкоязычной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvopragsmaticheskie-osobennosti-persuazivnoi-kommunikatsii-na-primere-sovremennoi-nemetsko>.
- Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе: на матер. нем. яз.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/persuazivnost-kak-universalnaya-strategiya-tekstoobrazovaniya-v-ritoricheskom-metadiskurse-n>.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта; Наука, 2008.
- Добросклонская Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). Р. 13–26. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1464991424_2113.pdf.
- Кормилицына М. А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. статей / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Вып. 7. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 62–72.
- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011.
- Паршина О. Н. Стратегии борьбы за власть в речевом поведении современных российских политиков // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. статей / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 75–83.
- Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015.
- Рогозина И. В. Медиакартинка мира: когнитивно-семиологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003.
- Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. URL: <http://yanko.lib.ru/books/politologiya/politology-solovuev-2006-a.htm>.
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001.

REFERENCES

- Bajkulova A. N. Oral informal communication and its varieties: everyday speech of citizens [Ustnoe neoficial'noe obshchenie i ego raznovidnosti: povsednevnyaya rech' gorozhan] / ed. by O. B. Sirotinina. Saratov, 2014.*
- Bajkulova A. N. Persuasiveness forecasts and scenarios in a friendly communication and communicative-pragmatic function [Persuazivnye prognozy i scenarii v druzheskoj kommunikacii i ih kommunikativno-pragmaticheskie funkicii] // Speech communication problems [Problemy rechevoj kommunikacii] / ed. by M. A. Kormilicyna. Vol. 15. Saratov, 2015. P. 59–70.*
- Bobrovskaya G. V. Cognitive illocutionary potential of the newspaper discourse [Kognitivno-ehlokutivnyj potencial gazetnogo diskursa]. Volgograd, 2011.*

Byikova E. V. Speech spindoktoringa tactics in the political media discourse [Rechevyie taktiki spindoktoringa v politicheskom mediadiskurse] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2(12). P. 92–100.

Golodnov A. V. Lingvopragmaticheskij particularly persuasive communication: the example of modern German-speaking advertising [Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoj kommunikacii: na primere sovremennoj nemeckoyazychnoj reklamy: dis. ... kand. filol. nauk]. St Petersburg, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvopragmaticheskie-osobennosti-persuazivnoi-kommunikatsii-na-primere-sovremennoi-nemetsko>.

Golodnov A. V. Persuasiveness as a universal strategy tekstoobrazovaniya rhetorically meta-diskurse: on a material of German language [Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskometadiskurse: na mater. nem. yazyka]: dis... dokt. filol. nauk]. St Petersburg, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/persuazivnost-kak-universal-naya-strategiya-tekstoobrazovaniya-v-ritoricheskom-metadiskurse-n>.

Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: a sysyematic approach to the study of media language [Medialingvistika: sistemniy podhod k izucheniuyu yazyka SMI]. Moscow: Flinta; Nauka, 2008.

Dobrosklonskaya T. G. Methods of analysis of video-verbal teskts [Metodyi analiza video-verbalnyih tesktov] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2(12). P. 13–26. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1464991424_2113.pdf.

Kormilicyna M. A. Categorical and ways to mitigate it in contemporary media texts [Kategorichnost' i sposoby ey osmyagcheniya v tekstah sovremennoj pressy] // Speech communication problems [Problemy rechevoj kommunikacii] / ed. by M. A. Kormilicyna, O. B. Sirotinina. Vol. 7. Saratov, 2007. P. 62–72.

Kormilicyna M. A., Sirotinina O. B. Media Language [Yazyk SMI]. Saratov, 2011.

Parshina O. N. Strategies for the struggle for power in the speech behavior of modern Russian politicians [Strategii bor'by za vlast' v rechevom povedenii sovremennyh rossijskih politikov] // Speech communication problems [Problemy rechevoj kommunikacii] / ed. by M. A. Kormilicyna. Vol. 3. Saratov, 2003. P. 75–83.

Risk-taking modern communication and the role of communicative competence in its overcoming [Riskogennost' sovremennoj kommunikacii i rol' kommunikativnoj kompetentnosti v ey opreedolenii] / ed. by O. B. Sirotinina, M. A. Kormilicyna. Saratov, 2015.

Rogozina I. V. Mediakartina world: cognitive-semiological aspect [Mediakartina mira: kognitivno-semiologicheskij aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk]. Barnaul, 2003.

Solov'ev A. I. Politics: political theory, political technologies: a textbook for university students [Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii: uchebnik dlya studentov vuzov]. Moscow, 2006. URL: <http://yanko.lib.ru/books/politologiya/politology-solovyev-2006-a.htm>.

Sternin I. A. Introduction speech influence [Vvedenie v rechevoe vozdejstvie]. Voronezh, 2001.

Viktorova E. Yu. Discourse Auxiliary system [Vspomogatel'naya sistema diskursa]. Saratov, 2015.

УДК:81>42
ББК 81.2
ГРНТИ 16.21.33
КОД ВАК 10.01.10

.....
Е. В. Быкова
Санкт-Петербург, Россия

ЦЕЛЬНОСТЬ И СВЯЗНОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

.....
Елена Владимировна Быкова, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.
E-mail: e.bykova@spbu.ru.

© Быкова Е. В., 2017

Постановка проблемы. Классическое представление о тексте как о завершённом произведении речетворческого процесса, объективированном в виде письменного документа и литературно обработанном, состоящем из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи и имеющем определённую целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 1981: 18], в современной реальности трансформируется, поскольку вербальный компонент дополняется семиотическими системами, которые свойственны живописи, театру, кино, рекламе и др. [Быкова 2011; Шубина, Антошинцева 2005; Добросклонская 2016; Коньков, Маевская 2016; Мартынова 2016; Тяжлов 2016]. В коммуникативной среде медиа значительная часть содержания текста подвергается визуализации, тексты внешнего по отношению к данной среде происхождения — медиатизации. Примером трансформации представлений о тексте как об исключительно литературном произведении является присуждение Нобелевской премии по литературе «за создание нового поэтического языка» исполнителю авторских песен, художнику, киноактеру и писателю Бобу Дилану в октябре 2016 г.

В данной ситуации требуют переосмысления такие базовые категории текста, как цельность, связность, начало и конец текста и т. д. В силу указанных обстоятельств возникает необходимость дополнительного исследования данных категорий применительно к видео-вербальным текстам [Анисимова, 2003; Пойманова, 1997].

Материал исследования. Развитие цифровых технологий во многом способствует активному вытеснению традиционного линейного текста поликодовыми образованиями самого разного типа, а визуализация содержания для оптимизи-

рованного восприятия уже давно стала общим местом в области фундаментальных и прикладных филологических исследований.

В коммуникативной среде Интернета «множащиеся информационные каналы, пересекаясь, самоорганизуются» [Степанов 2016], в результате чего появляются поликодовые сообщения, которые распространяется вирусным способом, становятся известными, набирают популярность и тем самым обозначают новые тенденции в способах репрезентации смыслов. Тяготение текста к многоканальности обусловлено соединением аудиальных, визуальных каналов восприятия, в связи с чем изменяются традиционные материальные носители текстовой информации: сегодня книги не только читают, но и слушают, как музыкальные произведения, песни не столько слушают, сколько смотрят, как художественные фильмы, а по телефону не только говорят, но и пишут письма, отправляют сообщения, снимают фотографии и видеосюжеты.

Сказанное говорит об общей тенденции снижения смыслообразующей функции вербальной составляющей медиатекста, изменения и усиления роли визуального канала как при генерировании контента, так и при передаче информации: «Медиатекст имеет поликодовую природу, коды не просто взаимодействуют, но дополняют друг друга в соответствии с принципом комплементарности и формируют группы: коммуникативные, визуальные, музыкальные, текстурные, риторические, идеологические, культурные» [Степанов 2010: 92].

Анализ материала. Проанализируем три музыкальных клипа группы «Ленинград», созданные С. Шнуровым. Клипы можно рассматривать как молодежный сериал, который представляет собой трехчастную связную историю: часть 1 – «Экспонат» (более 30 млн. просмотров), часть 2 — «В Питере пить» (более 5 млн. просмотров в первую неделю), часть 3 — «Сиськи. Преображение» (1,7 млн. просмотров в день выхода клипа). Цифры, показывающие скорость распространения поликодового контента в Интернете, свидетельствуют о том, что такой формат репрезентации смыслов весьма эффективен. Главными факторами становятся скорость обмена информацией и яркая визуальная образность, которая цепляет сознание потребителя, заставляя его обращать внимание на тот или иной медиаконтент.

Исследователи говорят о том, что отображение событий в медиасреде условно можно представить в трех ипостасях: отражение реальной картины, реконструкция исторических событий, мифологизация [Добросклонская, 2008].

В клиповой трилогии каждая часть — отдельная жизненная история: *позвал меня Серега на выставку Ван Гога; в Питере пить; когда себе я вставлю сиськи*. В клипах актуализированы названия современных художественных выставок, адреса кафе и ресторанов, даны фоновые заставки выпусков новостей с узнаваемыми лицами (фрагмент пресс-конференции В. Путина). Всё это вписывает историю каждой клип-серии в повседневную жизнь обывателей большого города и делает зрителя причастным к событиям, поскольку четко заданы координаты социального пространства-времени — *здесь (в Петербурге) и сейчас (в этот самый момент)*. В клипах зритель наблюдает за поведением персонажей, в которых, как в зеркале, узнаёт своих современников — жертв медиареальности, «которая замещает изначальную предметную реальность, виртуализирует ее и создает новую реальность, становится новым материалом познания и источником новых смыслов» [Степанов 2016: 14].

Пространство и время как категории художественного текста формируются в анализируемом материале при помощи видеоряда и придают клип-серии целостность, соединяя пространство и время всех трех клипов. Зритель видит Дворцовую площадь,

Русский музей, Московский проспект. Словесные указания на то, что действие разворачивается в Петербурге, не случайно вмещены в речевые партии персонажей, что слова как бы компонентами видеоряда: *улица Рубинштейна 24; бабка блокаду пережила*. Узнаваемые городские достопримечательности актуализируют в сознании зрителя-слушателя название города (Петербург — Ленинград), являются средствами формирования цельности и связности текста клип-серии и прямо отсылают сознание зрителя к названию музыкальной группы — «Ленинград».

Несмотря на то что тексты трех песен-хитов ни тематически, ни идейно никак не связаны между собой, герои всех клипов, роли которых исполняют одни и те же актеры, по сюжету клипов (но не текстов песен!) связаны отношениями родства, знакомства, дружбы или делового сотрудничества. Этот визуальный прием является основой для формирования общей сюжетной линии мини-сериала. Визуальный метод формирования связности не только придает клип-сериалу дополнительную игровую увлекательность, но и создает эффект интерактивности, вызывает желание пересмотреть первые клип-серии, чтобы вспомнить или сравнить образы героев, их имена, восстановить историю их взаимоотношений. Именно невербальный компонент формирует из трех независимых вербальных поэтических модулей единый цельный связный поликодовый текст.

Зрители не подозревали о существовании последующих серий, когда смотрели начало первой серии. Именно поэтому первая серия, еще раз подчеркивая нелинейность нашего мышления, неизбежно продолжает набирать просмотры в Интернете, так как последующие клипы, как оказывается, могут быть по-настоящему осмыслены, только если мы актуализируем в своем сознании отдельные детали первой серии.

Проведенный анализ клип-серии показывает также, что такие текстовые категории, как начало и конец, применительно к поликовому тексту требуют переосмысления. Визуальный фрагмент одного клипа может воспроизводиться в других клипах трилогии, выступать в роли визуальной цитаты, при этом происходит неизбежное семантическое варьирование детали-знака. Клип-серии, как каждая в отдельности, так и трилогия в целом, таким образом, образуют открытую структуру: зритель ждет продолжения рассказа о жизни героев, что создает в тексте напряженность — усиленное и всё усиливающееся ожидание продолжения текста.

Структура открытого текста развивается одновременно в нескольких измерениях: вербальном, медийном и гипертекстуальном — вследствие выстраивания межтекстовых связей в интернет-пространстве [Рязанцева 2009], обрастая вирусными дериватами в маркетинговых, рекламных и политических коммуникациях.

Истории, положенные в основу сценария каждой клип-серии, имеют два смысловых плана. С одной стороны, эти истории являются вечными. Они легко воспроизводятся, потому что это истории прототипические с определенной идеологической, этической составляющей (жених — невеста, хозяин — работник, муж — жена). С другой стороны, эти истории весьма актуальны. Эта актуальность задается при помощи визуализации и, соответственно, актуализации обиходно-бытовых деталей современности, что вписывает историю в личное пространство зрителя.

Прототипические истории клип-серий отсылают зрителя к вечным ценностям: «не лги», «возлюби ближнего», «не собирай богатств на земле». Но эти ценности вывернуты по-скоморошечьи наизнанку в актуальном контексте. В силу этого свойства назидание в клип-сериях имплицировано, а ирония и насмешка эксплицированы. Заслуженная насмешка действеннее, чем прямое назидание. Видимо, в теологической подопле-

ке проявляется авторское начало С. Шнурова, который получал образование в религиозно-философском институте при духовной академии. Примечательно, что вся эта скрытая назидательность, не осознаваемая зрителем по ходу просмотра, потому и не осознается сразу, что выражена невербальными компонентами, а следовательно, и не поддается однозначному словесному обозначению. Медиатексты апеллируют к разуму, чувствам или бессознательному человека, используя для этого разные способы воздействия: аргументацию (убеждение), суггестию (внушение), провоцирование (заражение) [Степанов 2006; 2016].

Полагаем, что трехминутный клип с элементами назидания является новой формой драматического искусства. Действие, основа драматургии, разворачивается здесь на основе динамичного видеоряда. Этот видеоряд самостоятелен по отношению к тексту песни, но формирует в соединении с текстом песни новый смысловой уровень в иерархии смыслов клипа как поликодового целого. В основе драматического сюжета здесь лежит прежде всего экспликация невербальных связей между действующими лицами.

Первая часть, «Экспонат», насыщена иронией. Ирония как прием приписывает лицу или предмету качества, прямо противоположные тем, какими он, как всем кажется поначалу, обладает. В основе сценария клипа «Экспонат» лежит известный сюжет о Золушке, мечтающей о принце. Название метафорично, поскольку *экспонат* — это предмет, выставленный для обозрения в музее или на выставке: *На выставке Ван Гога я главный экспонат*. Это прием, обратный олицетворению. В клип-серии звучит текст песни, в рефрене повторяется многократно лексика с предметным значением: *штаны, лабутены, экспонат*. Изображение крупным планом *штанов и лабутенов* придает предметам статус невербальных знаков, которые формируют концептуальную основу клипа.

Клип содержит элементы вербального драматического монолога, который находится в н е т е к с т а песни. В прологе героиня во время разговора с потенциальным женихом по скайпу сочиняет о себе легенду по стереотипам глянцевого журнальных историй:

Он вообще не чувствует меня. И я жила там как птица в клетке. Но все-таки, знаешь, собралась, подошла к нему и сказала: «Пап, мне не нужны твои деньги, все эти машины, брильянты, мерседесы. Я всего должна добиться сама». И ушла. И вот сейчас снимаю хату. Рисую потихоньку...

В данной экспозиции обозначены взаимоотношения между героями клипа: герой (менеджер компании) — героиня (девушка, желающая выйти замуж). В этой завязке сюжета обозначено базовое противоречие: духовный мир и предметный, вещный мир. С точки зрения речевой технологии создания клипа принципиально важен тот факт, что сформирована другая вербальная система, иная, чем текст самой песни. Таким образом, клип-серия сформирована при помощи трех знаковых систем, две — вербальные, и одна — невербальная. Но системообразующей является невербальная знаковая система.

В завязке клипа героиня, все преодолев, распаивает двери навстречу своей мечте, но зритель видит визуальную метафору, весьма сложную для истолкования. Хлынувший в дверной проем свет — это и вершина счастья, и ослепление, которое не обязательно предполагает счастливый исход [Бугаева 2016]. История не закончена, финал не актуализирован создателями клипа, чтобы сохранить интригу. Эта концептуальность конца формируется опять же невербальной составляющей поликодового текста.

В части второй, «В Питере пить», ирония, заданная в невербальном ряде первой части при помощи игры героини клипа и актуализации на предметах, наполняющих бытовую сферу героини (мягкие игрушки, одежда, картинки глянцевого журналов, косме-

тика), нарастает и переходит в гротеск. В клипе «В Питере пить» происходит смешение реального и фантастического, прекрасного и безобразного, трагического и комического. Острый психологический конфликт между хозяином и работниками распространяется и переходит в социальную плоскость — бунт работников наемного труда против хамского произвола начальников. Именно невербальный ряд формирует в клипе идеологическое противоречие: глубокое чувство внутреннего достоинства личности и ее публичное унижение. Фраза *Песня эта в целом о туризме* актуализирует гротескное несоответствие достопримечательностей города с хулиганским, бунтарским поведением главных героев. Видеоряд репрезентирует протестно-героическую подоплеку поведения героев: водка, пальто в стиле матросского бушлата, Дворцовая площадь, статуя Ленина, представленного в гротескной форме, — всё это отсылает зрителя к октябрьскому революционному Петрограду и актуализирует общественный запрос на социальную справедливость.

Первая часть клип-сериала «Экспонат» содержательно и концептуально связывается с частью «В Питере пить» и общей музейной тематикой Петербурга, что выражается также исключительно невербальными знаковыми системами. В первой части герой приглашает героиню в музей на выставку Ван Гога, во второй части «В Питере пить» одна из главных героинь — гид музея, на выставку в который герой пригласил героиню в первой клип-серии.

В третьей части «Сиськи. Преображение» гротеск уже переходит в сарказм. Язывительная, горькая, насыщенная эмоциями насмешка проявляется в усилении контраста-реальности и ирреальности, которая благодаря невербальным компонентам предметна и материализованна. Название, состоящее из разговорно-пренебрежительного, сниженного слова *сиськи* и книжного *Преображение* задает общее настроение оксюморона всей клип-серии, в музыкальном сопровождении которой звучит саунд-трек: *Весь мир преобразится сразу, в нем станет больше красоты, И засияют, словно стразы улыбки и сведут мосты, Сойдутся наши берега, ты станешь мне родным и близким, Растает лед, сойдут снега, когда себе я вставлю сиськи.*

Выводы. Таким образом, содержательная целостность, композиционная однородность, многоуровневая связность отдельных серий, нарастающая ирония как объединяющая стилевая идея, узнаваемые персонажи героев серии клипов, речевые партии, архетипические сюжеты и ненавязчивое морализаторство — всё это держится именно на невербальных знаковых системах.

Всё сказанное дает основания утверждать, что описанные клиповые музыкальные мини-сериалы, ставящие своей целью донести в сатирической форме до читателя высокие идеи, становятся новым трендом, суть которого состоит в том, что формируются массовые поликодовые медиаобразования, в которых сочетаются элементы классической драматургии, фольклора, сатирического памфлета, музыкального клипа, рекламного ролика, интерактивной игры-квеста и др. Поликодовость актуализируется в массовом тексте, поскольку многоканальность свойственна природе человеческого общения и соответствует запросам коммуникации в большей степени, нежели традиционный чисто вербальный текст.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на матер. креолизованных текстов. М.: Академия, 2003.

- Бугаева Л. Д. Язык эмоций в фильме // Медиалингвистика. 2016 № 2(12). С. 61–71.
- Быкова Е. В. Речевая организация модульного текста. СПб.: Рос. гос. гидрометеорол. ун-т, 2011.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
- Добросклонская Т. Г. Методология анализа медиатекста как информационно-коммуникативного продукта // Массово-коммуникационные процессы в современной России. М.: Рос. акад. гос. службы, 2008.
- Добросклонская Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2(12). С. 13–26.
- Коньков В. И., Маевская М. И. Документальный фильм: история формирования поликодового текста // Век информации. 2016. № 2. С. 80–83.
- Мартыанова И. А. На пути к фильму (киносценарий и черновик) // Медиалингвистика. 2016. № 2(12). С. 83–92.
- Пойманова О. В. Семантическое пространство видеoverбального текста: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: URSS, 2009.
- Степанов В. Н. Речевое воздействие в рекламе: учеб.-практ. пособие. Ярославль: Изд-во Междунар. акад. бизнеса и нов. технологий, 2006.
- Степанов В. Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. 2010. Вып. 2 (13). С. 92–100.
- Степанов В. Н. Трансгрессия и трансгрессивность в медиапространстве и медиатексте // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации / отв. ред. и сост. Н. В. Анискина, Л. В. Ухова. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та, 2016.
- Тяжлов Я. И. Актуальные формы медиатекстов, посвященных кино: жанровые и языковые тенденции // Медиалингвистика. 2016. № 2(12). С. 71–83.
- Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации. СПб.: ПетроПресс, 2005.

REFERENCES

- Anisimova E. E. Linguistics of text and intercultural communication [Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya: na mater. kreolizovannykh textov]. Moscow: Akademia, 2003.
- Bugaeva L. D. Language emotions in the film [Yasyk emozii v filme] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2 (12). S. 61–71.
- Bykova E. V. Speech Organization unit text [Rechevaya organizatsia modulnogo teksta]. St Petersburg, 2011.
- Dobrosklonskaya T. G. Analysis methods video verbal text [Metody analiza video-verbalnykh textov] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2 (12). S.13–26.
- Dobrosklonskaya T. G. Methods of media texts analysis as information-communication product [Metodologia analiza mediatexta kak informazionno-kommunikativnogo produkta] // Mass communication processes in contemporary Russia: collection of articles [Massovo-ommunikativnyye protsessy v sovremennoj Rossii]. Moscow, 2008.
- Galperin I. R. Text as an object of linguistic research [Tekst kak obiekt lingvisticheskogo issledovania]. Moscow, 1981.
- Kon'kov V. I., Maevskaya M. I. Documentary: history of formation polikodovogo text [Dokumentalni film: istoria formirovania polikodovogo teksta] // Information Age [Vek informatsii]. 2016. No. 2. S. 80–83.
- Martyanova I. A. On the way to the film (screenplay and draft) [Na puti k filmu: szenarii i chernovik] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2 (12). P. 83–92.
- Poymanova O. V. Semantic space of video-verbal texts [Semanticheskoye prostranstvo video-verbalnykh hnextov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 1997.

Ryazantseva T. I. Hypertext and electronic communication [Gipertext i elektronnaya kommunikatsiya]. Moscow: URSS, 2009.

Shubina N. L., Antoshintseva M. A. Auxiliary semiotic system in oral and written communication [Vspomogatelnye semioticheskie sistemy v ustnoi i pismennoi kommunikatsii]. St Peterburg, 2005.

Stepanov V. N. Speech influence in advertising: educ. and pract. guide [Rechevoie vozdeistvie v peklame]. Yaroslavl, 2006.

Stepanov V. N. Semiotic codes in the advertising text [Semioticheskie kody v peklamnom tekste] // Foreign Languages at High School [Inostrannyje jazyki v vyshej shkole]. 2010. Vol. 2 (13). P. 92–100.

Stepanov V. N. Transgression and transgression in the media and media text [Transgessija i transgressivnost v mediaprustranstve i mediatekste] // Active processes in the social and mass communication [Aknivnyje protsessy v sotsial'noj i massovoj kommunikatsii] / ed. and comp. N. V. Aniskina, L.V. Ukhov. Vol. 2. Yaroslavl, 2016.

Tyazhlov Y. I. Actual forms of media texts devoted to cinema: the genre and language trends [Aktualnyie fofmy mediatekstov, posviazhonnyh kino: zhanrovyye i yazykovyye tendenzii] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2 (12). P. 71–83.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В МАССМЕДИА**
.....

УДК 81'42
ББК 81.2
ГРНТИ 16.21.43
КОД ВАК 10.02.01

А. В. Дегальцева
Саратов, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОМПЛИКАТОРОВ В МЕДИАТЕКСТЕ

Анна Владимировна Дегальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.
410012, Саратов, Астраханская, 83, корпус XI.
E-mail: deganna@mail.ru.

© Дегальцева А. В., 2017

Постановка проблемы. Роль отдельных единиц в оформлении смысла целого высказывания интересует философов и филологов со времен зарождения герменевтики. В связи с этим внимание современных лингвистов привлекают средства, служащие для экономной и в то же время емкой передачи информации. Одним из таких средств являются некоторые качественные наречия.

Изучение особенностей семантики и функционирования таких компликаторов в современной прессе поможет полнее раскрыть роль наречий в журналистском тексте: определить их функции, индекс лексического разнообразия, установить зависимость выбора данных лексем от тематики публикации.

История вопроса. К проблемам образования, семантики и функционирования различных групп наречий неоднократно обращались современные лингвисты [Захарова 1980; Ножкина 1989; Пеньковский 2004; Тропина 2007; Панков 2008; Сиротина 2015 и др.]. Способность отдельных единиц, в том числе и качественных наречий, усложнять, углублять смысл простого предложения также находилась в центре внимания исследователей семантики высказывания [Битехтина 1979; Золотова 1982; Белоброва 1982; Шмелева 1994; Норман 1997; Филипенко 2003; Кормилицына 2011 и др.]. По отношению к подобным наречиям Г. А. Золотовой было предложено использовать термин *компликатор*, т. е. усложнитель семантики простого предложения [Золотова 1982].

Наречия, которые усложняют семантическую структуру формально простого предложения, мы будем называть *адвербиальными компликаторами*. Особенность таких единиц заключается в том, что при грамматической отнесенности к глаголу семантически они способны характеризовать субъект, объект базовой пропозиции или саму пропозицию. Такие наречия-компликаторы могут содержать в себе в сверну-

том виде событийные или логические пропозиции, а также оценку диктумного содержания высказывания.

Нами уже был проведен анализ семантики и функций адвербиальных компликаторов (АК) в современной газете [Дегальцева 2012]. В данной работе мы обратимся к рассмотрению особенностей их функционирования в журналах.

Описание методики исследования. Материалом исследования послужили выпуски журналов светского и религиозного содержания («Psychologies», «Story», «Russian Foodie», «Crafty», «Дом и интерьер», «Покров» и «Фома»). Общий объем проанализированных данных составил около 10 000 предикативных единиц (ПЕ). Кратко охарактеризуем использованный материал.

К анализу привлекались выпуски журналов за 2013–2015 гг. Материал подбирался таким образом, чтобы каждое издание было представлено примерно в равных долях в сплошной выборке. Светские издания включают в себя журналы о кулинарии («Russian Foodie»), рукоделии («Crafty»), дизайне интерьеров («Дом и интерьер») и психологии («Psychologies»). Помимо этого мы использовали данные журнала «Story». Это издание, посвященное интересным, иногда малоизвестным фактам из жизни людей, оставивших заметный след в науке, культуре или истории. Некоторые рубрики этого журнала создаются писателями, поэтому при анализе мы исключали такие материалы из поля зрения: они явно тяготеют к художественному стилю. Помимо этого мы не анализировали рецепты, приведенные в журнале «Russian Foodie», а также инструкции по самостоятельному созданию каких-либо предметов, напечатанные в «Crafty», из-за эклектичной природы этих речевых жанров.

Чтобы иметь объективное представление об особенностях религиозной журналистики, мы использовали данные двух журналов — «Фома» и «Покров». Выбор именно этих изданий обусловлен тем, что характер их читательской аудитории различен: «Покров» рассчитан в большей степени на воцерковленных православных христиан, а «Фома», не являющийся официально церковным изданием, предназначен в первую очередь для тех, кто задумывается над вопросами религии, устройства мироздания, нацелен на поиск истины.

При сборе материала использовалась сплошная выборка, при анализе применялись количественный метод и контент-анализ высказываний, содержащих АК.

Анализ материала. Как показал анализ материала, на 1000 ПЕ в журнальной публицистике приходится в среднем 35 АК, что почти в два раза меньше, чем в художественной прозе, и немногим больше, чем в газетной публицистике [Дегальцева 2012]. Тематика журнала накладывает отпечаток на частоту встречаемости, индекс лексического разнообразия и характер изучаемых единиц. Больше всего наречий-компликаторов встретилось в журналах «Story» (около 60 АК на 1000 ПЕ), «Psychologies» (примерно 49 АК на 1000 ПЕ), «Покров» и «Фома» (в среднем 45 АК на 1000 ПЕ). Это объясняется несколькими причинами. Материалы журналов «Story», «Покров» и «Фома» в жанровом отношении близки к эссе или рассказу и находятся на стыке художественной прозы и публицистики, а в текстах художественного стиля, как показало ранее проведенное исследование, АК представлены наиболее широко и разнообразно [Там же]. В журнале «Psychologies» освещаются проблемы взаимоотношений, способов преодоления трудностей, выбора жизненного пути и т. д. В связи с этим журналисты употребляют в своих публикациях лексические средства, связанные с номинациями психоэмоционального и ментального состояний человека, особенностей его поведения. Одним из таких средств являются и АК.

Индекс лексического разнообразия наречий-компликаторов в проанализированных журналах неодинаков:

Story	Psychologies	Фома	Покров	Russian Foodie	Дом и интерьер	Crafty
0,93	0,90	0,92	0,91	0,88	0,86	0,4

Как видим, больше всего разнообразных лексем-компликаторов встретилось в журналах «Story», «Psychologies», «Покров» и «Фома». Одинаковые лексемы-компликатеры чаще всего можно обнаружить в журнале «Crafty». Среди них преобладает наречие *аккуратно*, которое употребляется в тех случаях, когда речь идет о создании изделий ручной работы: *Аккуратно добавляйте щелочь в воду, постоянно помешивая ее ложкой*. В данном высказывании наречие, на наш взгляд, можно развернуть в предикативную единицу «будьте аккуратно» (т. е., исходя из контекста, не добавляйте слишком много и старайтесь не просыпать щелочь).

Наречия-компликатеры, как было показано нами ранее [Дегальцева 2016], способны передавать как диктумную (в подавляющем большинстве случаев), так и модусную информацию.

При трансформации в самостоятельную, входящую в диктумное содержание высказывания предикативную единицу, наречия-компликатеры могут характеризовать субъект, всю ситуацию (отраженную прежде всего в смысловом наполнении предиката) или объект главной пропозиции.

Как показало проведенное исследование, в журнальной публицистике АК в 70% случаев содержат в себе свернутую событийную пропозицию, именующую ситуацию: *Потому что был официально любимым писателем властей, его кормили* (Story) = М. Горький был любимым писателем властей, и это подтверждалось их действиями по отношению к нему. *Там это блюдо традиционно готовят на Новый год, который обычно приходится на начало весны* (Russian Foodie) = это блюдо готовят на Новый год, поскольку существует такая традиция; *Дистанционно посадить дерево сможет каждый...* (Psychologies) = каждый сможет содействовать посадке деревьев, даже не находясь на территории, где будет проходить эта акция.

АК, характеризующие субъект, составляют около 25% проанализированных случаев. Они разворачиваются как в событийные, называющие эмоциональное или ментальное состояние человека: *Исполненные Духа Святого, в эти дни апостолы безбоязненно проповедовали Слово Божие* (Покров); *Я очень спокойно поднялся, подошел к несчастному* (Psychologies), — так и (чаще всего) в логические пропозиции с отражением качеств или свойств субъекта: *Вы думаете, чего это она так лукаво улыбается?* (Story); *А Энрике невозмутимо ответил: я им и остался, просто мой гениальный брат получил более широкую известность* (Story); *Один из мужчин, возможно, думая, что я записываю производственные тайны, вежливо, но холодно спрашивает меня: «Мы говорим что-то для интервью?»* (Фома); *Старый обычай найма работников в селе предписывал следить за тем, как они едят... аккуратно или неряшливо* (Psychologies); *Коварно и безжалостно расправляясь с конкурентами, они стремились создать и возглавить криминальную монополию в своем городе* (Дом и интерьер).

Лишь около 2% АК описывают объект главной пропозиции, так как в языковой системе АК грамматически и семантически не предназначены для характеристики объекта, кроме того, коммуникативный вес предиката и субъекта пропозиции выше, чем

такого актанта, как объект, который может отсутствовать в структуре пропозиции. Однако когда объект пропозиции материально не выражен, но подразумевается, поскольку входит в семантику предиката, использование АК при глаголе-предикате характеризует не столько само действие / состояние, сколько этот отсутствующий в формальной структуре высказывания актанта: *Разве раньше не осуждали любителей вкусно и сытно поесть?* (Psychologies). АК в данном случае характеризуют не столько подразумеваемый предикат (*поесть*), сколько еду как вкусную и дающую ощущение насыщения. В высказывании *Сказать, что она стала жертвой галлюцинации или что он выполнял последнее желание случайной знакомой, которая смертельно больна* (Psychologies) АК также характеризует объект пропозиции, заключенный в семантике предиката и элиминированный в силу его смысловой избыточности: *болезнь настолько тяжелая, что приведет к летальному исходу. Ср. под.: Она не была ни расстреляна, ни замучена в застенках, не попала в лагеря пожизненно* (Story).

АК, трансформирующиеся при разворачивании в самостоятельную предикативную единицу, могут нести в себе субъективную, модусную информацию. Такие конструкции довольно редко (в 3% высказываний) встречаются в журналах, поскольку для процесса адвербиализации характерна прежде всего компрессия объективного содержания предложения.

К случаям, когда АК при трансформации выражают модусную информацию, относится реализация ими квалификативных категорий оценочности и персуазивности [подр. см.: Дегальцева 2016]. В проанализированном материале встретились в основном конструкции первого типа, содержащие субъективную — с позиции пишущего — оценку всей диктумной информации или объекта базовой пропозиции: *И Аполлинария весьма умело превратила жизнь Васеньки Розанова в крошечный ад* (Story). Как видим, наречие-компликатор оценивает ситуацию целиком: *Аполлинария превратила жизнь Васеньки Розанова в крошечный ад, и это, по ироничному замечанию журналиста, было сделано ею весьма умело. При АК, выражающие оценку, нередко используются наречия меры и степени или иные слова, отражающие интенсивность признака* [Вольф 1985; Арутюнова 1988]. В данном случае в этой роли выступает лексема *весьма*. Рассмотрим другие примеры: *О городах в процессе апгрейда старого мира уже написано много и гадко* (Story). Наречие *гадко* здесь имеет такой смысл: то, как описаны тяжелые условия жизни в городах послереволюционной России, по мнению пишущего, обычно неприятно или неприлично, но такова была сама действительность. Ср.: *История России XX века с ее мучительными перипетиями отрефлексирована наконец так внятно, цельно и художественно-совершенно, что и добавить, кажется, нечего* (Psychologies); *Для начала следует пойти изведанным путем, испробовать то, что было успешно применено в другом месте* (Russian Foodie).

АК, выражающие персуазивность, представлены единичными примерами: *Подлинная человеческая культура несомненно является таким божественным даром* (Покров); *Их можно купить в магазине или покрасить самостоятельно (так вы гарантированно добьетесь успеха)* (Crafty).

Обратимся к более подробному рассмотрению функций наречий-компликаторов в отдельных журналах.

В журнале «Story» наречия-компликаторы, разворачивающиеся в диктумное содержание, используются почти в равной степени (44 и 56%) для: 1) лаконичной, но в то же время образной характеристики ситуации или одного из ее объектов: *Взлетевший над бранным телом интеллект Хокинга не занят никакими бытовыми делами, кото-*

рыми **вынужденно** занимаемся мы с вами; Ей пришлось выйти замуж, чтобы иметь возможность **свободно** перемещаться в европейской зоне; Кряхтя от артрита, признавалась, что больше всего на свете она теперь любит **вкусно и тяжело** поесть; 2) многогранного описания свойств, качеств, особенностей поведения героев повествования: Это ещё у Сенеки было **высокомерно** сказано: «Даже если тебе удалось накопить жиру и нарастить мышцы, всё равно ты не сравняешься с откормленным быком»; Монах **прозорливо** вычленил во флорентийском обществе главное — красоту, которой поклонялись как духовной категории; Например, несмотря на всю любовь, которую он чувствовал к Муре, он писал о ней совершенно **бестактно**. Употребление образных лексем, обычно свойственных художественной прозе (*высокомерно, прозорливо, невинно, невозмутимо, самозабвенно, удручающе* и т. п.), объясняется тем, что жанр материалов, представленных в данном издании, находится на пересечении художественного и публицистического стилей.

В журнале «Psychologies» для характеристики человека используется лишь 36% наречий-компликаторов, остальные содержат в себе в скрытом виде номинации ситуаций. Тематика издания предопределяет характер изучаемых единиц. Они связаны в основном с выражением эмоционального и ментального состояний, особенностей характера или поведения субъекта в различных, порой сложных, жизненных ситуациях: «Если бы ты сказала, мы бы могли его (ребенка. — А. Д.) оставить», — **озадаченно** отвечает Виктор; А если все-таки хотелось бы для разнообразия почувствовать что-то новое, этому новому вам придется **терпеливо** учиться. АК, характеризующие ситуацию, также в некоторой степени отражают специфику издания. Например, среди лексем-компликаторов встречаются такие, которые свойственны психологии (*бессознательно* употреблено в исследуемом материале 4 раза, *трезво* — 2 раза, *неосознанно* — 2 раза): При этом мы **бессознательно** смешиваем фантазию и действие; Я переехал, когда осознал, что до того искал в жизни поэзию **неосознанно** и т. д.

В изданиях религиозной направленности «Покров» и «Фома» большинство наречий-компликаторов (68%) используется также для характеристики ситуации: Он **счастливо** избежал участи Гоголя, да и многих других писателей и художников, людей верующих, но обладающих трагическим даром создавать лишь образы тьмы — образы уродливого, карикатурного человека и России (Фома); Но самое главное — Он Сам был рядом с Иудой целых три года **неотлучно** (Фома); **Неотрывно** читаешь страницы о тех боях за спасение нашей души (Покров). Тогда как на компликатеры, характеризующие человека, приходится 32%. В текстах религиозных журналов встречается в основном характеристика эмоционального или эмоционально-ментального состояния. Такие наречия являются яркими и выразительными и характеризуют не только состояние человека, но и ситуацию. Некоторые из них относятся к книжной и церковно-религиозной лексике. Это объясняется тем, что в анализируемых текстах сочетаются черты публицистического и религиозного стилей. Приведем примеры: Вспомним тишайшего старца Памву, идущего с братией по Александрии, и то, как **гневно** сказал он сидящим людям: «Встаньте и приветствуйте монахов: они говорят с Богом, они молят Бога за вас!» (Покров); Исполненные Духа Святаго, в эти дни апостолы **безбоязненно** проповедовали Слово Божие (Покров); Я думала, тебе больше не нужен, — потупилась **виновато** бабушка (Фома).

Глаголы, при которых употребляются АК в данной сфере общения, нередко являются книжными или устаревшими: Но для тех, кто **смирненно уповал** на Бога и хранил Его заповеди, это будет день освобождения (Фома); И комиссия уже **спокойно обретала** сами мощи (Покров).

Вера определяет не только характер мышления и поведение православного человека, но также и его речь. Поэтому АК, функционирующие в текстах религиозных изданий, обладают спецификой, отличающей их от наречий-компликаторов, встречающихся в светских журналах. Так, АК в журналах «Покров» и «Фома» способны передавать духовное состояние человека: *Большинство паломников, делая земной поклон, просто благоговейно прикладываются к основанию...* (Покров); *И это спасительное для голодных семинаристов слово легко и благодатно ложится на благочестивые сердца* (Фома). АК, номинирующие поведение, могут характеризовать его как подобающее и неподобающее с точки зрения религиозного человека: *Вот родители этих юных актеров, видимо, тщеславно полагают, что это удачно начатая фильмография их «звездочек»* (Покров) (речь идет о съемках детей в фильме ужасов); *Художники высокомерно присвоили себе право на вдохновение, считая почему-то, что Господа написание симфоний или стихов интересует больше, чем, скажем, строительство дома* (Фома); *И там он себя отдал послушанию; внимательно, смиренно он принимал от Бога все, что Господь ему пошлет, и от людей — все, что они захотят возложить на его плечи* (Фома).

В журналах «Дом и интерьер», «Russian Foodie» и «Crafty» наречия-компликативы встречаются гораздо реже, чем в трех предыдущих: на 1000 ПЕ в среднем приходится 14 АК. Функции АК в этих трех изданиях имеют много сходных черт. Именно поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть данные журналов «Дом и интерьер», «Russian Foodie» и «Crafty» в совокупности. Подавляющее большинство АК (около 70%) здесь характеризует ситуацию или объект как один из ее аспектов: *Отличный способ быстро и, главное, практически бесплатно изменить облик комнаты!* (Crafty); *На сентябрьской юбилейной сессии жюри по главе с Констанс Гиссе неожиданно присудило этот высокий титул молодой и перспективной Доротее Мелихзон — французскому дизайнеру, которая специализируется на оформлении отелей, баров и ресторанов* (Дом и интерьер); *Погулять в парке, пригласить гостей, вкусно пообедать в хорошей компании* (Russian Foodie).

Наречия, характеризующие поведение или состояние человека, встречаются в текстах, обычно описывающих процессы анализа, выбора или создания каких-либо объектов: *Люди пробуют, узнают много нового о сырах и таким образом интересно проводят время* (Russian Foodie); *Я очень внимательно изучала интерьеры Жака Гарсиа, на мой взгляд, это лучший мастер, работающий в жанре исторической эклектики* (Дом и интерьер); *Ника расскажет нашим читателям о том, как вкусно и незатратно приготовить смесь для домашнего хлеба* (Crafty).

Результаты исследований. Соотношение семантики предиката с семантикой АК дает наиболее полное представление об особенностях употребления наречий-компликативов в той или иной сфере. В большинстве случаев АК функционируют в предложениях с предикатом-глаголом, с которым они связаны грамматически. Глагольный предикат является ядром событийных пропозиций, отражающих положение дел в объективной действительности. Изучая функционирование таких АК в разных сферах общения, мы пришли к выводу, что сфера, в которой функционирует высказывание, оказывает влияние как на функции АК, так и на семантические типы предиката высказываний с ними [Дегальцева 2012]. Анализ данного материала подтвердил эти наблюдения: семантика предиката, к которому грамматически относится наречие-компликатив, зависит от тематики и жанра публикации.

В журналах «Story», «Psychologies», «Фома» и «Покров» преобладают глаголы речевой и интеллектуальной деятельности, что также свойственно газете или художествен-

ной прозе. АК при таких глаголах используются чаще всего в жанрах очерка или эссе, которые повествуют о жизни и взглядах героев материала. Обычно в таких случаях АК помогают пишущему конкретизировать характер речевой деятельности и отобразить «изнутри» ментальное состояние субъекта, скрытое от непосредственного наблюдения: *Кажется, ласково скажет он каждому нуждающемуся «Не скорби, чадо»* (Покров); *Примечательно, что в последние годы жизни он сам **презво** очертил границы своего дара* (Фома); *Выхожу из такси, подхожу к нему, спрашиваю **вежливо**: «Сэр, нам бы проехать, вы когда планируете завершить переезд?»* (Story); *Она могла **свободно** ввязаться в беседу по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски* (Story); *Значит, мы можем то, чего **бессознательно** хотим?* (Psychologies).

В журналах «Russian Foodie» и «Crafty» АК обычно употребляются при глаголах физического действия, что объясняется тематикой публикаций — описанием приемов создания или выбора каких-либо объектов. Здесь наречия-компликаторы, как правило, содержат в свернутом виде характеристику всей ситуации или ее объекта. Ср.: *Лучше найти тихое место с удобной логистикой, к которому **беспрепятственно** сможет подъехать грузовик* (Russian Foodie); *На протяжении трех недель все желающие **последовательно** готовили блюда по темам* (Russian Foodie); *Марина Зрелова говорит, что всегда мечтала шить, но поучиться этому **профессионально** времени, увы, не хватало* (Crafty); *Путешествуем, гостим на экоферме, **вкусно** готовим, сами делаем косметику и изучаем свойства трав* (Crafty).

В журнале «Дом и интерьер» АК чаще всего сочетаются с глаголами помещения объекта в пространстве, а также физического воздействия на объект: *Тут же по соседству расположена обеденная зона с большим столом, за которым **свободно** могут разместиться до 12 гостей; Темное дерево удивительно **гармонично** сочетается со сливочным цветом стен; ...а **удобно** их развесить можно с помощью стильных крючков с оленем...*

Выводы. Проведенный анализ показал, что в современных журналах АК в большинстве случаев разворачиваются в событийную пропозицию, которая характеризует ситуацию, представленную в базовой пропозиции.

Выбор наречий и их лексическое разнообразие во многом зависят от жанра и тематики публикации. АК обычно сочетаются с глаголами-предикатами, семантика которых также определяется темой материала и характером издания.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Белоброва Л. В. Место в предложении и функции обстоятельственно-определятельного распространителя сказуемого: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Битехтина Г. А. О некоторых случаях приглагольного употребления качественных наречий // Русский язык для студентов-иностранцев. Вып. 18. М.: Рус. язык. 1979. С. 111–123.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Дегальцева А. В. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

Дегальцева А. В. Особенности трансформации высказываний с адвербиальными компликаторами // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 141–146.

Захарова Е. П. Особенности функционирования наречий в художественном стиле речи: словообразоват. аспект // Поэтика и стилистика / ред. И. В. Чуприна, В. Е. Голдин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 113–120.

- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Изд-во Саратов. ун-та, 2011.
- Ножкина Э. М. Средства выражения адвербиального признака в эпистолярном стиле // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 132–145.
- Норман Б. Ю. Наречие в структуре высказывания: путь наверх (Фрагмент динамической грамматики русского языка) // Русистика (Берлин). 1997. № 1–2. С. 5–15.
- Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности. М.: МАКС Пресс, 2008.
- Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004.
- Сиротинина О. Б. Пространство языка под «лупой» мониторинга речи // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. Москва: Наука образования; Саратов: Амирит, 2015. С. 145–154.
- Тропина И. А. Наречия-инновации: лингвопрагмат. аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2007.
- Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.
- Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1994.

REFERENCES

- Arutyunova N. D. Types of language meanings: evaluation, event, fact [Tipu yazukovuh znacheniy: ushenka, sobutie, fakt]. Moscow, 1988.
- Belobrova L. V. Place in the sentence and function of the adverbial-attributive distribution of the predicate [Mesto v predlozhenii i funkcii obstoitel'stvenno-opredelitel'nogo rasprostranitel'a skazuemogo: dis. ... kand. polit. nauk]. Moscow, 1982.
- Bitekhtina G. A. About some occasions of the use of qualitative adverbs with predicates [O nekotoryh sluchajah priglago'l'nogo upotreblenija kachestvennyh narechij] // Russian language for foreign students [Russkij jazyk dlya studentov-inostrantsev]. Vol. 18. Moscow, 1979. P. 111–123.
- Degaltseva A. V. Adverbialization as a way of complicating of the semantics of the sentence: PhD thesis [Adverbializacija kak sposob uslozhenija semantiki predlozhenija: dis. ... kand. filol. nauk]. Saratov, 2012.
- Degaltseva A. V. Peculiarities of transformation of sentences with adverbial complicators [Osobnosti transformacii vyskazyvanij s adverbial'nymi komplikatorami] // Izvestiya of Saratov University. Ser. Philology. Journalism. 2016. Vol. 16, is. 2. P. 141–146.
- Kormilitsyna M. A. Semantically complicated (polipropositional) sentence in colloquial speech [Semanticheski oslozhennoe (polipropozitivnoe) predlozhenie v ustnoj rechi] / ed. by O. B. Sirotinina. 3rd ed. Saratov, 2011.
- Nozhkina E. M. Means of expressing of the adverbial characteristic in the epistolary style [Sredstva vyrazhenija adverbial'nogo priznaka v jepistoljarnom stile] // Questions of stylistics: coll. sci. work [Voprosy stilistiki: mezhvuz. nauch. sb.]. Saratov, 1989. P. 132–145.
- Norman B. Y. Adverb in the structure of the sentence: the way up: fragment of dynamic grammar of the Russian language [Narechie v strukture vyskazyvanija: put' naverh: fragment dinamicheskoj grammatiki russkogo jazyka] // Russistica (Berlin). 1997. No. 1–2. P. 5–15.
- Pankov F. I. Experiences of functional-communicative analysis of Russian adverbs: the adverbial category of temporality [Opyt funkcional'no-kommunikativnogo analiza russkogo narechija: na materiale kategorii adverbial'noj temporal'nosti]. Moscow, 2008.
- Pen'kovsky A. B. Essays on Russian semantics [Ocherki po russkoj semantike]. Moscow, 2004.
- Philipenko M. V. The semantics of adverbs and adverbial expressions [Semantika narechij i adverbial'nyh vyrazhenij]. Moscow, 2003.

Shmelyova T. V. The semantic syntax: the text of the lectures of the course “Modern Russian language” [Semanticheskij sintaksis: tekst lekcij iz kursa «Sovremennyj russkij jazyk»]. Krasnoyarsk, 1994.

Sirotinina O. B. The space of language under the “magnifying glass” of monitoring of speech [Prostranstvo jazyka pod «lupoj» monitoringa rechi] // Language in space of the speech cultures [Jazyk v prostranstve rechebykh kul'tur]: on the 80th anniversary of V. E. Goldin / ed. by O. Y. Kryuchkova, L. P. Krysin. Moscow; Saratov, 2015. P. 145–154.

Tropina A. I. Adverbs-innovation: linguopragmatic aspect [Narechija-innovacii: lingvopragmat. aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Rostov-on-Don, 2007.

Vol'f E. M. Functional semantics of evaluation [Funkcional'naja semantika ocenki]. Moscow, 1985.

Zaharova E. P. The peculiarities of functioning of adverbs in literature: derivational aspect [Osobennosti funkcionirovanija narechij v hudozhestvennom stile rechi: slovoobraz. aspekt] // Poetics and stylistics. Saratov, 1980. P. 113–120.

Zolotova G. A. Communicative aspects of Russian syntax [Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa]. Moscow, 1982.

УДК 811.16
ББК 81.2Рус-5; 76
ГРНТИ 16.21.21
КОД ВАК 10.02.01

Ван Сяоцзюань
Пекин, Китай

**ИМИДЖ КИТАЯ
В ОНЛАЙН-ВЕРСИИ
ГАЗЕТЫ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»**

Ван Сяоцзюань, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Второго Пекинского университета иностранных языков (BISU).
100024, Пекин, район Чаоян, Динфучжуан нань-ли, 1, учеб. корп. 1.
E-mail: uliawang@163.com.

© Ван Сяоцзюань, 2017

Постановка проблемы. В последние годы Китай динамично развивается в экономической сфере, активно участвует в региональных и международных делах, организует крупномасштабные мероприятия, выдвигает весомые концепции и инициативы, что привлекает к себе внимание международного сообщества. Во всем мире повышается интерес к Китаю, китайской культуре, китайскому языку.

Как воспринимают Китай другие страны и как создать положительный имидж страны — этим вопросам правительство Китая уделяет все больше внимания. Причина в том, что положительный имидж страны — это стратегический ресурс, значимое конкурентное преимущество, позволяющее сделать голос страны слышимым, идеи и концепции — достойными внимания, а саму страну — привлекательной как для внешних целевых аудиторий, так и для собственных граждан [Ресурсы... 2016: 3].

Важным стратегическим партнером Китая является Россия. Китайско-русские отношения прошли три этапа: в 1991 г. были нормализованы двусторонние отношения, в 1996 г. страны перешли к стратегическому взаимодействию, а в 2001 г. — к всестороннему стратегическому партнерству и взаимодействию.

В настоящее время обе страны тесно координируют свои позиции по важнейшим региональным и международным вопросам, поддерживают тесные контакты на высшем уровне, углубляется и расширяется сотрудничество в области освоения нефтегазовых ресурсов, ядерного топлива, космонавтики и авиации, телекоммуникации, высоких технологий и др. Успешно были осуществлены такие масштабные проекты в гуманитарной сфере, как перекрестные национальные годы языков, туризма и молодежных обменов. В настоящее время в России проходит год СМИ в Китае.

От того, насколько привлекательным будет имидж представляемой в СМИ страны, зависит политический статус и перспективы экономического сотрудничества на международной арене. Чтобы проводить успешную внешнюю политику и дальше укреплять взаимовыгодные двусторонние отношения, для китайской политики чрезвычайно важно понимание того, как Китай воспринимают российские партнеры, поэтому вопрос о формировании имиджа Китая в российских СМИ весьма актуален.

Степень разработанности проблемы. Формирование имиджа Китая в России имеет свою научную историю. Первая работа об особенностях образа Китая в России XVII в. была написана в 1997 г. Н. Н. Кычановым. Позднее, в 1998 г., А. В. Лукин в работе «Образ Китая в России (до 1917 г.)» сделал попытку сравнения образа Китая у представителей различных направлений российской дореволюционной философской мысли. В 2007 г. вышли две монографии: «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках» А. В. Лукина [Лукин 2014], где исследовался процесс эволюции образа Китая в СССР и России после 1917 г., и работа «Образ Китая в современной России», написанная совместно сотрудниками Института Дальнего Востока РАН и учеными КНР. В монографии рассматривается ряд проблем, характеризующих состояние китаеведения в СССР и современной России.

Однако изучение вопросов целостного представления образа Китая в современной России еще только начинается. В этой связи весьма интересна работа «Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей» под редакцией И. В. Сидорской [Ресурсы... 2016]. В книге рассмотрен богатый потенциал СМИ и других каналов коммуникации для формирования составляющих странового имиджа Беларуси и Китая с учетом внутренних и внешних целевых аудиторий. Китайские ученые-русисты рассматривают этот вопрос с различных точек зрения: культурно-исторический аспект формирования имиджа Китая в России рассмотрен в работах Ли Вэй [Ли Вэй 2005], Сунь Фан, Чэнь Цзиньпэна (2010), Линь Цзинхуа (2010); с точки зрения международных отношений — работы Лю Ятина [Лю Ятин 2009], Ян Синьмо (2009); с точки зрения социологии — работы Лю Юаньюань [Лю Юаньюань 2009], Чжан Ляна (2010). Формированию имиджа Китая в российских СМИ посвящены работы О. А. Бакулина «Особенности формирования образа Китая российскими СМИ в период пекинской олимпиады (на китайском языке)» [Бакулин 2008], Юй Даньхун «Имидж китайского крестьянина-овощевода в российских СМИ» [Юй Даньхун 2011], Шэнь Ин, У Ган «Имидж Китая в региональных СМИ» [Шэнь Ин, У Ган 2013]. Чжан Хуэйцин, основываясь на комментариях к новостям о Китае на сайте Рамблер, анализирует лингвистические способы выражения отношения к Китаю и гражданам Китая [Чжан Хуэйцин 2014].

Объектом настоящего исследования являются тексты статей онлайн-версии газеты «Аргументы и факты» с 1 января 2012 по 30 июня 2016 г. (третий срок президентства Путина), в которых анализировалась оценка тех или иных сторон жизни Китая. Выборка текстов осуществлялась по ключевым словам «Китай» и «КНР» в заголовках статей. В результате получены 772 статьи различной тематики: политика, экономика, общество, культура, природные и техногенные катастрофы, спорт и др., из них 580 статей на политическую, экономическую и общественную тему. В работе особое внимание уделено информационно-аналитическим текстам на указанные темы, т. е. комментариям и мнениям экспертов (93 статьи), так как они в наиболее полной степени реализуют одну из пяти функций массовой коммуникации — интерпретационную, или идеологическую, окрашивают картину мира в десятки разнообразных цветов, придавая ей

определенный мировоззренческий оттенок, ту или иную идеологическую модальность [Добросклонская 2008: 60].

Газета «Аргументы и факты» («АиФ») (онлайн-версия) выбрана для анализа имиджа Китая в России на основании высокой степени влияния, большого тиража и широкой популярности данного издания. «АиФ» выходит с января 1978 г., в мае 1990 г. внесена в Книгу рекордов Гиннеса как газета с самым большим тиражом в истории человечества — 33,5 млн. экземпляров, причем число читателей превысило 100 млн. Сегодня она остается лидирующим по объему тиража в России общественно-политическим еженедельником (тираж 2,2 млн. экземпляров). «Аргументы и факты» является одним из самых популярных российских изданий за рубежом. В 2000 г. запущен сайт aif.ru. В 2013 году он вошел в топ 10 самых популярных ресурсов в категории «Новости и СМИ». Ежемесячно сайт посещают более 16 млн. человек.

Базовыми для исследования являются работы, направленные на изучение лингвистических проблем в целом и имиджеформирующей речи в частности [Добросклонская 2008; 2016; Дускаева 2012; 2014; Дускаева, Коняева 2016; Зверева 2015; Ю. М. Коняева, Н. В. Коробова, Чжан Хуэйцинъ 2014 и др.]. В формировании имиджа страны большую роль играют оценочные средства, поэтому концептуально важными были для нас идеи о семантике средств выражения оценки [Арутюнова 1999 и др.].

Как известно, значение СМИ в том, чтобы оповещать людей, информировать внешний мир, а цель — не «зеркальное отражение», а целенаправленный выбор [Ресурсы... 2016: 35]. Автор информационно-аналитических текстов в СМИ формирует отношение к сообщаемому, вызывает определенные эмоциональные отклики на те или иные события, старается повлиять на мировоззрение, мироощущение и мировосприятие людей и их поведение [Сретенская, 2015].

Оценочность — одна из важнейших черт стилистики журналистской речи. Являясь необходимой частью в формировании журналистской познавательной-ценностной конструкции действительности, оценочность выступает средством реализации творческого замысла журналиста — интенциональности [Дускаева 2014], которая выражается различными языковыми способами. Данная работа направлена на выявление закономерностей использования оценочных средств в формировании имиджа Китая в газете «АиФ».

В журналистском тексте, в зависимости от объекта оценки, могут актуализироваться разные типы оценок: общие (положительная или отрицательная) и частные. По Н. Д. Арутюновой, общие оценки «присуждаются по совокупности признаков», т. е. относятся к объекту в целом, отражают общее соответствие / несоответствие объекта идеальному образцу, выражаются с помощью прилагательных *хороший* и *плохой*, а также их синонимов с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. Частные оценки более обширны и разнообразны. В них входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Частные оценочные значения могут быть разделены на четыре группы: 1) сенсорные оценки: сенсорно-вкусовые, или гедонистические, — то, что нравится: приятный, вкусный. Это наиболее индивидуализированный вид оценки; 2) психологические: а) интеллектуальные: интересный, увлекательный, банальный, б) эмоциональные: радостный, желанный, приятный; 3) сублимированные, или абсолютные, оценки: а) эстетические (синтез сенсорных и психологических: красивый и прекрасный), б) этические, подразумевающие нормы: моральный, добрый, порочный; 4) рационалистические, связанные с практической деятельностью человека: а) утилитарные: полезный, вредный, б) нормативные: правиль-

ный / неправильный, нормальный / ненормальный, здоровый / больной, в) телеологические: эффективный, удачный, негодный [Арутюнова, 1999].

Оценка в массмедиа текстах может быть высказана прямо или косвенно. Самые распространенные способы косвенного подтверждения оценки — передача ее через экспертное мнение либо в цифрах [Дускаева, Коняева 2016].

Объектами оценки в анализируемом материале являются материалы о политике, экономике, социальной сфере Китая, что позволит получить представление о целостной репрезентации имиджа Китая в России.

Цель статьи – рассмотреть, каким образом выражаются оценки по отношению к КНР в России, и проанализировать языковые средства экспликации имиджа Китая в российских массмедиа.

Анализ материала. Из всех текстов, привлеченных для анализа, 286 статей посвящены политике Китая (37% от выборки), 161 статья об экономике Китая (21% от общей выборки) и 133 статьи об обществе (17% от общей выборки).

Рассмотрим примеры медиатекстов, посвященных сфере **политических отношений**. В статьях на политическую тему объективно освещают внешнюю политику Китая, особое внимание уделяется двусторонним отношениям с США, Германией, Японией и Россией.

Какие риски это влечёт для нас? Главным риском является монополизация китайцами наших внешнеэкономических связей. В сфере торгово-экономических отношений КНР — это страна, которая жёстко ведет переговоры. Однако в целом они следуют принятым на себя обязательствам. Китай — надёжный партнер, во многих случаях более рациональный и предсказуемый, чем тот же Евросоюз. Особенно ярко это проявилось на переговорах по вступлению России во Всемирную торговую организацию, когда с китайцами удалось договориться гораздо быстрее и конструктивнее, чем с европейцами. Тем не менее, если они окажутся в монопольном положении, то могут начать выставлять условия, совсем не выгодные для нас. Отчасти этот риск можно снять за счет развития отношений с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, с Японией и Южной Кореей (Чем обернется для России сближение с Китаем? 2014. 11 июня).

В приведенном фрагменте текста автор использует прилагательные со значением рациональной оценки: *надёжный, рациональный, предсказуемый, конструктивный*, тем самым передает позитивное отношение к Китаю. Вместе с тем выражает опасение или беспокойство по поводу того, насколько крепки отношения между двумя странами: так как Китай может развивать отношения с другими странами, рациональность китайских партнеров может стать главным риском для России при выставлении совсем не выгодных условий.

П о л о ж и т е л ь н а я оценка дается китайской внутренней политике под руководством компартии Китая. В сообщениях говорится о том, что Китай *уверенно и не спеша идет по выбранному пути развития*, сохраняет политическую стабильность, развивает экономику для улучшения благосостояния народа, принимает жесткие меры по борьбе с коррупцией, с иностранцами-нелегалами, с терроризмом внутри страны. В статье «*Время решения. Как Китай выбирал будущее на площади Тяньаньмэнь*» (2014. 4 июня) рассказывается, как под руководством Дэн Сяопина Китай выбрал правильный путь развития и добился не только экономических, но и политических успехов:

Принцип «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей» позволил Китаю при сохранении власти Компартии и социалистической идеологии широко вне-

дрить в экономику рыночные методы. В результате темпы экономического роста КНР стремительно увеличились, заставив говорить о «китайском экономическом чуде».

Судя по данным глобального исследования имиджа Китая в мире «Исследование: жители России лучше всех в мире относятся к Китаю» (2015. 19 марта), российские граждане считают, что «пора России перенимать опыт соседа».

В газете *п о л о ж и т е л ь н о* оценивают китайско-российские партнерские отношения, Россия видит в Китае *надёжного, выгодного, нужного, крупнейшего* торгово-экономического партнёра, который во многих случаях более рациональный и предсказуемый, чем тот же Евросоюз (Надежный, но жесткий партнер. Эксперт о сближении России с Китаем. 2014. 12 июня).

Сегодня между нами – почти стопроцентное единодушие почти по всем мировым проблемам. Но даже в конце 1970-х и начале 1980-х годов, когда наши страны, казалось бы, разделяла пропасть, СССР и КНР голосовали в ООН, как правило, одинаково. О чем это говорит? О том, что Китайская Народная Республика – наш политический союзник, при этом признает, что и в период распада СССР, и сейчас китайцы нам очень помогали. Без них, наверное, не выжили бы... Они и сейчас много пользы приносят (Восточный разворот. Что даст РФ союз с Китаем? 2015. 17 ноября).

Стоит отметить, с 2014 г. в заголовках статей стали чаще встречаться слова *Россия и Китай, РФ и КНР, сотрудничество, партнерство*, что демонстрирует расширение и углубление двусторонних отношений. В сообщениях высоко оценивается поддержка, которую Китай оказывает России, и координация между двумя странами на международной арене. Как пишется в статье «Восточный разворот. Что даст РФ союз с Китаем?», *Только КНР твёрдо отказался принимать участие в любых экономических санкциях против нашей страны и отказался осуждать ее на политическом уровне.*

В следующем фрагменте цитируется речь третьего лица, где опровергается так называемая китайская экспансия, и для этого использованы общая и психологическая оценка: *амбициозный, уникальнейший, лучший*:

*Угроза Китая отнюдь не военного плана, — говорит сотрудница пекинского госпиталя Тянтан Пухуа Мария лей-бенсон, — а в том, что, перебираясь в другие страны, они тянут за собой семьи. Китайцу, собирающемуся на учёбу, к примеру, в Йельский университет, деньги собирает всё село. Зато, когда добьётся успеха, он перетянет к себе полсела. Пока большинство **амбициозных** китайцев рвётся в Европу и Америку. Но те, кто добился большого успеха, возвращаются на родину. Я работаю с доктором Яни, которая делает **уникальные** пластические операции. Яни 14 лет прожила в США, работала в одной из **лучших** мировых клиник и... вернулась в Китай (Цунами для Владивостока. Россию захлестнут 200 миллионов беженцев из Китая? 2012. 19 дек.).*

Большое количество статей с *н е г а т и в н о й* оценкой встречается на тему «территориальный вопрос», где сообщается, как китайцы путем экономической экспансии занимают территории России (здесь имеется в виду Дальний Восток), стран Средней Азии и Африки, зачастую приводя к нестабильности, истощению земли и экологическому дисбалансу данных регионов; в статьях также прогнозируется скорый распад страны и возможный наплыв китайских беженцев в случае масштабных беспорядков, высказывается призыв быть готовыми к *штурму границы РФ китайцами и держать ухо востро*. Такая негативная тональность ярко выражена в заголовках статей: «Цунами для Владивостока. Россию захлестнут 200 миллионов беженцев из Китая?», «Прирастет ли Китай Россией?», «Слияние и поглощение. Китай захватывает новые территории», «Игорь Виттель: Новый китайский Синцзян в Таджикистане», «России дорого обойдет-

ся восстановление земли после аренды Китаем — эксперт» и др. По этой теме наиболее употребительны такие идеологически-модальные выражения, которые вызывают негативные коннотации, такие как *экспансия, оккупация, территориальная оккупация, захват земли, захватчик, желтая угроза, желтое цунами*. Некоторые эксперты даже прогнозировали: *Коммунистическая партия Китая отойдет от власти, будет династия Гун, чьим императором скорее всего будет тот самый Бо Силай* (Китай – враг или друг России? 2012. 12 апр.).

В текстах эксплицирована и противоположная точка зрения по этому вопросу: *китайская угроза — это коварные замыслы и происки пропагандистские... Долгое время существовало мнение о демографической экспансии, но ее нет. Количество россиян, находящихся в Поднебесной на более-менее постоянных условиях, гораздо больше, чем количество китайцев, живущих в России; Опасаться нашествия китайцев на Россию наивно: они к нам не рвутся* (Чем обернется для России сближение с Китаем? Цикл «Прогнозы про угрозы». 2014. 11 июня).

Приведем пример негативной оценочности в политической сфере, выражаемой при помощи цифр:

Выхода из этих порочных кругов не видно, считает замдиректора Института политического и военного анализа Александр Храмчихин, — они усугубляются и без того растущим контрастом в уровне жизни горожан и селян: у первых месячный доход чуть больше \$100 в месяц, у вторых — меньше \$40. Причём вторых, проживающих на грани нищеты, в стране 58%. Ещё хуже дела у пенсионеров: \$75 у горожан и чуть больше \$6 у селян (что означает: в деревне пенсионная система фактически отсутствует). А ведь китайцы — быстро стареющая нация, доля пенсионеров постоянно растёт (Цунами для Владивостока...).

Еще один пример выражения негативной оценки с использованием цифр:

С 1991 г. Китай медленно поглощает территорию экс-СССР, пусть и в небольших масштабах. Россия в рамках «демаркации» границы уже передала КНР 337 км² своей земли (включая спорный остров Даманский), Казахстан — 407 км², а Таджикистан — и вовсе 1158 км²! Даже у Киргизии китайцы утащили 12 км² — так сказать, «на закуску» (Станет ли Владивосток Хайшенываем? 2012. 18 апр.).

Приводя ряд цифр, автор как бы доказывает существование «китайской экспансии» и «желтой угрозы».

Во всех проанализированных примерах из 93 комментариев и мнений экспертов 40 касается китайской политики, из них 17 относится к нейтральным, 12 — к положительным, 11 — к отрицательным.

Проанализируем публикации на *экономическую тему*. В сообщениях об экономическом положении Китая тоже содержатся как положительные, так и отрицательные репрезентации.

П о л о ж и т е л ь н о оценивается модель экономического развития, огромные экономические успехи и влияние. В публикациях приводятся примеры строительства специальных экономических зон Чжухай и Шэньчжэнь, развития «поездов-пуль», проведения экономических реформ в условиях западных санкций: *25 лет назад... США ввели санкции против Китая... И что? Теперь экономика Запада сильно ослабела, зато китайская занимает второе место в мире, а США — основной должник КНР. Если китайцы пожелают, доллару придёт конец. ...Теперь на месте бедных рыбацких деревушек выросли небоскрёбы, новые города-мегаполисы с десятками миллионов жителей превратились в центры китайской электронной промышленности... За последние 6 лет в*

Китае реформировали 592 уезда — родину самых бедных крестьян, живущих на доллар в день. На западе КНР в рамках программы «Надежда» в бедных районах отремонтировали 15 000 (!) сельских школ. По приезде в Гуанси замечаешь: провинция роскошью не сверкает, но количество бедняков за последние 6 лет уменьшилось здесь в 2 (!) с лишним раза. Даже ООН официально похвалила Китай за успехи в борьбе с бедностью (Миллиарды под ногами. Как России применить опыт развития экономики Китая. 2014. 17 апр.).

Позитивная оценка также дается политике поощрения малого и среднего бизнеса, контролю над финансовым рынком, регулированию цен и борьбе с коррупцией.

Когда речь идет о проблемах и последствиях, возникших в процессе экономического развития Китая, в сообщениях используется большое количество эмоциональных оценок, чтобы показать критическую ситуацию в экономике Китая, которой грозит неизбежный крах: загрязнение городов чудовищное, жуткая экономическая депрессия, ядовитые китайские теплицы, безысходное положение, уязвимая страна и др. Та же ситуация в текстах на тему политики плановой рождаемости в Китае, которая всегда вызывает недоумение и непонимание у российского общества. Психологические, точнее эмоциональные, оценки придают сообщениям в газетных текстах повышенную экспрессивность: действовать варварски, драконовские меры, зверские штрафы, насильственная стерилизация, жесткий принцип и т. д.

Чтобы воздействовать на восприятие информации реципиентом и добиться запланированных автором нужных результатов, в газетных текстах вместе с оценочными средствами используются другие способы формирования положительной или отрицательной оценки, например:

Скандалные секреты успеха КНР: специальный репортаж обозревателя «АиФ» из трущоб Гуанчжоу — как раз там миллионы бедняков за 50 долл. в месяц, а то и просто за миску лапши «куют» экономику самого богатого в мире государства...

Сразу после наступления темноты окраины южнокитайского города Гуанчжоу переполнены людьми — серыми и безмолвными, словно тени. Одетые в грязные спецовки, они покупают самую дешёвую еду: торговцы готовят её прямо на тротуарах — вместе с мухами и уличной пылью. Миска лапши стоит 2 юаня, рис, сбрызнутый соевым соусом, — 1 юань. Тени едят жадно, почти не жуя, — они равнодушны к вкусу еды, им главное — поскорее набить желудок. Лица неподвижны, словно маски. Каждый сегодня отработал на стройке по 15 часов, завтра рано утром им снова «шабашить» небоскрёбы и укладывать дороги. И именно этим почти бесплатным работягам Поднебесная обязана экономическим бумом, сделавшим страну супердержавой XXI в. ... — Что вы первым делом видите, когда приезжаете в Китай? — спрашивает меня профессор экономики Алекс Чэнь из Гонконга. — Здания-высотки, залитые огнями рекламы, новые автострады, современные фабрики. Туристу не приходит в голову, кто и, главное, на каких условиях их строил. ... Их руки и толкают вверх экономику: строительные фирмы получают гигантскую прибыль при минимуме затрат (Страна теней: обратная сторона китайской промышленности. 2013. 3 июля).

Здесь автор описывает рабочих, которые живут в невероятно тяжелых условиях на окраине одного южнокитайского города. Он применяет сенсорные и психологические оценки благодаря отбору слов и выражений, выражающих негативные ассоциации: серый, безмолвный, грязный, едят жадно, равнодушны, лица неподвижны. Эмоциональная оценочность усиливается группами выражений-контрастов: бедняки и самое богатое государство; трущобы и здания-высотки, небоскрёбы, новые автострады, современные фабрики; гигантская прибыль и минимум затрат. Отрицательная оценка

поддерживается сравнением: *серые и безмолвные, словно тени; лица неподвижны, словно маски*. Кроме того, с помощью таких стилистически окрашенных слов и выражений, как *спецовки, шабашить, набить* (разг.) *желудок, работяги* (прост.), автор подчеркивает пренебрежительное отношение к жизни данной группы людей. С помощью цифры также дается косвенно выраженная оценка, отражающая критическое положение рабочих-мигрантов, вызывающая у читателя негативные эмоции. Таким образом у него складывается представление о том, что успехи Китая достигнуты за счет *уникальной дешёвизны рабочей силы*, рабочие живут адской жизнью. Цифры позволяют влиять на оценку и отношение российского общества к восприятию Китая и жизни китайцев.

Н е г а т и в н а я оценка выражается к проблемам и последствиям, возникшим в процессе экономического развития Китая: «великий китайский пузырь» (пузырь на рынке недвижимости — огромное количество городов-призраков; пузырь на рынке кредитования, т. е. банковский пузырь; пузырь в промышленности, т. е. индустриальный пузырь), экологическая катастрофа (загрязнение атмосферы и воды, истощение земли), проблема города и деревни, богатых и бедных районов, пропасть между богатыми и бедными, забастовки рабочих. Отрицательная оценка актуализирована в материалах о так называемой китайской угрозе и китайской экономической экспансии: *огромное количество китайцев как грибы после дождя заселяют Среднюю Азию, КНР попросту глотает местные экономики, не жуя...* В сообщениях даже прогнозируют экономический обвал и крах: *проблемы в экономике Поднебесной представляют угрозу для глобального ВВП... Следующая мировая рецессия будет сделана в КНР. В ближайшие пару лет Китай, с большой долей вероятности, будет самым масштабным источником нестабильности в мировой экономике* (Обвал в Китае, рецессия в России. Какие риски угрожают мировой экономике. 2015. 5 авг.). Считается, что ситуация в Китае ударит по России, странам Средней Азии, тесно связанным с Китаем, и потянет их экономику вниз.

Для передачи негативной оценки экономических проблем используются общая и этическая оценка эксперта, безусловно поддерживаемая редакцией, при этом оценку усиливает сопоставление жизни города и деревни. Ту же функцию выполняют и приводимые цифры, показывающие достоверность информации: *больше \$100 — меньше \$40, \$75 у горожан — чуть больше \$6 у селян*.

Отрицательная оценочность осуществляется с помощью косвенного комментария, восклицательной конструкции, цифр, психологических оценок и олицетворения.

Дракон откусывает кусочек за кусочком, — комментирует ситуацию бизнесмен из Астаны Керим Эмирбаев (имя изменено. — Авт.). — *Ему можно не торопиться — по сути, Средняя Азия уже находится в его желудке. Всего Китай претендует на более чем 28 тыс. км² (!) таджикской территории: и неизвестно, что случится, когда Пекин поставит Таджикистан перед необходимостью возврата кредитов — у страны попросту нет ни копейки денег. В Казахстане КНР, помимо нефти и газа, осваивает местные водные ресурсы — в результате казахские реки и озёра в последнее время серьёзно обмелели, потеряв 20 млн куб. м воды. Китайских крестьян-колонистов, сооружающих оросительные каналы и направляющих воду в Синьцзян, переселяют в Казахстан десятками тысяч: Пекин иногда тонко намекает, что спор о китайско-казахской границе до сих пор окончательно не урегулирован. Надо признать, Китай действует в Средней Азии очень неглупо. Не угрожает войной, а опутывает кредитами, подминает под себя экономику, наводняет рынок соседей товарами, после чего с ним расплачиваются территорией — без санкций и скандалов со стороны Запада: ведь всё получается*

добровольно, путём официального договора (Тяга к Поднебесной. Что принесет России тесная дружба с Китаем? 2015. 9 сент.).

В этом фрагменте текста автор, используя комментарий и цифры, описывает способ и процесс «экономической экспансии Китая», с помощью психологических оценок (*неглупо, добровольно*) выражает иронию и негативное отношение к ней. А использованное олицетворение (*откусывать кусочек за кусочком, в его желудке*) выполняет функцию воздействия на воображение читателя, а также функцию формирования образной яркой модели мира, повышает выразительность, экспрессивность, оценочность и коннотативность, позволяет читателю визуально представить процесс экспансии, создает в его восприятии негативный образ Китая, который захватывает чужие земли. Кроме того, употребление слова *дракон* здесь имеет особое значение в усилении экспрессивности, так как, в отличие от китайцев, у русских данное слово вызывает отрицательную ассоциацию: гигантская крылатая огнедышащая рептилия, извечное воплощение Зла, которое нужно победить, препятствие, которое надо преодолеть.

В целом к экономическому сотрудничеству Китая и России выражается двойственное отношение. С одной стороны, Китай оценивается как крупнейший торгово-экономический партнер, а китайский рынок рассматривается как перспективный. Двустороннее сотрудничество Китая и России является предсказуемым, способным принести России *океан пользы*. С другой стороны, в публикациях подчеркивается, что сотрудничество с Китаем, особенно в энергетической сфере, приносит слишком мало выгоды России, делая ее *сырьевым придатком* Китая.

В публикациях, касающихся *социальной сферы*, в 17 комментариях и мнениях экспертов о китайском обществе эксплицировано больше негативных коннотаций (10), чем позитивных (3). С одной стороны, *н е г а т и в н о* оценивают политику плановой рождаемости, считая ее причиной полового дисбаланса и появления «нелегальных детей». С другой стороны, ослабление ограничения в области демографии тоже вызывает опасения: *землю захватят не инопланетяне, а китайцы*. В следующем примере автор привлекает внимание к образу жизни долгожителей Китая:

*Особое внимание старики уделяют питанию. В КНР самый настоящий культ еды. И хотя блюда местной кухни китайцы запивают **вредным**, но **популярным** пивом, а главное мясо в стране — свинина, в Поднебесной очень низкий процент заболеваемости печени и сердца. Почему? Китайцы продукты не варят, а готовят на пару, сохраняя их сочность и **полезные** свойства, а также едят много **свежих** овощей: свинина всегда подаётся вместе с горой нарезанных салатов. В ежедневном рационе присутствуют рис, кукуруза, бобы, обязательно — фрукты. Еще одна немаловажная деталь: мясо и рыбу в Китае стараются есть **свежими**, заморозку используют нечасто. ...Может быть, поэтому среди пенсионеров в КНР (да и вообще по стране) проблемы с избыточным весом — редкость. Почти все китайские старики — **подтянутые, активные и бодрые**. («Бегающие тигры. Почему в Китае растёт количество долгожителей» (2013. 14 ноября).*

Здесь отмечается многообразие выраженных оценок: сенсорная (*свежий*), эмоциональная (*популярный, подтянутый, активный, бодрый*), утилитарная (*вредный, полезный*), с помощью которых подтверждается здоровый образ жизни долгожителей-китайцев.

О т р и ц а т е л ь н а я оценка дается пенсионной политике: *пенсии в КНР платят только тем, кто работал на госслужбе. Если человек трудился в частной компании, постарев, он должен жить на личные накопления либо рассчитывать на помощь своих детей. Поэтому мальчики в Поднебесной на вес золота* (Новая версия Апокалипсиса:

Землю захватят не инопланетяне, а китайцы. 2012. 12 дек.). К поведению китайских туристов, демонстрирующих низкий уровень культуры, к высокой боеспособности китайской армии актуализировано отрицательное отношение.

В публикациях, посвященных копированию китайцами иностранных технологий, выражается как отрицательное, так и нейтральное, близкое к объективной оценке ситуации отношение: *разведка Китая «ходит» в правительственные сети Америки, как к себе домой. Китайцы тащат не только военные секреты — они копируют смартфоны, автомобили и даже... целые города!* (Мир в китайской копии. КНР не изобретает, но отлично воспроизводит чужое. 2013. 12 июня); *масштабы копирования в общественном мнении во многом сильно преувеличены. Очень многие системы, которые считаются скопированными китайцами, производятся ими по вполне официально проданным лицензиям, либо были разработаны для них российскими разработчиками — также по официальным контрактам* (Чем обернется для России сближение с Китаем?).

Аналогичная дихотомия в выражении оценки репрезентирована в публикациях, посвященных качеству китайских товаров: наряду с пренебрежительными оценками по отношению к *китайской дребедени* подчеркивается и рост качества продукции: *Если раньше подделки из КНР можно было характеризовать как «дребедень», то теперь китайские версии мировых брендов ломаются реже»; «КНР очень разная, и там много качественных товаров, если товар закупается на крупных серьезных фабриках* (Мир в китайской копии).

В целом по з и т и в н ы е оценки эксплицированы в публикациях о «курсе долготелитя» и усилиях китайского правительства в сфере социального обеспечения и защиты пожилых людей: *китайские старики — уважаемая часть общества, их не считают обузой* (Бегущие тигры); *В КНР «почтенному возрасту» уделяют особое внимание — всюду в парках есть спортивные площадки для пенсионеров. ...Согласно опросам, 90% китайских стариков считают: после выхода на пенсию им живётся значительно лучше (!), чем в молодости* (Страна столетних. Почему китайцы собираются жить дольше россиян? 2014. 30 окт.).

Положительные и отрицательные экспликации о китайской политике и экономике, таким образом, выражаются в равной степени. В публикациях о социальной сфере КНР в основном преобладают отрицательные коннотации. Можно сказать, что в целом общая тональность текстов статей «АиФ» стремится к о б ъ е к т и в н о с т и в репрезентации КНР.

Выводы. Проведенный анализ позволяет нам составить представление об имидже Китая в онлайн-версии газеты «АиФ». В анализируемых публикациях встречаются общие, сенсорно-вкусовые и психологические оценки (в особенности эмоциональные), которые выделяют сообщаемые события из ряда аналогичных, обращают внимание на особенности протекания события или условия ситуации, делают сообщение более интересными. Используются также сублимированные (этические) и рационалистические оценки, с помощью которых формулируются проблемы, объясняются мотивы деятельности субъектов.

Количество статей о Китае с каждым годом увеличивается, что демонстрирует растущий интерес российского общества к Китаю; отмечается значительное освещение политической, экономической и общественной сферы.

В представлении российского потребителя массмедиаконтента Китай представлен как супердержава, которая твердо идет по пути социализма со своей спецификой под

руководством Компартии. Руководство Китая стремится к повышению уровня жизни народа и уделяет особое внимание социальной сфере.

Китай представляется надежным политическим союзником России, на которого можно рассчитывать; и одновременно Китай — жесткий и рациональный партнер, с кем следует быть осторожнее в торгово-экономическом сотрудничестве.

Китай — многонаселенная страна, которая проводит демографическую экспансию и является угрозой демографической безопасности не только для России, но и для других стран мира.

Китай — локомотив мировой экономики, но одновременно технически отсталая страна; Китай — страна с множеством серьезных экономических, экологических и социальных проблем.

Китай — недемократическая страна, где права человека, особенно права женщин, не защищены.

Китай — страна долгожителей. Пожилые люди ведут здоровый образ жизни.

Формирование такого имиджа Китая, на наш взгляд, связано, во-первых, с предстоящим сложным внутренним и внешним положением России, для которой важно перенимать опыт у Китая, особенно опыт в управлении государством и развитием экономики, важно тесно сотрудничать в политической и экономической сферах.

Во-вторых, с интересом к оригинальной культуре питания Китая. На самом деле всё что связано с традиционной китайской культурой, с одной стороны, всегда привлекает внимание у русских, с другой стороны, остается таинственным и неизвестным для них.

В-третьих, с наличием укоренившегося стереотипа «китайская угроза», «желтое цунами». Россия традиционно ориентирована на Запад, что обусловлено определенными идеологическими и геополитическими факторами.

В-четвертых, с отсутствием серьезного отношения к научному изучению происходящих изменений в современном Китае, о чем свидетельствует использование негативных оценочных средств, что мешает журналистам и ученым сделать всесторонние и объективные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки рус. культуры, 1999.

Бакулин О. А. Особенности формирования образа Китая российскими СМИ в период пекинской олимпиады: на китайском языке // *Междунар. СМИ.* 2008. № 11. С. 71–79.

Добросклонская Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // *Медиалингвистика.* 2016. № 2 (12). С. 13–25.

Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов. М.: Книж. дом Университет, 2008.

Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология.* 2014. № 4(28). С. 206–213.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Филол. ф-т, 2012.

Дускаева Л. Р., Коняева Ю. М. Стилистика имиджеформирующего речевого воздействия // *Стилистика и литературное редактирование: учебник для академ. бакалавриата / под ред. Л. Р. Дускаевой.* Т. 2. М.: Юрайт, 2016. С. 20–46.

Зверева П. П. Лингвопрагматический анализ текстов печатных СМИ формальными средствами на матер. газетных публикаций США о России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Ли Вэй. Российские средства массовой информации в переходный период. Шанхай, 2005.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток — Запад, АСТ, 2007.

Лю Юаньюань. Имидж Китая в общественном сознании современной России // Вестн. РГГУ. Сер. Социология. 2009. № 2. С. 220–233.

Лю Ятин. Формирование имиджа китайских мудрецов в России в 90-е годы 20 века // Исследование России. 2009. № 3. С. 124–135.

Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / под ред. И. В. Сидорской. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2016.

Сретенская Л. В. Автор и субъект оценки в газетно-публицистическом тексте // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2015. Т. 13. С. 711–715. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85143.htm>.

Чжан Хуэйцзинь. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае: на примерах сайта Рамблер // Медиалингвистика. 2014. № 2 (12). С. 82–94.

Шэнь Ин, У Ган. Имидж Китая в региональных СМИ // Исследование России, Средней Азии и Восточной Европы. 2013. № 1. С. 17–22.

Юй Даньхун. Имидж китайского крестьянина-овощевода в российских СМИ // Исследование России, Средней Азии и Восточной Европы. 2011. № 5.

REFERENCES

Arutjunova N. D. Language and and a human's world [Jazyk i mir cheloveka]. 2nd ed., corr. Moscow, 1999.

Bakulin O. A. The specific features of the formation of China's image in the Russian media during the Beijing Olympics (in Chinese) [Osobennosti formirovanija obraza Kitaja rossijskimi SMI v period pekinskoj olimpiady (na kitajskom jazyke)] // International Media [Mezhdunarodnyje SMI]. 2008. No. 11.

Dobrosklonskaya T. G. Mass media language [Jazyk sredstv massovoj informacii]. Moscow, 2008.

Dobrosklonskaya T. G. Methods of analyzing video-verbal texts [Metody analiza video-verbal'nyh tekstov] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2016. No. 2 (12). P. 13–25.

Duskaeva L. R. Dialogical nature of newspaper speech genres [Dialogičeskaja priroda gazetnyh rečevykh zhanrov] / ed. M. N. Kozhinoj. 2nd ed. St Petersburg, 2012.

Duskaeva L. R. How to express evaluation of communicative action in the journalistic cultural and educational discourse [Vyrazhenie ocenocnykh kommunikativnyh dejstvij v zhurnalistskom kul'turno-prosvetitel'skom diskurse] // Bul. Perm State Univ. Ser. Russian and foreign philology [Vestn. Perm. univ. Ser. Rossijskaja i zarubez'naja filologija]. 2014. No. 4 (28). P. 206–213.

Duskaeva L. R., Konyaeva Yu M. Stylistics of image forming speech [Stilistika imidzheformirujushhej reči] // Russian language and literary editing [Stilistika russkogo jazyka i literaturnoe redaktirovanie] / ed. by L. R. Duskaeva. Moscow: Yurayt, 2016.

Li Wei. Russian mass media during the transition period [Rossijskie sredstva massovoj informacii v perehodnyj period]. Shanghai, 2005.

Liu Yuanyuan. Image of China in the public consciousness of modern Russia [Imidzh Kitaja v obshhestvennom soznanii sovremennoj Rossii] // Journ. Russian State Humanitar. Univ. Ser. Sociology [Vestnik RGGU. Ser. Sociologija]. 2009. No. 2. P. 220–233.

Liu Yatin. Formation of the Chinese sages' image in Russia in the 90s of the 20th century [Formirovanie imidzha kitajskih mudrecov v Rossii v 90-ye gody 20 veka] // Research of Russia [Issledovanie Rossii]. 2009. No. 3. P. 124–135.

Lukin A. B. The bear is watching the dragon: image of China in Russia in XVII–XX centuries [Medved' nabljudajet za drakonom: obraz Kitaja v Rossii v XVII–XXI vekah]. Moscow: East-West, АСТ, 2007.

Shen Ying, Wu Gang. The image of China in regional media [Imidzh Kitaja v regional'nyh SMI] // Investigation of Russia, Central Asia and Eastern Europe [Issledovanie Rossii, Srednej Azii i Vostochnoj Evropy]. 2013. No.1. P. 17–22.

Sidorskaya I. V. Resources of mass communication for the shaping the image of country [Resursy massovoj kommunikacii v formirovanii stranovyh imidzhej]. Minsk, 2016.

Sretenskaya L. V. Author and the subject of evaluation in newspaper and journalistic text [Avtor i subjekt ocenki v gazetno-publicisticheskom tekste] // Concept: sci. and method. electronic journ [Koncept: nauch.-metod. electron. zhurn.]. 2015. T. 13. P. 711–715.

Yu Danhong. The image of Chinese peasant–grower in the Russian mass media // Investigation of Russia, Central Asia and Eastern Europe. 2011. No. 5.

Zhang Huiqin. The image of China in the Russian perception by analyzing Russian netizens comments on news reports about China [Obraz Kitaja v kommentarijah k novostjam o Kitae: na primerah sajta Rambler] // Media Linguistics [Medialingvistika]. 2014. No. 2 (5). P. 82–94.

Zverev P. linguistic-pragmatic analysis of texts by the publishing mass media with the formal means: based on the US newspaper articles about Russia [Lingvopragmaticheskij analiz tekstov pechatnyh SMI formal'nymi sredstvami: na mater. gazetnyh publikacij SShA o Rossii]: PhD Dis. Moscow, 2015.

**ПОНЯТИЯ, КАТЕГОРИИ,
МЕТОДИКИ АНАЛИЗА В МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ**
.....

УДК 811.161.1'271.12+811.161.
1'271.16
ББК 81.2Рус
ГРНТИ 16.21
КОД ВАК 10.02.01

О. В. Мякшева
Саратов, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

Ольга Викторовна Мякшева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI.
E-mail: myakshev@mail.ru.

Постановка проблемы. Пространственная семантика не раз была и до сих пор остается предметом исследования лингвистов. Обращение к ней обусловлено едва ли не важнейшей ролью пространства в процессе восприятия и языковой интерпретации человеком мира «как одного из первых и элементарных проявлений познания мира человеком» [Гак 1998: 677].

Категория пространства относится к основным объективным категориям существования человека и действительности. Ее осознание и языковая интерпретация жестко детерминированы «земными» реалиями, а среда использования языка влияет на сферу деятельности человека.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению языка [Кубрякова 2012] многократно усилил в современной лингвистике интерес к пространству, его роли в процессе познания и специфике языкового и речевого воплощения. Пространственная семантика является одним из инструментов познания когнитивных процессов.

Основные функции СМИ — информационная и воздействующая. Информационная норма для СМИ определяется как адекватное, всестороннее и полное отражение действительности, всех ее фрагментов [Осетрова 2006: 432]. Напротив, О. Р. Лащук, исследуя тексты ведущих информационных агентств, утверждает, что выражение их позиций начинается еще на стадии отбора фактов [Лащук 2002: 111–117], даже сугубо информационные материалы неизбежно тенденциозны, в текстах СМИ информирование всегда подчинено воздействию, в результате чего в них не отражается событие, а формируется «медиасобытие», созданное журналистами [Какорина 2008: 502]. В текстах массмедиа, по мнению В. Г. Костомарова, «чудовищно-уплотненная реальность», которая кажется подчас более убедительной, нежели истинная действительность [Костомаров 2005: 101]. М. А. Кормили-

цына называет СМИ мощным инструментом воздействия на аудиторию и средством манипуляции общественным сознанием [Рискогенность... 2015: 28].

Задача статьи заключается в том, чтобы определить специфику использования семантики пространственной ориентации человека в современных газетных текстах. Конец XX — начало XXI в. ознаменовали «прорыв» в семантику текста, причем в аспекте появления в нем новых смыслов как результата сложных когнитивно-дискурсивных механизмов. Отсюда задача — проверить на материале современных газет закономерности использования «языкового» смысла пространственной ориентации в антропоцентрическом осмыслении, в «одежде» языковых форм, доставшихся от предшествующих контекстов, выяснить, как (и во что воплощаясь) пространственный смысл входит в тексты СМИ, какие механизмы языка позволяют этому смыслу формировать текст — «единственно данную в наблюдении реальность применения языка» (по словам В. Г. Костомарова), off-line и on-line [Овчинникова и др. 2016: 131].

Основываясь на мнении В. Г. Гака, состоящем в том, что пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения [Гак 1998: 677], очертим круг языковых средств, выражающих семантику пространственной ориентации и послуживших исходным материалом нашего исследования. Это в первую очередь синтаксические структуры с существительными — обозначениями объектов окружающей действительности с инвариантной семантикой 'пространство, место, участок, здание, помещение' (начиная от собственно пространственных объектов *поле, лес, река* и заканчивая названиями артефактов *дом, шкаф*) в любой синтаксической позиции и действительными обозначениями ориентации типа *там, здесь, туда, у нас*. Анализируются и предложения, в которых в качестве пространственного ориентира выступают предметы, не имеющие инвариантной семантики 'место' или 'помещение'. В данном случае критерием отбора выступают глаголы типа *находиться* (где?), *идти* (куда? откуда?), а также грамматические характеристики форм — речевых локализаторов: *Иван находился около той самой ложки*.

История вопроса. В своих работах [Мякшева 2007; 2012 и др.] мы утверждали, что обязательная для содержания всякого текста СМИ пространственная конкретизация (где?) манифестируется в них преимущественно четырьмя типами: реальное пространство события, пространство контактного фона реального события, концептуальное пространство (политическое, экономическое, социальное, профессиональное, культурное, психическое и т. д.), пространство ассоциативного фона события.

Под **реальным пространством события** мы понимаем такие манифестации ориентации человека и предметов, которые являются зримыми и необходимыми компонентами отображаемой ситуации. Например, в статье «Пофигизм на фоне инфаркта» (Моск. комсомолец. 2016. 5–12 окт) таким ориентиром является Россия: **В России, по данным директора Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева, президента Лиги здоровья нации, академика Лео Бокерия, 22–22,5млн человек страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями.**

Пространством контактного фона реального события мы называем такие манифестации ориентации, которые являются зримыми компонентами ситуаций, привлекаемых автором в связи с целеустановкой текста. Это совокупность таких реальных пространственных ориентиров, которые иллюстрируют прием выбора дополнительной информации для выражения авторской позиции, что позволяет в значительной степени произвольно выбирать выгодные автору сведения [Лащук 2002: 112]. В журналистике их называют «мягкими», они помогают формировать восприятие материала.

«Жесткими», в свою очередь, называются факты, которые не могут быть не обнаружены, т. е. это ориентиры реального пространства события. В приведенной выше статье «мягким» ориентиром можно считать указание на место работы акад. Лео Бокерия (*Научный центр сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева*).

И. А. Стернин, рассматривая влияние общественных факторов на современный политический дискурс, считает, что публицистические тексты об одном и том же событии «стали гораздо менее похожими в трактовке разных органов печати даже сходной политической ориентации» [Стернин 2006: 140]. Это же отмечает В. В. Богуславская [Богуславская 2005: 49–50]. О. Б. Сиротинина характеризует стремление в СМИ к объективности как мнимое: «потребитель СМИ видит мир их, а не своими глазами» [Сиротинина 2010: 280]. Сравнивая первую полосу трех центральных газет («Российская газета», «Известия», «Московский комсомолец»), уже в отборе социально значимых событий ученый видит «пристрастный» взгляд: у каждой газеты свой набор событий, и для того адресата, который читает одну из них, реальная картина мира будет представляться разной [Там же: 273–276].

Концептуальным пространством считаются такие манифестации ориентации человека и предметов (чаще — умозрительных сущностей), которые существуют в ментальной сфере его деятельности, эти характеристики вторичны, они «списаны» с опыта реальной ориентации. В итоге формирования ориентиров концептуального пространства утрачивается установка на прямую номинативную преобладанность с предметом первичного знакообозначения, вторичная номинация теряет семантический коннотативный «шлейф» первичной, оставляя в своей семантике только рациональные, ментальные смыслы (ср.: *запутаться в рыбацких сетях* и *запутаться в проблеме*). Как утверждает Н. Б. Попова, выделение в современной лингвистике понятия «концептуальная метафора» позволяет эксплицировать сложные мыслительные пространства нашего чувственного, культурного, национального и социального опыта [Попова 2007: 393].

Концептуальное пространство в публицистическом дискурсе создается существительными определенными тематическими классами и синтаксическими структурами с общим значением местонахождения и движения. Лексемы, употребляемые в концептуальном пространстве, могут быть определены как номинации, способные создать смысл границ, пределов существования определенного неконкретного явления (*сфера, область, пространство, поле, рамки* и т. п.); номинации, формирующие направленность отвлеченных процессов (*направление, путь, стезя* и т. п.); номинации, обозначающие формы, способы, значимость определенных явлений (*коридор, окно, ниша, база, фундамент* и т. п.) [подр. см: Мякшева 2007: 114–189].

Специфика формирования концептуального пространства в газетном тексте заключается в стремлении выразить отвлеченный смысл, «поймать» в зримые рамки абстрактные сущности из разных неконкретных сфер деятельности и существования человека (политической, экономической, собственно ментальной, конфессиональной, культурной и т. д.).

Стремлением приблизить абстрактное изложение к возможностям широкой аудитории обусловлено такое явление публицистического текста, как «социальный антропоцентризм», который, как представляется, позволяет сделать изложение более доступным [Гончарова 2005: 175–180]. Публицистический текст демонстрирует такую форму антропоцентризма, которая способствует формированию особого ракурса картины мира, где действуют, испытывают эмоции *города, регионы, столицы, мага-*

зины, предприятия, а абстрактные сущности становятся для них ориентирами деятельности.

Пространство ассоциативного фона события наиболее тесно связано с воздействующей функцией языка массмедиа. Являясь продуктом вторичного лингвосомиозиса, данное пространство вводится в газетный текст в первую очередь для использования коннотативной ауры компонентов, имеющих в нем или образуемых в результате «смены» денотата. Особая воздействующая роль ориентиров ассоциативного фона события объясняется тем, что прямой референт слова намеренно, стилистическим «усилием» автора текста остается как бы на втором плане и, создавая эффект «совмещенного видения двух картин» [Алефиренко 2002: 13], обеспечивает переносному словоупотреблению метафорическую образность. Пространственные отношения характеризуются прагматической ясностью и образностью, что предопределяет активное использование языковых средств с данной семантикой в качестве манифестаций пространства ассоциативного фона события [Алефиренко 2002; Гак 1998; Топорова 1999; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Чудинов 2001 и др.].

Пространство ассоциативного фона события позволяет легче воспринять основную информацию текста и, что особенно важно для данного дискурса, завуалировать в образную форму пристрастную оценку. Активно ориентиры пространства ассоциативного фона события употребляются в заголовках и в тех статьях, в которых воздействующая функция особенно существенна.

Материал исследования — «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Спорт-экспресс» за 2016 г. Опираясь на анализ текстов этих газет, покажем манифестацию типов пространств, их роль в создании газетных текстов и попытаемся выяснить, сохраняется ли выявленное нами распределение ролей языковых средств с пространственной семантикой в современном газетном тексте.

Описание методики исследования. Основным методом исследования является описательный, с акцентом на контекстологические и дискурсивные методики (в частности, контент-анализ), которые расширяют аргументационное поле вниманием к таким экстралингвистическим факторам, как знания о мире, мнения, установки, цели адресанта, готовность и способность адресата к их восприятию.

Анализ материала. В статье-интервью «Меня готовили на роль сакральной жертвы» (Лит. газета. 21–25 мая) с одним из наиболее узнаваемых политиков **Украины**, а после присоединения **Крыма** — заметной фигурой на **российском** политическом поле **Вадимом Колесниченко** ориентирами реального пространства являются **Украина, Киев, Майдан, Россия, Крым, Севастополь**. Приведем из интервью два примера с этими ориентирами: *Когда начались события в Крыму, стало понятно, что Украина распадается; Самое неприятное случилось, когда произошёл разгон на Майдане 30 ноября 2013 года.*

В том же интервью реальными ориентирами контактного фона события являются, например, **Венгрия, Польша, Западная Украина**, где, по мнению В. Колесниченко, *молодёжь (под видом спортивной или военно-патриотической работы) готовили к акциям неповиновения; Львов и ЕС: Да я практически во всех этих событиях принимал участие. И даже ездил во Львов, встречался со студентами, рассказывал, что волновавший их вопрос безвизового въезда в ЕС даже не стоит в повестке дня. Безусловно, роль одного из основных реальных ориентиров пространства контактного фона события играет Америка, но в данном тексте этот пространственный ориентир «спрятан» в языковую*

форму обозначения лиц по гражданству: *Мы тогда думали, что американцы дезориентированы, что они проморгали решение Януковича не подписывать ассоциацию; Однако очень быстро американцы перестроились, что называется, на марше.*

Показателем в отношении своего взгляда на актуальную проблему современности текст статьи академика РАН М. А. Грачёва под названием «В воздухе пахнет... цивилизацией» (Рос. газета. 7 июля). Анализируемая статья посвящена экологическому кризису на Байкале. Ее автор озабочен проблемой *Кто рискованно экспериментирует на Байкале: природа или человек?* Ориентирами реального пространства события здесь являются: *всё мелководье Байкала по всему периметру длиной 1800 километров, охваченное кризисом, и пелагиаль Байкала — его глубоководная зона, которая пока не пострадала.*

Автор статьи убежден, что Байкал можно спасти, и во многом можно было бы разобратся, были бы деньги. Реальный ориентир контактного фона события — *Мировой океан, который представляет собой действительно жуткую картину: в океанах образовались три огромные горы пластикового мусора, в основном использованных пластиковых бутылок и пакетов.*

Называя Байкал *гораздо более простой экосистемой*, чем океан, М. А. Грачёв возвращает нас в прошлое, в 1662 г., когда, по пути *из даурской ссылки* (ориентир контактного фона), протопопу Аввакуму *пришлось переправляться с восточного берега моря-озера на западный* (ориентир контактного фона). Цитата из «Жития» о несметных богатствах Байкала заставляет читателя задуматься над тем, чего мы можем лишиться.

Анализ реальных ориентиров контактного фона события в газетных текстах 2016 г. навел нас на мысль, которая, на наш взгляд, находится в некотором противоречии с утверждением о том, что субъективны не только «степень полноты подачи информации, ее место... <...> Красноречива и сама рядоположенность разных новостных фактов. Факт — значительное событие и факт-пигмей, поставленные рядом, оказываются если не сближенными, то во всяком случае равномасштабными» [Прозоров 2005: 89]. Мнение о существовании в публицистике (не в жизни!) события-пигмея и события-коLOSSа, или о равномасштабности волею журналиста поставленных рядом событий, думается, кануло в Лету вместе с неглобализованным миром прошлого века, во всяком случае для образованных и думающих читателей (а массовый ли читатель открывает сейчас газету?). Они способны без подсказки «любезных» журналистов искать в СМИ (и печатных, и радио, и телевизионных, и в Интернете) отражение тех событий и фактов, которые действительно злободневны и важны для понимания жизни современного общества, давать этим событиям интерпретацию с точки зрения степени масштабности, принимать ее или оспаривать, не соглашаться с мнением журналиста о равномасштабности поставленных рядом событий. Привлечением не соответствующих реальному положению дел компонентов контактного фона события («мягких фактов») вряд ли можно обмануть современного искушенного читателя. Реакцией на такое привлечение, скорее, будет то, что адресат текста закроет газету, выключит телевизор и обратится к другому источнику информации.

О. Б. Сиротина, напротив, скептически оценивает возможности потребителя текстов СМИ даже в условиях современного глобализованного мира: «слишком многое, иногда очень существенное, не попадает в поле зрения и остается для него неизвестным», хотя и допускает, что современный читатель способен потреблять «не суженную взглядом определенного СМИ, а значительно расширенную информационную картину мира» [Сиротина 2010: 280]. Вероятно, всё ещё есть и те, и другие читатели, но газеты ориентируются по-прежнему на массового.

Приведу пример удачного, на наш взгляд, подбора реального ориентира пространства контактного фона события. В газете «Спорт-экспресс» (26 июля 2016 г.) статья о допинговом скандале в российском спорте названа «Моральный Чернобыль». Думается, вот такие пространственные (и не только) ассоциации позволяют компетентному читателю по достоинству оценить степень мастерства журналиста, нашедшего точно бьющий в цель, совсем не «мягкий» факт, формирующий восприятие материала статьи. Конечно, многое в данном случае зависит от уровня воспринимаемости текста, точнее — от способности адресата понять вложенный автором смысл (во-первых, что такое *моральный*, во-вторых, что такое *Чернобыль*?).

Проблема изучения языковых личностей автора и адресата, отраженных в текстах современных газет, посвящена книга Т. В. Чернышовой. В частности, в ней утверждается: «Согласно данным опроса, каждая языковая личность *сознательно* выбирает себе то или иное средство массовой информации... читатель в процессе интерпретационной деятельности без особого труда не только определяет настроение, передаваемое автором (т. е. опознает определенную тональность текста), но и выявляет его коммуникативные намерения» [Чернышова 2014: 108–109].

Н. Г. Овчинникова и Т. В. Ахутина в своей рецензии на другую книгу приводят слова В. Б. Касевича о соотношении понятий «информация», «знание», «познание»: «Касевич описывает природу языкового значения, позволяющего передавать знание в акте коммуникации как разность (дельту) между составом знаний адресата *до* и *после* высказывания адресанта. Таким образом, языковое значение, являясь ключевым понятием теоретического языкознания, выступает как способ передачи информации и трансформации базы знаний коммуникантов, т. е. когнитивной сферы участников социального взаимодействия. Практическая ценность высказывания, существенная для «практически ориентированного языкознания», обусловлена не только собственно языковым значением, но и дополнительными параметрами акта общения, включая готовность адресата воспринять передаваемое знание и интенцию адресанта передать его» [Овчинникова и др. 2016: 138]. Разделяя утверждение о языковом значении как способе передачи информации и трансформации базы знаний коммуникантов, хочу уточнить: дополнительным параметром акта общения является не столько готовность, сколько *п о с о б н о с т ь* адресата воспринять передаваемое знание.

Воспринимаемость текста, безусловно, зависит и от наличия в нем ориентиров концептуального пространства. Очевидно, что чем аналитичнее газетная статья, чем больше в ее содержании отвлеченных размышлений, тем более выражено в ней концептуальное пространство. В уже приводимой нами статье акад. М. А. Грачёва примерами ориентиров концептуального пространства являются: *Почему же вода мелководий не обменивается с водой открытого Байкала? Ответ на этот вопрос — очень сложная задача из области гидродинамики; Работы ведутся, начиная с XXI века, но к успеху не привели* (Рос. газета. 7 июля). Примеры из других статей: *Однако несколько отчётливо вырисовывающихся тенденций вызвали дестабилизацию, которая привела к попытке государственного переворота* (Рос. газета. 18 июля); *Чтобы выйти из кризиса, нужно вкладывать в развитие человека* (Арг. и факты. 13–19 июля).

Продолжает существовать в газетах явление «социального антропоцентризма»: *В части нужно создать такие условия, чтобы, когда Ахметов начал платить налоги в бюджет Донецка, Киев не посчитал его террористом и не посадил в тюрьму* (Моск. комсомолец. 6 июля). Думается, такой способ представления информации нейтрализует в какой-то мере отвлеченный характер ее номинаций.

Выявленные нами в газетах 2016 г. примеры ориентиров пространства ассоциативного фона события обычно находились в прецедентных высказываниях, часто в устойчивых оборотах, которые используются в несколько трансформированном, «обновленном» виде. Такие ориентиры, в противоположность концептуальным, «тянут» за собой коннотативный шлейф оценочных, эмоционально окрашенных ассоциаций: **Чёрный код за углом** (Рос. газета. 18 июля) о мошенниках в уличных банкоматах; **Из котла — в кубышку** (Рос. газета. 5 июля) о ситуации со сбором денег с собственников жилья на капремонт их домов. Данные ориентиры при их восприятии адресатом в качестве окрашенного фона этого восприятия имеют вторую «картинку» из общего для многих прошлого (ср.: *положить в общий котёл*) или бытовой среды (*спрятать в кубышку*); **На свободу — с новыми зубами** (Моск. комсомолец. 1 июля), ср. с устойчивым выражением *на свободу с чистой совестью*; **Разговорчики в строю** (Арг. и факты. 15–21 июня) о российской элите, которая, по мнению В. Костикова, разговорилась и режет правду-матку. Другие примеры: **Там Центробанк над золотом чахнет** (Рос. газета. 11 марта), **Рубль, выйди в коридор!** («Рос. газета. 26 февр.); **Киев попробовал ополченцев на зуб** (Моск. комсомолец. 1 июля); **Британия спутала карты** (Рос. газета. 8 июля); **США сделали России «последнее предложение» по Сирии** (Моск. комсомолец. 16 июля).

В приводимом выше интервью с Вадимом Колесниченко (Лит. газета. 21–25 мая) пространство ассоциативного фона события выражено особенно ярко во фразе *Утечек не было по одной причине: решалась задача положить в карман Украину*. Устойчивый оборот *положить в карман*, имеющий отчетливую негативную коннотацию, характеризует отношения между Америкой, Евросоюзом, с одной стороны, и Украиной — с другой. Именование политического пространства *фронтом* (см. в тексте: *Но задача, которую поставили американцы, — создание генетического врага России — выполняется. Очень опасная ситуация: мы получили озверевшего противника в лице украинских националистов. Я думаю, на этом фронте работы будет ещё очень много*) для публицистики довольно шаблонно. Экспрессия здесь формирует контекст (точнее то, что Т. М. Николаева называет «конвоем» высказывания, без которого по-настоящему понять его смысл невозможно [Николаева 2015: 16]). В данном случае к «конвою» относятся, например, характеристики: *генетический враг, озверевшие противники*.

Статья А. Яхонтова под заголовком «Европейский «Титаник» и айсберг терроризма» (Моск. комсомолец. 16 июля) посвящена острой политической проблеме ответственности *правителей всего мира за сварганенные ими бедствия*. Помещенные в название ориентиры (если адресат способен их воспринять) уже содержат ответы на поднятые в статье вопросы: просвещенный читатель помнит судьбу «Титаника», а мало-мальски подкованный в географии — коварную опасность такого природного явления, как айсберг (в тексте статьи: *Отщепенство, популистские политики, самонадеянные упования — в то время как надвигающийся на цивилизованный «Титаник» айсберг терроризма хранит непоколебимую монолитность*).

Результаты исследования. Анализ газет 2016 г. показал расплывчатость границ выделенных нами типов пространств, особенно между пространствами контактного и ассоциативного фона события, с одной стороны, и концептуального и ассоциативно-го — с другой. В первом случае мы обратили внимание на примеры, аналогичные проанализированному выше («*Моральный Чернобыль*»). Верно ли сейчас, по прошествии многих лет, считать *Чернобыль* реальным ориентиром, а не синонимом катастрофы вселенского масштаба, т. е. ориентиром ассоциативного фона?

Во втором случае отчетливое, как было заявлено в работе почти десятилетней давности [Мякшева 2007], разграничение концептуального пространства и пространства ассоциативного фона события оказалось совсем не четким, когда мы посмотрели на контекстное окружение («конвой») слов и синтаксических структур с пространственной семантикой. Во фразе *В то время как менее философски настроенные народы динамично ищут новые пути развития своих держав, экономики, мы бредем унылой однообразной тропой* (Моск. комсомолец. 16 июля) первая часть отражает умозрительное суждение, во второй (*мы бредем унылой однообразной тропой*) доминирует образная характеристика абстрактной ситуации. В следующих примерах: *Казалось бы, что нам, россиянам, находящимся под иссушающими санкциями, до европейских дел* (Моск. комсомолец. 7 июля); *Таким образом, в сферу отвратительной, а по моему мнению, мошеннической деятельности вовлекается всё краевое и местное начальство* (Моск. комсомолец. 15 июля) — выделенные структуры концептуального пространства приобретают оценочность, находясь «под зонтиком» эпитетов *иссушающих, отвратительной, мошеннической*.

М. Делягин, директор Института проблем глобализации, в газетной статье характеризует виртуальную реальность как агонию, и концептуальная метафора *путь в виртуальную реальность* становится оценочной: *Путь в агонию виртуальной реальности облегчается атомизацией общества* (Моск. комсомолец. 3 авг.). В этой же статье автор, показывая нам своеобразие современного процесса формирования сознания и негативное отношение к нему коммерсантов: *Современные технологии сделали формирование сознания общедоступным, и коммерсанты, пренебрежшие этой возможностью*, — заканчивает изложение через ассоциацию с очень экспрессивной картинкой — скорее, из жизни животных: *вылетели с соответствующих рынков впереди собственного визга уже к середине 90-х годов*.

Выводы. Введение понятия «типы пространств» позволило нам выявить механизмы использования языковых средств с семантикой пространственной ориентации в речи СМИ, в которой отчетливо выделяется пространство контактного фона события, наглядно прослеживаются процессы «наращения смысла», базирующиеся на возможностях метафоры, метонимии, изменении актантной структуры предложений, активном включении в содержание дискурсивных знаний и т. д.

В газетном тексте при формировании реального и концептуального пространств ведущей является информационная функция, а при создании пространств контактного и ассоциативного фона события — воздействующая. Следовательно, пространственный ориентир как собственно факт безусловно обнаруживает себя в реальном пространстве, а пространственный ориентир как факт-интерпретация реализуется в пространстве ассоциативного фона события. Что касается концептуального пространства и пространства контактного фона события, то взгляд на употребление анализируемых структур в контекстном окружении не позволил нам провести такое же четкое разграничение. В современных газетах (только ли в современных?) ориентиры концептуального пространства, выполняя информационную функцию, могут быть отправной точкой для более яркого выражения авторской позиции, а ориентиры контактного фона реального события — совмещать эту функцию с функцией ориентиров ассоциативного фона, поскольку в качестве «мягкого факта» автор может выбрать реальный пространственный ориентир с сильной коннотативной составляющей (*Чернобыль*, «*Титаник*» и т. п.). Семантика пространственной ориентации, благодаря большому наглядно-образному потенциалу, позволяет стать основой широкого спектра оценочных характери-

стик. В этом случае мы можем говорить о номинациях пространственной ориентации как средствах интерпретации, через которые осуществляется реализация воздействующей функции газетных текстов.

Интерес в современной лингвистике к фигуре адресата, его готовности и способности воспринимать текст заставил нас посмотреть на предмет нашего исследования с этой точки зрения. Анализируя способы введения средств с пространственной семантикой в текст современных газет, мы обратили внимание на проблему его воспринимаемости и понятие «массовый читатель». Тён ван Дейк при исследовании этой проблемы оперирует термином «ситуационные модели текста», которые, в частности, характеризуются тем, что обеспечивают «фоновые знания для понимания дискурса... носитель языка, не обладающий моделью или обладающий чрезвычайно фрагментарной моделью, встречается со значительными трудностями при понимании дискурса» [Ван Дейк 2015: 100–101].

Журналисты, особенно пишущие для газет, должны учитывать изменившееся содержание понятия «массовый читатель», который обладает не только чрезвычайно фрагментарной моделью мира (если вообще ею обладает), но и массовым уже давно перестал быть, и понятие «массовый читатель» на наших глазах превращается в оксюморон. На наш взгляд, основной потребитель современных качественных газет — образованный, думающий адресат — способен и готов воспринимать информацию, если целеустановки автора и способы их воплощения в тексте удовлетворяют его коммуникативным, познавательным и эстетическим потребностям.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002.

Богуславская В. В. Современные СМИ: размышления о журналистском тексте // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. С. 45–51.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Ленанд, 2015.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки рус. культуры, 1998.

Гончарова Е. А. Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур // Stylistyka-XIV. 2005. С. 175–191.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки слав. культуры, 2005.

Какорина Е. В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки слав. культур, 2008. С. 495–547.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Лащук О. Р. Проявление авторской позиции в материалах информационных агентств // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 111–117.

Мякшева О. В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007.

Мякшева О. В. Пространственная семантика как способ манипулирования сознанием адресата в СМИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: матер. III конгресса РОПРЯЛ: в 2 т. Т. 1. СПб.: МИРС, 2012. С. 169–173.

Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопр. языкозн. 2015. № 4. С. 7–21.

Овчинникова И. Г., Ахутина Т. В., Кибрик А. А. и др. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015: [Рец.] // Вопр. языкозн. 2016. № 3. С. 131–140.

Осетрова Е. В. Недостоверная информация в СМИ: соотношение информационной нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2006. С. 432–441.

Попова Н. Б. Семантическое пространство поэтической метафоры: от параллелизма структур к итерации смыслов // Язык и действительность. М.: Ленанд, 2007. С. 393–399.

Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2005.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 2015.

Сиротинина О. Б. СМИ и картина мира: она реальна или подчиняется власти СМИ? // ФЛПА ЛОГОУ: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во Саратов ун-та, 2010. С. 272–281.

Стернин И. А. Современный публицистический дискурс и общественные факторы // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 134–145.

Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Истоки, 1999.

Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Либроком, 2014.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

REFERENCES

Alefirenko N. F. The poetic power of speech: synergetics of language, consciousness and culture [Пое'ticheskaya e'nergiya slova: sinergetika yazyka, soznaniya, kul'tury]. Moscow, 2002.

Boguslavskaya V. V. Modern mass media: some reflections on the subject of journalistic text [Sovremennye SMI: razmyshleniya o zhurnalistskom tekste] // Stereotypes and creativity in the text [Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste]. Is. 9. Perm', 2005. P. 45–51.

Gak V. G. Language transformation [Yazykovye preobrazovaniya]. Moscow, 1998.

Goncharova E. A. Linguistic and stylistic aspect of egocentric text structures' interpretation [Lingvostilisticheskij aspekt interpretacii e'gocentricheskix tekstovykh struktur] // Stylistics-XIV. 2005. P. 175–191.

Kakorina E. V. Active processes in the mass media language [Aktivnye processy v yazyke sredstv massovoj informacii] // Modern Russian language: active processes at the turn of XX–XXI centuries [Sovremennyy russkij yazyk: aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov]. Moscow, 2008. P. 495–547.

Kostomarov V. G. Operation of our language: essays on modern Russian stylistics [Nash yazyk v dejstvii: ocherki sovremennoj russkoj stilistiki]. Moscow, 2005.

Kubryakova E. S. In search of the essence of language: cognitive research [V poiskax sushhnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya]. Moscow, 2012.

Lashchuk O. R. Manifestation of the author's position in the news agencies' materials [Proyavlenie avtorskoj pozicii v materialax informacionnyx agentstv] // The world of Russian word [Mir russkogo slova]. 2002. No. 5. P. 111–117.

Myaksheva O. V. Spatial semantics: language resources and their functional capacity [Prostranstvennaya semantika: resursy yazyka i ix funkcional'nyj potencial]. Saratov, 2007.

Myaksheva O. V. Spatial semantics as a way to manipulate the consciousness of the media audience [Prostranstvennaya semantika kak sposob manipulirovaniya soznaniem adresata v SMI] // Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia [Dinamika yazykovyx i kul'turnyx processov v sovremennoj Rossii: mater. III Kongressa ROPRYaL]: in 2 vols. Vol. 1. St Petersburg, 2012. P. 169–173.

Nikolaeva T. M. On the “linguistics of speech” (on the interjections, in particular) [O «lingvistike rechi» (v chastnosti, o mezhdometii)] // The issues of linguistic [Vopr. yazykozn.]. 2015. No. 4. P. 7–21.

Ovchinnikova I. G., Axutina T. V., Kibrik A. A. et al. Language and thought: modern cognitive linguistics. M.: Slavic Culture Languages, 2015: rev. [Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika. M.: Yazyki slav. kul'tury, 2015: rets.] // The issues of linguistics [Vopr. yazykozn.]. 2016. No. 3. P. 131–140.

Osetrova E. V. Misleading information in the media: the ratio of information norm and journalistic usage [Nedostovernaya informaciya v SMI: sootnoshenie informacionnoj normy i zhurnalistskogo uzusa] // — The Russian language today. Is. 4. The issues of language norm [Russkij yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoj normy]. Moscow, 2006. P. 432–441.

Popova N. B. The semantic space of poetic metaphors: from overlapping structures to meanings iteration [Semanticheskoe prostranstvo poeticheskoy metafory: ot parallelizma struktur k iteracii smyslov] // Language and reality [Yazyk i dejstvitel'nost']. Moscow, 2007. P. 393–399.

Prozorov V. V. The power and freedom of journalism [Vlast' i svoboda zhurnalistiki]. Moscow, 2005.

Risks of contemporary communication and the role of communicative competence in overcoming them [Riskogenost' sovremennoj kommunikacii i rol' kommunikativnoj kompetentnosti v ee preodolenii]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2015.

Sirotnina O. B. The media and the world image: is it real or is subject to the power of media? [SMI i kartina mira: ona real'na ili podchinyaetsya vlasti SMI?] // FILIA LOGOY. Saratov, 2010. P. 272–281.

Sternin I. A. Modern journalistic discourse and societal factors [Sovremennyj publicisticheskij diskurs i obshhestvennye faktory] // Man taking part in communication: concept, genre, discourse [Chelovek v kommunikacii: koncept, zhanr, diskurs]. Volgograd, 2006. P. 134–145.

Toporova V. M. The concept of “form” in the semantic space of language [Koncept «forma» v semanticheskom prostranstve yazyka]. Voronezh, 1999.

Chernyshova T. V. Mass media texts in mental-linguistic space of modern Russia [Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoj Rossii]. Moscow, 2014.

Chudinov A. P. Russia in a mirror of metaphor: cognitive study of political metaphors (1991–2000) [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001.

Van Dejk T. A. Language. Cognition. Communication [Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya]. Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Key ideas of Russian linguistic world-image [Klyucheveye idei russkoj yazykovoj kartiny mira]. Moscow, 2005.

УДК 81.33
ББК 81.1
ГРНТИ 16.31.51
КОД ВАК 10.02.19

К. В. Прохорова
Санкт-Петербург, Россия

МЕДИАМАРКЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА

Кира Викторовна Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

© Прохорова К. В., 2017

Постановка проблемы. Конфликтность как вектор существования современного общества обусловлена различными социально-политическими предпосылками. Нестабильность политических систем, экономические проблемы, терроризм, межнациональные сложности — эти и многие другие обстоятельства обуславливают шаткость и нестабильность действительности во многих странах, в Российской Федерации в том числе. Отдельные высказывания политических деятелей актуализируют ситуацию, близкую к военной действительности: «Сегодня 22 июня 1941 года, только война не с фашизмом, а с терроризмом. Нужно принимать серьезные меры, разговаривать с силовыми структурами и ведомствами» [Лебедев 2015: 9]. В любом случае современные медиа отражают картину миру в ее полноте, тщательно усиливая звучание напряженных нот. Как отмечает исследователь В. И. Ивченков, «современные СМИ представляют собой стратифицированное явление и доминируют на всех уровнях структуры социума, формируя таким образом медиадискурс, в котором представлена картина мира — специфический способ восприятия, интерпретации событий и явлений; фундамент, опираясь на который, человек действует в мире» [Ивченков 2012: 248]. Человек существует в конфликтном мире, он вынужден действовать с учетом данного положения — об этом постоянно напоминают современные медиа.

Маркеры конфликта — это текстовые формы вербализации и акцентуации конфликтного дискурса. Основными маркерами конфликта в современных медиатекстах являются заголовки, что обусловлено специфическим положением и функциональным значением данного текстового компонента. Перспективность и востребованность изучения медиамаркеров конфликта обусловлена необходимостью четкого понимания механизмов действия

данных единиц, поскольку они активно формируют гражданскую позицию членов общества. Эта проблема появилась не вчера. Так, в своей статье 1975 г. «Лингвистика и поэтика» Р. О. Якобсон отмечал: «...Вопрос о связях между словом и миром касается не только словесного искусства, но и вообще всех видов речевой деятельности. Ведению лингвистики подлежат все возможные проблемы отношения между речью и „универсумом (миром) речи“; лингвистика должна отвечать на вопрос, какие элементы этого универсума словесно оформляются в данном речевом акте и как именно это оформление происходит» (курсив наш. — К. П.) [Якобсон 1975: 194]. Цели статьи — изучения особенностей функционирования медиамаркеров конфликта — предполагается достичь: 1) определением экстралингвистических предпосылок появления маркеров конфликта, 2) выяснением особенностей драматургии конфликта, 3) анализом типологии медиамаркеров конфликта с учетом их коммуникативных характеристик.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили труды ученых в области функциональной стилистики (М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова и др.), в сфере изучения газетного заголовка (Э. А. Лазарева, И. И. Храпченко, Д. Г. Завгороднов, К. В. Прохорова и др.), а также работы, посвященные исследованию конфликтного дискурса (Н. И. Клушина, Т. В. Чернышова, Н. А. Белоус, Н. Н. Кошкарова и др.).

Опираясь на методологию функциональной стилистики, современная медиалингвистика акцентирует интенциональные качества медиаречи, изучает речь в единстве с сущностными свойствами человека — его деятельностью и сознанием (Л. Р. Дускаева, Н. И. Клушина, Н. С. Цветова). Интенция в медийной сфере рассматривается как системный феномен, это иерархически устроенная система, включающая в себя элементы разного порядка. Наиболее общее понимание интенции как «своеобразного сплава потребности, мотива и цели» [Колшанский 1979: 53], положенное в основу интенциональной стилистики, позволяет выявить новые стилистические закономерности современного медиатекста. Как отмечает исследователь Л. Р. Дускаева, «интенциональный подход дает возможность увидеть не только общие речевые свойства медиатекста как текстотипа определенной сферы общения, но и свойства, обусловленные разнообразием коммуникативных ситуаций, рождаемых в медийной среде» [Дускаева, Цветова 2012: 31]. Данное положение представляется принципиально значимым для нашей работы, поскольку одной из коммуникативных ситуаций, представленных в современном медиатексте, является ситуация конфликта. В этом случае появление медиамаркеров конфликта оказывается логически закономерным, а их типология, сформированная на основе интенционального подхода, — естественной в рамках современной медиалингвистики.

Основными маркерами конфликта в современных медиатекстах являются заголовки, что обусловлено специфическим положением и функциональным значением данного текстового компонента. Заголовок является первым элементом коммуникации в рамках медиатекста. Интерес научного мира к феномену заголовка стабилен на протяжении многих десятилетий. Одним из первых исследователей данного феномена был С. Д. Кржижановский. В книге «Поэтика заглавий», выпущенной еще в 1931 г., автор одним из первых отметил свойство письменной фиксированности заголовка и его способность представлять содержание произведения: «Заглавие — ведущее книгу словосочетание, выдаваемое автором за главное книги. Заглавием книга... представлена и показана читателю в мале» [Кржижановский 1931: 8]. Серьезный вклад в исследование газетного заголовка внесла Э. А. Лазарева, рассмотревшая данную категорию с разных сторон: с точки зрения сущностных признаков, функциональных возможностей, типо-

логических характеристик, стилистических эффектов в системе «заголовок — текст» [Лазарева 1989; 1993; 2006]. Занимая формально дотекстовую (надтекстовую) позицию, заголовок является полноправным компонентом текста, участвуя в его объемно-прагматическом членении и формируя целостность восприятия произведения. Об этом упоминали многие исследователи, в частности И. Р. Гальперин, Э. А. Лазарева, И. И. Храпченко [Храпченко 2010]. Так, Э. А. Лазарева отмечает: «Это [элементы заголовочного комплекса] так называемые выдвинутые элементы, они объединены тем, что, будучи тесно связанными с основным текстом по содержанию, в структурно-речевом плане сохраняют некую самостоятельность, отдельность от текста» [Лазарева 2006: 158]. В настоящее время категория заголовка рассматривается в разных аспектах. Целевые установки исследований последних лет условно можно разделить на группы: синтаксическая, функциональная, лингвосоциокультурная и смысловая [Завгороднов 2009]. В рамках современного подхода к медиатексту актуализируются коммуникативные качества заголовка и проблема функциональной многозначности данной категории приобретает особое значение.

Многофункциональность медиазаголовка связана с тем, что помимо основных своих функций: номинативной, информативной, оценочно-экспрессивной, рекламной, графически выделительной, композиционной и др. — он постоянно расширяет ассортимент своих функциональных возможностей. Так, были выделены также функции текстозамещения и тествообразования [Прохорова 2007]. Современная действительность актуализировала маркирующие функции заголовка. Действительно, обратившись, например, к первой странице издания, мы можем отчетливо понять, каковы «болевые точки» сегодняшнего дня с позиции авторского коллектива. Например: *Виллаш-Боаш возвращает питерцев от футбола; Лекарства под санкциями / каждый третий больной почувствует на себе импортозамещение; Уходили добровольцы на сирийскую войну / Питерские «ополченцы», наваевавшись в Донбассе, едут умирать за Дамаск; Заставили забыть русский язык / Как живет российский мальчик, 6 лет назад похищенный финским дипломатом; Бунт восточных красавиц / В Петербурге азиатки устроили свой конкурс красоты* (МК в Питере. 2015. № 50). Помещенные на первой странице издания, заголовки подчеркивают конфликтность существования современного общества, в котором серьезные разногласия связаны не только с социально-политической жизнью (военные действия, проблемы с лекарствами), но также и с досуговыми по своей сути явлениями (футбольная жизнь).

Большой толковый словарь русского языка так формулирует значение слова конфликт: «Конфликт — столкновение противоположных сторон, мнений, сил, серьезное разногласие острый спор; осложнение в международных отношениях» [Большой толковый словарь... 1998: 453]. Рассматривая маркирующую функцию заголовка, мы отмечаем в первую очередь его способность акцентировать различные стороны современной действительности, отраженные в медиатексте. В этом смысле можно провести терминологическую параллель с понятием «акцентуатор», термином, введенным в лингвистику И. И. Суцциным. Стилистический энциклопедический словарь дает следующее определение: «Акцентуаторы — разноуровневые языковые, собственно текстовые, а также графически оформленные средства смыслового выделения важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним читательского внимания» [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 15].

Применительно к медиазаголовкам нам представляется логичнее использовать понятие «маркер», что обусловлено сложностью структуры современного заголовка и на-

личием разных элементов заголовочного комплекса, спецификой графического оформления заголовка и его расположения в медиатекстовом пространстве. Значимой в этом плане является компрессирующая функция заголовка. Компрессирующая передача содержания текста в заголовке способствует активизации его коммуникативной роли в ситуации общения с читателем, получателем информации. Исследователь Л. И. Мурзин, исследующий компрессионные возможности заголовка, отмечал, что заголовок может рассматриваться как «метапроизведение» [Мурзин 1982]. Будучи маркером конфликта, заголовок, соответственно, выступает как «метаголос» медиатекстов, имеющих конфликтное наполнение, связанных с основными проблемными ситуациями действительности. Понятие «медиамаркер» различает также, на наш взгляд, разные функции заголовка — воздействующую и маркирующую.

Любой заголовок по своей сути должен привлекать внимание к тексту, активизировать коммуникативные запросы читателя. В современном медиатексте сложилась устойчивая тенденция использовать не одиночный заголовок, а заголовочный комплекс. Под заголовочным комплексом (ЗК) мы понимаем структурно-семантическое объединение элементов текста, не только предваряющих его, но и органически связанных, содержательно и концептуально, с основным массивом конкретного текста. Элементами ЗК традиционно считаются: заголовок, надзаголовок, тематическое название полосы, рубрика, подзаголовок, внутренние заголовки. Каждое издание имеет свою собственную «заголовочную политику», в рамках которой отдает предпочтение, в частности, использованию ЗК большего или меньшего объема. Однако в любом случае коммуникативная роль ЗК сохраняет свое важное значение.

Современная лингвистика рассматривает конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве как сложное целое, состоящее из взаимосвязанных частей и элементов [Белоус 2007; Клушина 2010, Чернышова 2014 и др.]. Конфликтный дискурс всегда связан с коммуникативным конфликтом, поэтому заголовок как медиамаркеры конфликта формируют особую ситуацию общения. Участниками коммуникативной ситуации традиционно являются автор и адресат. Медиатекст часто представляет собой варианты коллективного авторства, и особенно это положение затрагивает ЗК, поскольку авторство заголовка и других составляющих ЗК может быть связано с коллегиальным решением. В качестве автора — участника коммуникативного конфликта уместно в этом случае рассматривать издание в целом. Адресат же — получатель информации, участвующий в конфликтном дискурсе, может быть представлен как массовым читателем, так и социальными институтами, представляющими государство. При рассмотрении коммуникативного конфликта, порождаемого ЗК, можно сказать, что адресат приобретает массовый характер, так как известно, что 80% читателей изучает газетные материалы по заголовкам. В этом случае коммуникативный конфликт получает новый масштаб и требует тщательного осмысления (изучения).

Анализ материала. Если мы рассматриваем коммуникативные свойства заголовка как медиамаркера конфликта, то, несомненно, речь должна идти (и идет) не только о заголовке, но и непосредственно о ЗК. Поскольку ЗК — это многоэлементная единица, то особый интерес приобретает вопрос о драматургии конфликта, о вариантах его отражения в рамках разных единиц ЗК. Центральное звено в этой многоступенчатой системе — это собственно заголовок. Он же выступает обычно в роли центра кульминации коммуникативного конфликта, представляя речевое высказывание, имеющее максимальную напряженность:

Новые лица / Бедуинская банда вышла на мировую арену / Что известно о человеке, взявшем на себя ответственность за уничтожение российского лайнера (Новая газета. 2015. № 83); *Главное в городе / «Собирайте вещи и проваливайтесь!» / Живущие в Турции петербуржцы боятся, что будут отрезаны от родины* (МК в Питере. 2015. № 49).

Подзаголовок чаще всего выполняет роль развязки конфликта, представляя пояснение ситуации, представленной в заголовке. Соответственно конфликт либо приобретает дальнейшее расширение, либо снимается, в случае если подзаголовок нейтрализует коммуникативную напряженность заголовка: *Принесла нелегкая / IAAF спасает свою репутацию за счет российских спортсменов* (С.-Петербург. ведом. 2015. 16 ноября).

Рубрики и анонсы могут быть завязкой коммуникативного конфликта, который далее эксплицируется в заголовке: *Скандал / Школьников в Польше учат топить сирийских беженцев* (Метро. 2015. № 221). Тематическое название полосы с точки зрения драматургии конфликта функционально приближено к рубрике, тем более в случае ее отсутствия: *Война в Сирии / Ракеты «воздух — нефть» / Французская авиация уничтожает бизнес боевиков* (Новая газета. 2015. № 84).

Следует отметить, что в развитии конфликтного дискурса в ЗК редко участвуют такие единицы, как внутренние заголовки и лиды. При этом кульминационным ядром коммуникативного конфликта в ЗК традиционно является собственно заголовок.

Редкий случай акцентуации конфликта в ЗК может быть представлен вставочной конструкцией (вставкой) — текстом, вынесенным за пределы основного произведения и имеющим графические средства выделения. Так, материал в газете «МК в Питере» (2015. № 50) посвящен новой тенденции среди жителей Санкт-Петербурга и озаглавлен следующим образом: *Шило на мыло / Жители Петербурга готовы менять личные вещи на еду и туалетную бумагу / Английский язык за русскую гречу*. Социальная конфликтность ситуации обозначена и собственно в заголовке, и в подзаголовках. Однако вставка воздействует сильнее, поскольку проводит параллель между сегодняшней, мирной, жизнью и жизнью в блокадном Ленинграде: *МК-факт / Обмен вещей на продовольственные товары был распространен в годы блокады Ленинграда. Такие сделки чаще всего совершались на Сенном и Сытном рынках. Сюда люди приносили фотоаппараты, посуду, обувь, одежду, золотые украшения... Для всех живущих в Санкт-Петербурге упоминание о блокаде, и особенно в контексте ситуации сегодняшнего дня, имеет принципиальное значение, поэтому эффект подобного усиления конфликтности может иметь шоковый характер*.

Схематически возможные варианты развития конфликта в ЗК можно изобразить следующим образом:

Анонс → заголовок → подзаголовок
Рубрика → заголовок → подзаголовок
Заголовок → подзаголовок
Заголовок ← подзаголовок

В целом драматургическое развитие конфликта в ЗК неоднородно и зависит в первую очередь от социально-стилевой направленности изданий и речевых предпочтений его авторов.

Когнитивный аспект рассмотрения темы предполагает выделение различных тематических сфер конфликта, который отражает медиазаголовок. В этом смысле необходимо отметить их многообразие, как многообразен собственно конфликтный дискурс,

связанный с проблемами современной действительности. Прежде всего это сфера общественно-политической жизни, основными «болевыми точками» которой являются на настоящий момент проблемы терроризма, военных действий, межнациональные отношения вообще и ситуация с беженцами в частности. Экономическая конфликтность современной РФ обусловлена падением цен на нефть, повышением валютного курса, актуальностью вопросов импортозамещения. Наконец, социальная сфера конфликтности проявляет себя в рамках жизни и деятельности отдельных социальных групп (например, дальнбойщики или спортсмены) или индивидуальностей. Таким образом, мы выделяем три основные конфликтные сферы, которые находят свое отражение и в медиатекстах:

- 1) общественно-политическая;
- 2) экономическая;
- 3) социальная.

Заголовки как медиамаркеры конфликта отражают все указанные сферы.

Общественно-политический конфликт: *География террора / Не те и не там / Страшные итоги прошедшей недели: масштабные теракты сразу в нескольких странах, противостоящих ИГИЛ* (Новая газета. 2015. № 84); *Истребить терроризм под корень* (С.-Петербург. ведом. 2015. 23 ноября); *Уходили добровольцы на сирийскую войну / Питерские «ополченцы», навоевавшись в Донбассе, едут умирать за Дамаск* (МК в Питере. 2015. № 50).

Экономический конфликт: *Игры патриотов / Темпы роста дня падения / Почему не получается импортозамещение* (МК в Питере. 2015. № 48); *Личный счет / Инфляция «сожрет» оставшиеся накопления граждан / Куда вложит остаток сбережений?* (МК в Питере. 2015. № 49); *Триллионы на выход / Бюджет в 2016 году может потерять около 20% доходов* (Рос. газета. 2016. 27 янв.).

Социальный конфликт: *Пробы ставить некуда / Кто приказал уничтожить 1417 допинг-проб российских атлетов? Под подозрение попали ФСБ и спортивные чиновники, вплоть до министра* (Новая газета. 2015. № 83); *Восстание машин / Почему налог в 1,53 рубля смертелен для дальнбойщиков* (МК в Питере. 2015. № 49); *Отцы и дети / Разменный сын / Антон Салонен вырос и сможет сам решить, с кем ему жить* (МК в Питере. 2015. № 50).

Преобладающими тематическими блоками конфликтного дискурса в медиaproстранстве являются общественно-политический и социальный. В зависимости от ситуации реальной жизни первенство смещается от одной сферы к другой. Так, в ситуации сложной общественно-политической жизни зимы 2015 г. — развитие боевых действий в Сирии, активизация деятельности ИГИЛ, террористические акты во Франции, политический конфликт России и Турции — на первое место вышли медиамаркеры конфликта общественно-политического. Относительная стабилизация ситуации в январе 2016 г. обусловила паритетное равенство маркеров общественно-политического и социального конфликта. Экономическая сфера конфликта более активно проявляет себя в специализированных изданиях и выходит на первое место в массовых медиаизданиях в случае явного обострения экономических проблем общества.

Показательно, что подобное тематическое разделение конфликтных сфер отражено и в медиамаркерах такого специфического сегмента медиа, как сеть Интернет. Новостные заголовки основных компьютерных сайтов (Яндекс, Mail.ru, Россия.ру) также традиционно ориентированы на сферы общественно-политическую, экономическую и социальную:

Украина намерена отправить войска в Сирию для борьбы с ИГ.

Касьянов расценил пост Кадырова как подстрекательство к убийству / Лидер ПАР-НАСа Михаил Касьянов и зампред партии, координатор «Открытой России» Владимир Кара-Мурза-младший выступили с заявлением о посте Рамзана Кадырова в его блоге в Instagram. В нем глава Чечни разместил видео с оппозиционерами, которых словно изучают в прицел снайперской винтовки.

Турция отказалась пускать на свою территорию российские фуры (новостные заголовки Яндексa от 1 февраля 2016 г.).

В этом смысле можно отметить, что медиамаркеры конфликта социального плана в сети Интернет зачастую актуализируют личностные конфликты массово известных персон, что не всегда воспринимается как конфликтность, а чаще — просто как новый факт из жизни: *Грановская признала, что не планировала беременность* (новости Mail.ru от 3 февраля 2016 г.); *37-летняя Амаль Клуни поразила Сеть мини-платьем* (новости Mail.ru от 2 февраля 2016 г.).

Типологически ЗК как медиамаркеры конфликта можно разделить на две основные группы: 1) нейтральные медиамаркеры; 2) акцентные медиамаркеры.

В основе выделения групп — базовые интенциональные характеристики. Современная медиалингвистика актуализирует интенциональный подход изучения медиатекстов. Как отмечала исследователь Л. Р. Дускаева, «в интенции усматривается не только вектор прогнозируемого воздействия, но и уточняется содержание и смысл» [Дускаева 2012: 13]. Смысловая структура высказывания предполагает авторский отбор способов, приемов и средств выражения. В этом плане интенциональные установок заголовка как сильной позиции текста коммуникативно значимы и обуславливают вектор осмысления произведения в целом. Рассматривая в этом аспекте медиамаркеры конфликта и их разновидности, необходимо отметить следующее.

Нейтральные медиамаркеры конфликта в качестве ведущей интенции имеют интенцию информирования — когнитивное воздействие (сформулировать проблему, обозначить конфликт) становится основным. Не случайно подобные маркеры мы можем встретить практически в любом издании: *Пособники терроризма нанесли удар в спину* (Метро. 2015. № 221); *Военные на улицах Брюсселя* (С.-Петербург. введом. 2015. 23 ноября); *Неизвестный снайпер охотится на главарей ИГИЛ в Ливии* (Новостная лента Mail.ru, 1 февраля 2016 г.). Нейтральные медиамаркеры конфликта имеют задачу показать основные проблемы действительности, затронутые в медиатексте, социально сориентировать читателя. Конфликтность в этом случае не нуждается в дополнительном усилении с помощью языковых и других средств. Синтаксическое устройство заголовка традиционно (предикативная конструкция), лексические элементы в большинстве своем не имеют стилевой окраски, хотя и могут быть отнесены к определенной лексико-семантической группе, функционирующей в смысловом пространстве «военные действия» (*военные, снайпер, пособники терроризма*). Показательно и то, что нейтральные заголовочные медиамаркеры конфликта традиционно включают в себя один элемент — собственно заголовок.

Акцентные медиамаркеры в качестве ведущей интенции имеют интенцию оценки. Оценить конфликтную ситуацию, прогнозировать ее дальнейшее развитие, вызвать определенные эмоции — такова задача медиамаркеров конфликта данной группы. Воздействующий потенциал подобных медиамаркеров-заголовков усиливается: *Терроризм / Гид по Халифату / Зачем «Иламскому государству» золотые монеты и средневековые казни?* (МК в Питере. 2015. № 50); *Новые лица / Бедуинская банда вышла на мировую арену*

/ *Что известно о человеке, взявшем на себя ответственность за уничтожение российского лайнера* (Новая газета. 2015. № 83); *Своими глазами / Есть ли жизнь без электричества? Жителям Крыма еще повезло. В некоторых странах ситуация с энергоснабжением намного хуже* (МК в Питере. 2015. № 50). Конфликт приобретает ярко выраженные черты и требует осмысления, оценивания. В большинстве случаев оценка изначально заложена в заголовке и задача читателя — понять ее, принять, а реже — оспорить.

В акцентных медиамаркерах осложняется структура — они в большинстве своем представлены уже не отдельным заголовком, а развернутым ЗК, в котором взаимодействие элементов усиливает воздействующий потенциал. Осложнение структуры приводит к изменению синтаксического статуса медиамаркера. Мы встречаем в составе ЗК не только предикативные конструкции с использованием в ряде случаев и полипредикативных единиц, но и номинативные единицы. Лексически активнее включаются словоформы, обладающие стилевой и эмоционально-экспрессивной окраской (*бедуинская банда, повезло, «исламское государство»*). Морфологические формы превосходной степени наречий и прилагательных подчеркивают эксплицитную оценочность ситуации (*намного хуже*). Так языковой арсенал средств формирует акцентные медиамаркеры конфликта.

В ряде случаев акцентные медиамаркеры конфликта используют в своем составе окказиональные образования, что подчеркивает их оценочную и воздействующую роль: *Христарадники / как устроен бизнес «нищих»: мошенники и рабы, откаты и сборы* (Новая газета. 2015. № 83).

Осложненность структуры акцентных медиамаркеров позволяет добиваться особых эффектов благодаря сопоставлению или противопоставлению модальных характеристик разных элементов. Так, противопоставление значений элементов ЗК может усиливаться, например, путем использования элементов языковой игры, когда первичное при прочтении заголовка значение переводится в иную смысловую плоскость при обращении к подзаголовку и моделированию конкретной ситуации действительности: *Шарм / Специальный репортаж нашего корреспондента из аэропорта и с пляжей Шарм-эль-Шейха* (Новая газета. 2015. № 83).

В других случаях элементы ЗК актуализируют конфликтность ситуации с помощью разных модальных оттенков значения. Так, например, собственно заголовок, имеющий отчетливо ироническое звучание, сменяется подзаголовком, представляющим конфликтную ситуацию четко и конкретно: *Из Сирии с любовью / Северная столица — транзитная точка на пути мигрантов* (МК в Питере. 2015. № 48).

Подобное построение медиамаркеров конфликта в ряде случаев не может считаться этически корректным, поскольку игровые вариации речи в ситуации освещения трагических конфликтов современности не являются уместными.

Значимым, на наш взгляд, является и место расположения акцентных медиамаркеров конфликта. Первая страница печатного медиаиздания усиливает маркирующую роль акцентного заголовка, подчеркивая первостепенную значимость того или иного общественно-политического или социального конфликта: *Пособники терроризма нанесли удар в спину* (Метро. 2015. № 221); *Уходили добровольцы на сирийскую войну / Питерские «ополченцы», напавшие в Донбассе, едут умирать за Дамаск; Лекарства под санкциями / Каждый третий больной почувствует на себе импортозамещение* (МК в Питере. 2015. № 50).

В случае обострения внешне- или внутривнутриполитической ситуации в мире или в отдельном регионе медиамаркеры конфликта традиционно занимают первостепен-

ное место на плоскости медиаиздания. Так, в ситуации террористического акта во Франции (ноябрь 2015 г.) заголовки материалов, посвященных этому событию, располагались на первой странице во всех изданиях. При этом показательно, что активизировать значимость конфликтного противостояния способны различные тактики использования разных структурных элементов медиамаркеров конфликта. Например, в «Новой газете» (2015. № 84) вынесенный вперед заголовок-анонс постоянно повторяется и получает свое «расширение» в составе заголовочных комплексов, расположенных на следующих (не первой) страницах: 1-я страница — *Париж. 13 ноября*; последующие страницы — *Париж. 13 ноября / «Отказ от свободы — победа террора»*; *Париж. 13 ноября / На защиту республики*; *Париж. 13 ноября / «Наземная операция началась» / Но не в Сирии, а в Париже*; *Париж. 13 ноября / География террора / Не те и не там / Страшные итоги прошедшей недели: масштабные теракты сразу в нескольких странах, противостоящих ИГИЛ*. Таким образом тактика повтора одного из элементов медиамаркера конфликта иллюстрирует принципиальную значимость конфликтной ситуации.

Количественные показатели использования медиамаркеров конфликта зависят от нескольких факторов. Прежде всего, они связаны с параметрами напряженности внешней действительности. В случае обострения каких-либо конфликтных ситуаций в мире (террористические акты, начало боевых действий, экономический дефолт и др.) медиамаркеры конфликта разных типов используются активно и повсеместно в медиатекстах. Это то, что можно обозначить как объективный количественный показатель. Существует, однако, и возможность выделения субъективного параметра — он связан с индивидуальными предпочтениями изданий, обусловленными характером их речевого облика. Так, отдельные печатные издания, рассчитанные на массового читателя и его предпочтения (какими их моделируют члены редакторского коллектива), используют медиамаркеры конфликта как постоянное средство воздействия на реципиента. Например, в № 50 (9–16 декабря) газеты «МК в Питере» 80% заголовков можно отнести к медиамаркерам конфликта, причем не менее активно, чем общественно-политический конфликт, представлен и конфликт социальный: *Реагент национальной опасности / Подготовлен законопроект о запрете использования антигололедных препаратов вне автомобильных дорог*; *Зверская тьма / Как «питерские львята» переживают крымский блэкаут*; *Скандинавы охотятся на русских детей*; *Бунт восточных красавиц / В Петербурге прошел конкурс красоты для азиатских девушек*; *Заставили забыть русский язык / Как живет российский мальчик, 6 лет назад похищенный финским дипломатом*. Отметим, что в представленных примерах конфликтность лексически подчеркивается в первом же элементе ЗК (*опасность, зверская тьма, бунт, заставили забыть*), при том что последующие элементы могут ее снимать. Подобное нагнетание драматических моментов может вызвать обратный эффект отторжения, привести к коммуникативному конфликту с аудиторией. Субъективный показатель количественного увеличения медиамаркеров общественного конфликта можно осмыслить как элемент агрессивной стратегии, которая рассматривается как актуальный феномен современных медиа [Климов 2004; Якимова 2011].

Выводы. Таким образом, конфликтность существования современного общества находит свое отражение в медиатекстах. Медиамаркерами общественного конфликта являются заголовки (заголовочные комплексы), которые в компрессированном виде представляют содержание текста. Маркирующая функция заголовка связана с акцентным выделением содержательно и эмоционально значимых компонентов медиатекста.

Медиамаркеры конфликта представляют все основные конфликтные стороны: общественно-политическую, экономическую и социальную. В зависимости от основных интенциональных характеристик можно выделить медиамаркеры конфликта нейтральные и акцентные. Количественные показатели использования медиамаркеров конфликта могут быть обусловлены как объективными, так и субъективными причинами. Субъективные показатели в ряде случаев свидетельствуют об усилении агрессивной стратегии современных медиа.

Заголовок как медиамаркер конфликта можно рассматривать как актуальную тенденцию настоящего времени. Как образно отметила исследователь Н. И. Клушина, «массово-коммуникативный дискурс — это зеркало эпохи, его породившей» [Клушина 2010: 25]. Закономерно, что эпоха конфликтов порождает и необходимость существования медиамаркеров конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

Белоус Н. А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. М.: Ин-т языкозн. РАН, Ульян. гос. ун-т, 2007.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. Интенциональная стилистика: объект, предмет и базовые понятия // Жизнь и словами присягаючи...: матер. междунар. науч. конф. 23 февр. 2012 г. Минск, 2012. С. 188–198.

Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 10–16.

Загороднов Д. Г. Современное состояние изучения феномена заголовка медийного текста // Вестн. Челябин. ун-та. 2009. № 7 (188). С. 56–60.

Ивченко В. И. Медиадискурс современности: новые ценностные ориентиры и картина мира // Журналистика-2012: стан, праблемы і перспектывы: матэр. 14-й Міжнар. навук.-практ. канф., 6–7 сн. 2012 г., Мінск / рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.). Вып. 14. Мінск: Белар. дзярж. ун-т, 2012. С. 247–251.

Климов В. М. Средства массовой информации как инструмент агрессии культуры // Социальная агрессивность. Третьи Кузбасские философские чтения: матер. междунар. конф.: в 2 ч. Ч. II. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2004. С. 20–23.

Клушина Н. И. Интенциональный подход в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242>.

Клушина Н. И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 25–29.

Колианский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопр. языкозн. 1979. № 6. С. 51–62.

Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931.

Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 158–166.

Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993.

Лебедев И. «Сегодня 22 июня 1941 года» // МК в Питере. 2015. № 48. С. 9.

Мурзин Л. М. О деривационных аспектах текстообразования // Теоретические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982.

Прохорова К. В. Совокупный заголовочный текст // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 179–202.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2006.

Храпченко И. И. Реализация стратегий заголовков публицистических статей // Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации. Псков: Псков. гос. пед. ун-т, 2010.

Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Либроком, 2014.

Якимова Н. С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2011. № 1 (45). С. 184–188.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

REFERENCES

Belous N. A. Structural and semantic aspects of a conflict discourse in communicative space [Strukturno-semanticheckie aspekti konfliktnogo diskursa v kommunikativnom prostranstve]. Moscow, 2007.

Big explanatory dictionary of Russian [Bolshoj tolkovij slovar russkogo jazika] / ed. S. A. Kuznetsov. St Petersburg, 1998.

Chernyshova T. V. Texts of mass media in mental and language space of modern Russia [Texti smi v mentalno-yazikovom prostranstve sovremennoj Rossii]. Moscow: Librok, 2014.

Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. Intentional stylistics: object, subject and basic terms [Intencional'naja stilistika: objekt, predmet i bazovye ponjatija] // Swearing with life and word: mater. of International sci. conf. 23th February 2012 [Zhyzn'ju i slovami prysjagajuchi...: mater. mezhdunar. nauch. konf. 23 fevr. 2012 g.] Minsk, P. 188–198.

Duskaeva L. R. Intentionality of the media speech: ontology and structure [Intenzionalnost mediarechi ontologia i struktura] // Media tekst as poli intentsional sistem [Mediatext kak poliintentsional'naja sistema]. St Petersburg, 2012. P. 10–16.

Galperin I. R. Text as an object of linguistic research [Tekst kak objekt lingvisticheckogo issledovaniya]. Moscow, 1981.

Hrapchenko I. I. Realization of the strategy in the titles of a journalistic articles [Realizacija strategij zagolovkov publicisticeskih statej] // Problems of cognitive linguistics and cross-cultural communication [Problemy kognitivnoj lingvistiki i mezhkulturnoj kommunikacii]. Pskov, 2010.

Ivchenkov V. I. Media discourse of the present: new valuable reference points and picture of the world [Mediadiskurs sovremennosti: novje zennostne orientiri i kartina mira] // Zhurnalistyka-2012: formation, problems i perspectives: materials of 14th scientific conference. Minsk / ed. S. V. Dubov. Vol. 14. Minsk: BDU, 2012. P. 247–251.

Jakobson R. O. Linguistics and poetics [Linguistika i poetika] // Structuralism: „pro” and „contra”. Moscow, 1975.

Klimov V. M. Mass media as instrument of aggression of culture [Sredstva massovoj informazii kak instrument agressii kulturi] // Social aggression. Third Kuzbass philosophical readings: materials of the International conference: in 2 vols. Vol. 2. Kemerovo, 2004. P. 20–23.

Klushina N. I. Intentional approach in a modern linguistic paradigm [Intenzionalny podchod v sovremennoj lingvisticeskoj paradigme] // Mediaskop. 2012. No. 4.

Klushina N. I. Modern media discourse and its communicative and stylistic features [Sovremenni mediadiskurs i ego kommunikativno-stilisticeskie ossobennosti] // World of the Russian word [Mir russkogo sloba]. 2010. No. 2. P. 25–29.

Kolshansky G. V. Problems of communicative linguistics [Problemi kommunikativnoj lingvistiki] // Questions of linguistics [Vopr. jazykozna.]. 1979. No. 6. P. 51–62.

Krzhizhanovskij S. D. Poetics of titles [Poetica zaglavij]. Moscow, 1931.

Lazareva E. A. A title complex of the text — means of the organization and optimization of perception [Zagolovochi kompleksa teksta — sredstvo organizacii i optimizacii vosprijatija] / News Ural State Univ. 2006. No. 40. P. 158–166.

Lazareva E. A. Title in the newspaper [Zagolovok v gazete]. Sverdlovsk, 1989.

Lazareva E. A. System and stylistic characteristics of the newspaper [Systemno-stilisticheskie charakteristiki gazety]. Yekaterinburg, 1993.

Lebedev I. "Today on June 22, 1941" [«Segodna 22 ijuna 1941 goda»] //MK in St Petersburg. 2015. No. 48. P. 9.

Murzin L. M. About derivational aspects of a text formation [O derivacionnyh prozessah tekstoobrazovanija] // Theoretical aspects of a derivation. Perm, 1982.

Prokhorova K. V. The cumulative title text [Sovokupni zagolovochni text] // Russian speech in mass media: stylistic aspect [Russkaja rech v sredstvah massoboj informatsii]. St Petersburg, 2007. P. 179–202.

The stylistic encyclopedic dictionary of Russian [Stilisticheskij enziklopedicheskij slovar russkogo jazika] / ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2006.

Yakimova N. S. Verbal aggression as actual phenomenon of modern society [Verbalnaja agressia kak aktualni fenomen sovremennogo obchestva] // Messenger Kemerovo State Univ. 2011. No. 1 (45). P. 184–188.

Zavgorodnov D. G. The current status study of the phenomenon of media header of text [Sovremennoje sostojanie izychenia fenomena medijnogo zagolovka] // Herald Chelyabinsk State Univ. [Vestn. Chelyabin. un-ta]. 2009. No. 7 (188). P. 56–60.

УДК 81'33
ББК 81.1
ГРНТИ 16.31.51
КОД ВАК 10.02.19

.....
L.Yu. Ivanova (Leontieva)
St Petersburg, Russia

**RUSSIAN-GERMAN RELATIONS
IN THE DISCOURSE
OF THE MODERN RUSSIAN PRESS:
LINGUISTIC ASPECTS**

.....
Liubov Yurievna Ivanova (Leontieva), Senior Lecturer
of the Department of Speech Communication, St
Petersburg State University.
199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilevsky Island,
26, r. 703.
E-mail: lyubov.leonteva@gmail.com.

© Ivanova (Leontieva) L.Y., 2017

Problem Description. One of the important topics of today's international awareness of the Russian media is the relations of Russia and Germany. Among EU countries, Germany is considered to be one of those Russia traditionally manages to preserve the most friendly and fruitful relations with. Yet, recently, these relations have worsened, especially in the political sphere, which immediately manifested itself linguistically in the dynamics of the media discourse. It would be interesting to look at the linguistic dynamics of Russian-German Russian-language discourse. The significance of such a formulation of the question is obvious and is manifested in different aspects.

Today, linguistics pays special attention to language usage, determined by social, cultural norms of speech activity in a certain cognitive and typologically conditioned communicative space, i. e. to studying the language functioning in discourse. M. Foucault, defining different levels of public discourses, pointed out the existence of those which lie at the basis of a certain number of new acts of speech, which "catch them up, transform them or talk about them, that are being infinitely pronounced, have already been pronounced and should yet be pronounced" [Foucault 1994: 60] (emphasis added. — *L. I.*). In this regard, a well-known linguist O. G. Revzina wrote the following: "The discourse, understood in this way, should be the subject of discourse linguistics, in contrast to text linguistics. This is a new object for linguistics, and we obviously have yet to determine the ways of studying it. When studied not as an insertion between 'think' and 'speak', but as the only language reality, discourse expects linguists to discover the rules of its existence" [Revzina 1999: 33]. The discourse of Russian-German relations is among those that expect "the linguists to discover the rules of its existence." The peculiarity of the current state of this discourse is in its conflict

nature. This has been noted in the works of recent years [see, for example: Voronenkova 2016]. Our observations of the current state of this discourse show that it especially widely uses narratives about the events of interstate cooperation, as well as some texts-arguments, which substantiate the assessment of interstate relations in general.

It's planned to verify the following hypothesis: the described discourse as a set of texts (V. E. Chernyavskaya) reflects intertext relations, which are possible to watch through the linkage of speech genres and their varieties (discourse as a system of genres is represented, for example, in the following work: [Dijk 2013]). If to agree with M. M. Bakhtin idea, that a speech genre is a "typological form of dialogical relations between utterances" polished in practice [Bakhtin 2000: 305], it is quite natural to admit, after L. R. Duskayeva, a speech genre to be a sustainable textual composite stylistic form of speech response to the audience's typical information requests for media, typical of the journalistic language. Here, to achieve effective communication, a typical method of coordinating the semantic positions of the author and of the addressee's hypotheses is manifested. These features of the queries are determined by the state of ideas and semantic positions circulating in the discourse. This understanding of secondary speech genres is consistent with M. M. Bakhtin's understanding of a work that "like a line in a conversation, is mounted on others' (another's) reply, on his active reciprocal understanding, which can take various forms: educational influence on the readers, their persuasion, critical reviews, influence on followers and successors, etc.; it specifies the reciprocal positions of others in the complex conditions of speech communication in this sphere of culture. A work is a link in the chain of speech communication; like a line in a conversation, it is associated with other works — statements: both with those it responds to, and with those which respond to it themselves; at the same time, similar to the dialogue line, it is separated from them by the absolute boundaries of the speech subjects change" [Bakhtin 2000: 268–269].

Therefore, disclosure of the discourse development regularities is primarily establishing the features of the stimulus and response speech genres of that make up the discourse. Among the analyzed materials devoted to Russian-German collaboration, there are clearly visible differences in expression of German and Russian illocutionary of the semantic positions. The mentioned discourse of the German media reveals the dominance of condemnation and accusation, typical of conflictual communication (speech genres with such options of illocution were described in the following papers: [Dubrovskaya 2003; Lavrentieva 2006]). Russian media demonstrate another semantics of illocutionary values, primarily, stimulating a dialogue. Hence, the aim of the study is to describe the linguistic representation of illocution in the speech genres represented in the modern Russian-German discourse.

Method of the Analysis. Recent humanitarian works in sociology, psychology, pedagogy, law and linguistics demonstrate the increasing interest in the study of conflictual interaction. This is quite natural, since the human activities in all spheres are accompanied by a clash of interests, views and approaches. By V. S. Tretyakova's definition, a verbal conflict is a speech manifestation of a collision between two or more entities in connection with the disagreement in which one party (S) consciously and actively operates to the detriment of the other (physically or verbally). At the same time, the second side (A), aware of these actions being directed against its interests, takes retaliatory action against the first party. The researcher emphasizes that the conflict can only arise on the basis of communicative contact, while the criterion of conflict nature is the degree of non-controllability, intensity, and aggressiveness of the recipient's reaction which he demonstrates in response to such a speech impact, know-

ing that verbal action is directed at him or at him among others. In the course of the conflict, there is one-sided or mutual non-confirmation of role expectations, the discrepancy between partners in understanding or assessment of the situation, in which the feeling of antipathy is not hidden, and the communicants do not try to accommodate to each other somehow, to change their behavior towards each other [Tretyakova 2003]. These features are typical of our chosen discourse too.

For the description of speech genres, it is important to define this concept often interpreted by researchers in different ways. Some of them treat a speech genre as a speech act (A. Wierzbicka, L. A. Kapanadze, I. M. Kobozeva, E. A. Zemskaya, T. V. Shmelyova, etc.) or a more detailed and complex speech construction, consisting of several speech acts (V. V. Dementiev, M. N. Kozhina, O. B. Sirotinina, N. I. Formanovskaya). This paper develops a different approach, where a whole text is considered as a speech genre. One should note that the text-centered view on a speech genre is represented in many works (S. Gayda., T. I. Damm, A. K. Dolinin, T. V. Dubrovskaya, A. A. Kibrik, O. A. Krylova, T. V. Matveeva, V. P. Moskvina, V. A. Salimovsky).

The Russian theory of speech genres addresses the question of stylistic-compositional structure of the speech genre differently. As T. V. Matveeva rightly pointed out, this issue is one of the most undiscovered [Matveeva 1995]. This remains an open question to this day. The solution proposed by L. R. Duskaeva and Y. M. Konyaeva [Konyaeva, 2015] seems to be the most promising. It is associated with finding a connection of a textual genre form with its semantic structure, in which the validity of highlighting three aspects — referential, modal and communicative — was justified. Each of the aspects of the genre semantics is expressed in its own specific field of multilevel language means, compositional and textual techniques, united by a common intentional focus. The linguistic nature of the genre is thus defined through the principles of selection and combination of tools of dialogic, illocutionary and reference categories [Duskaeva 2016]. Therefore, a generic category is understood as a field (a system) of composite-text, language and non-verbal means of expressing the key semantic property, which is denotative (referential), module or communicational, typical of the given speech genre [see more: *Ibid.*].

The compositional-stylistic structure of the speech genre is formed by the interaction of genres categories expression means, which are different from those known in categorical linguistics grammar ones [Bondarko 1971] and text ones [Matveeva 1990] with their extra-linguistic nature. These fields are suggested to consider as genre categories — the units of speech genres analysis that reflect the goal orientation of composition of different levels of language means' functioning in a text form [Duskaeva 2016]. The linguistic composition of speech genres is reasonable to analyze through the dialogic, illocution and reference categories, which demonstrate changes in the situation of the speech genre semantic structure dynamics under the influence of extra linguistic factors' changes.

The dialogic category in speech genre shows the deployment of different forms of descriptions, narratives, or arguments in “the interaction of semantic positions” (M. M. Bakhtin) of the author and the addressee. This interaction is structured in special text units — interactions which are present in monologue written speech in full (if both stimulus and response are expressed) or in minimized regime (if only one side of the dialogical unity is expressed) [Duskaeva 1995]. The focus of this paper is the expression of illocutionary indexes in the stated discourse. In a series of illocutionary ones, following N. D. Arutyunova, we consider volitional, emotive, cognitive and perceptual values [Arutyunova 1988].

In research works, illocution is defined as a variation of language units' pragmatic value, revealing the relationship between the use of a language unit and the result of this use [cf: Demyankov 1984; Austin 1986; Searle 1986; Searle 1987, etc.]. In the classifications of speech acts proposed by J. Austin, J. Searle, Br. Fraser, D. Wunderlich, the authors base on a typical illocutive characteristics' representation with the relevant performative (or illocutionary) verb and share a common understanding of illocution as some "semantic entity or significance" submitted "conditionally" in the act of speaking [Austin 1986: 100]. The illocutionary value in a speech genre is associated with the subjective modal one, therefore, it covers both volitional (directing the actions of others) and emotive aspects of meaning. For example, it is possible to induce with a strong imperative, encouragement, request, recommendation, suggestion, advice, etc. From the point of view of some dialogic interaction, illocution being an intentional-genre variable proves the sense position of the communicant, while the choice of verbal mode of influence is associated with the need for the semantic position actualizing by each semantic interaction participant [Duskaeva 2016].

Referential meaning in the speech genre reflects the subject field of genre goal orientation. The subject field of the studied discourse publications is an event of Russia-Germany interaction, someone's statement or a certain person, so the referential category is the historical events or the personal character.

Material Analysis. We will look at two texts representing a speech genre "Suggestion of solving a problem" to see the dynamics of deployment of the discourse highlighted in the article. This speech genre is aimed at stimulating the mass audience activity and is implemented through the sequence of the following interactions: 1) warning about the danger of emerging trends; 2) the rationale of the proposed method; 3) encouraging the recipient to be active in achieving the stated goal [Duskaeva 2012: 208–262]. These interactions are "built" by the interaction of means of the dialogue specifics expression — addressing and responding. The specifics of deployment of this speech genre texts in the conflictive discourse is that it is represented in variants, depending on the position in the dialogue of texts, both as stimulating ("attacking") and as reacting ("defensive"). Steffen Dobbert's publication "Sanctions against Russia, now!" from the German newspaper «Die Zeit» (presented in translation on the site «InoSMI» 16.12.2016) sounds like another informational attack against Russia. (The publication is translated, which is obvious through the stylistic clumsiness of the wording, the wrong word order, and sometimes through the modality expressions, untypical of the Russian syntax.) The attacking character of the text is reflected as early as in the title, which is expressed by an exclamation sentence, solely emphatically and categorically. A Russian journalist Vladimir Lepkhin's publication "Germany and Russia: enemies again or friends still" (RIA «Novosti» 20.05.2016) can be considered as an informational defense from an attack.

The First Subgenre Interaction. The first interaction indicates a critical situation that requires someone's activity. The sub-goal of the first subgenre interaction is to warn about the critical situation, which is made through the following steps: in response to the question *what is going on?* an adverse or even dangerous situation is indicated and thus the motive for its elimination is formulated. This is the semantics of a stable text fragment: it indicates the alarm situation, which makes the author worry, the risk of which makes you wonder about its elimination, and therefore, about the necessity to act. However, the considered texts — offensive and responding ones — answer the question of who is right and who is wrong differently:

The offensive text	The responding text
<p>Primarily, <u>Russia</u> is responsible for the <u>killings in Aleppo</u>. To complicate committing <u>new war crimes</u>, Europe <u>needs to use</u> its only effective <u>weapon against</u> Putin.</p>	<p>Russian and foreign political scientists and sociologists have noted that today one of the most <u>Russophobic countries</u> in Europe is <u>Germany</u>. This country does not seem <u>to learn the lessons of history</u>. It is again in <u>the forefront of the Western attacks towards Russia</u>.</p> <p><u>Despite</u> the presence of a large Russian-speaking community in Germany and left-wing forces' support of the Russian position (not only the left socialist party, but also many social-democrats), the <u>German</u> media is dominated by <u>anti-Russian point of view</u>.</p>

As early as in the initial part of the text, the authors have actually exchanged mutual recriminations and accusations, the German journalist blames Russia for the people's deaths in Aleppo (using extremely negative evaluating nominations of action: *killing, new war crimes*). At the same time, the Russian journalist believes that Germany demonstrates imperial ambitions, manifesting the inability for historical thinking of the greater part of its elite classes through hatred of the Russians (Russophobia). The semantics of fault is present in both fragments, but in different texts, different parties of the conflict are blamed.

The first text, using vocabulary, naming the actions, which receive a negative ethical evaluation: *killings, new war crimes*, causes a feeling of anxiety. After the notice of danger the text specifies its source (*Russia is responsible for*). When they define a method to eliminate the risk (*Europe needs to use its only effective weapon against Putin*), the illocution gains a volitional value. Danger elimination is seen as a challenge the society faces. So the first text promotes the semantics of volitionality expressed by a modal structure *needs to use the weapon against*.

In the second text, the anxiety feeling is caused by the vocabulary with the semantics of sharp confrontation, the military metaphors *Russophobic country that is not able to learn the lessons of history, is at the forefront of attacks towards Russia, the anti-Russian point of view*. Volitional illocutionary semantics is formed only in the subtext, not yet explicitly expressed, but the preconditions for its explication have already been laid.

Then the ideas of both texts get detailed: the earlier pronounced German journalist's accusation against Russia is supported by the description of the war tragic consequences. The lack of information about the origins and reasons of war that resulted in untold losses and suffering of the people of Syria, in which thousands of people were *executed, burned or destroyed*, makes it easy to attribute blame for the incident to Russia, which interfered with the event only at the last stage of the war, and thus to strengthen the accusatory sounding of the text. The second text, accusing Germany of inciting Russophobia, gives more and more evidence of the German elite's hostile attitude towards Russia:

In the "attacking" text	In the "defending" text
<p>Some days only subsequently acquire their exceptional value. Probably <u>this</u> Tuesday, 13 December 2016, will be inscribed in history <u>just as such</u> a day — <u>the saddest day of this century</u>, as one of those days when <u>there is a feeling of shame</u> because of belonging to humanity — <u>shame in the face of barbarism in Aleppo</u>.</p>	<p>The German elite (<u>in contrast to the majority of this country population</u>), seems to be <u>so full of Russophobia</u> that time after time <u>finds itself in the same boat with the key opponents of the Russian Federation</u>: from <u>the American hawks and the Nazis of Ukraine to the Ottoman representatives of Turkey and "Islamic state" terrorists</u> (IG organization is prohibited in Russia).</p> <p><u>The inadequate attitude</u> of a substantial part of the German establishment to Russia as to the "major world evil" is explained by the <u>tight control</u> over the <u>German political system</u> by the <u>American intelligence and some revanchist mood and banal ignorance</u> of the new right forces, artificially created in <u>German right-wing circles</u>.</p>

<p>Here one can remember the <u>genocide</u> in Rwanda and the <u>massacre</u> in Srebrenica, when the humankind <u>passively watched it and did nothing</u> for a long time.</p> <p>While we still do not know exactly how many people <u>were executed, burned or destroyed</u> in the ruins of the East of Aleppo, we don't know how many women and children were able to save their lives. For nearly six years <u>war</u> has been <u>raging</u> in Syria. In this battle, which began as a peaceful revolution against <u>Assad the dictator, hundreds of thousands of people died, were wounded or expelled from their homeland</u>. Yet after the fall of Aleppo, the war will continue.</p>	<p>Anyway, the ruling class headed by Angela Merkel, <u>obediently following the fashion of a USA-centric geopolitics, gradually occupies the front-line trenches of the getting long front on the border with Russia</u>. Here at the “Eurovision” contest, the representatives of the pop establishment in the German jury gave the Russian singer 0 points, while the German TV audience gave him the highest possible rating — 12.</p> <p>“Germany got involved in the world wars, being confident that it was mature enough to become the ruler of Europe and the world, but in fact it was manipulated by Britain, which itself sought to play this role. However, it is also true that Germany wouldn't let anybody do that, <u>if it hadn't been overwhelmed by Imperial ambitions, stemming from the Germans' confidence of their superiority</u>” — with these words Olga Mironovna Zinovieva warned her German friends in October of 2014.</p> <p><u>And today we see the beginning of a new, third loop both in manipulations with Germany, and in its another self-delusion.</u></p> <p>A year and a half after the publication of that article we acknowledge <u>the presence of distinct split of Germany concerning the Russian question: a large part of the left forces of this country is for Russia and cooperation with it, while much of the right party is actually waging war against Russia, contrary to common sense and their own historical experience</u>. The same was on the eve of the Second world war, when German iron rationality was in fact <u>elementary stupidity</u>, which nearly led Germany to complete and final destruction.</p>
--	--

The first text unfolds a tragic picture of the war consequences in Syria (this is how the journalist is trying to implicitly explain the Germany Chancellor's open door policy). The tragedy of the situation is emphasized with the metonymic verb *war is raging in Syria*, with the indication of the event duration *for nearly six years*, a number of homogeneous predicates describing the consequences of the tragedy: *hundreds of thousands of people died, were wounded or expelled from their homeland*, emphasizing the repeatability and incompleteness of what is happening). The first text got its attacking character by means of the following:

- labeling (*dictator Assad, barbarism in Aleppo*);
- comparison of the described situation with other tragic pictures known to the general public, which occurred in the last decades;
- the use of cardinal numbers (*hundreds of thousands*);
- using high vocabulary, creating a special “emotional frame” of the tragic pictures: *will be inscribed in history just as such a day... when in the face of barbarism in Aleppo there is a feeling of shame because of belonging to humanity. Here one can remember the genocide in Rwanda and the massacre in Srebrenica*;
- highlighting the tragedy with the emphasizing particles (*only later, just as*), superlatives (*its exceptional value, the saddest day*), demonstrative words (*this Tuesday, such a day, of this century*),
- the attribution of inappropriate actions to Russia, expressed with sentences in which Russia is called the subject, the Syrian people is called a victim, the action itself is described with extremely negative-evaluative words (*were executed, burned or destroyed*);
- persistent formulation of volitional semantics with the reminder of the inaction as of a mistake made earlier: *humankind passively watched it and did nothing for a long time*.

In the second text, the intention of “response to the attacks” is expressed by the following:

— deployment of the scene of the wide spread “Russophobic hysteria” in Germany, for which they use satirical, also military, metaphors, transformation of phraseological units, creating the image of the enemy: *so full of Russophobia, in the same boat with the key opponents of the Russian Federation, from the American hawks and the Nazis of Ukraine to the Ottoman representatives of Turkey and terrorists of the “Islamic state,” the ruling class led by Angela Merkel, obediently following the course of the USA-centric geopolitics, gradually occupies the front-line trenches all over the long front border with Russia, the beginning of a new, third loop both in manipulations with Germany, and in its another self-delusion;*

— negative evaluations of the German policy against Russia: *contrary to common sense and their own historical experience, when the German iron rationality was in fact elementary stupidity, which nearly led Germany to complete and final destruction.;*

— emphasizing the gap between the elite and the citizens of Germany, the assertion of the existence of a split in society by means of the units with semantics of the contrasting, prepositions, antonyms: *in contrast to the majority of this country population, a larger part of the left forces of this country is for Russia and cooperation with it, much of the right party is actually waging war against Russia;*

— an attempt to find the origins of hostility that is expressed by the construction “verb of speech + noun. preposition...,” evaluative lexemes: *is explained both by the tight control over the German political system by American intelligence and some revanchist mood and banal ignorance of the new right forces, artificially created in German right-wing circles;*

— building additional accusatory narratives to transmit instances of the Russophobic hysteria manifestation in a non-political events: *Here at the “Eurovision” contest, the representatives of the pop establishment in the German jury gave the Russian singer 0 points, while the German TV audience gave him the highest possible rating — 12;*

— giving the so-called experts’ opinion, often using the means of reported speech: *“Germany got involved in world wars, being confident that it was mature enough to become the ruler of Europe and the world, but in fact it was manipulated by Britain, which itself sought to play this role. However, it is also true that Germany wouldn’t let anybody do that, if it hadn’t been overwhelmed by Imperial ambitions, stemming from the Germans’ confidence of their superiority” — with these words Olga Mironovna Zinovieva warned her German friends in October of 2014.*

The interaction of these tools expresses the illocutionary meanings of the warning.

The Second Subgenre Interaction. Another interaction of the speech genre — the impulse — unfolds in response to this request: a) the purpose of the stimulated activity is defined; b) the object is specified, to which (or against which) it is necessary to direct actions; c) the negative consequences are described, the manifestation of which is possible when the recommended actions are failed. Let’s refer to the texts:

Defining guilt and who is to blame	Defining guilt and who is to blame
Fragments of texts are given in extracts	
<p><u>...but what can you do in this situation? One can ask this question, calming oneself down. But the answer will be different — do nothing.</u></p> <p>These are the soldiers and mercenaries of Bashar al-Assad who are offensive on Syrian soil and also act against the civilian population too. However, <u>without Russian intervention into the war</u>, which began about a year ago, they <u>would not have been able to do it</u>. Russian combat aircrafts used their bombs to</p>	<p>What position won during the inner-German debates in the late 30-ies, who crushed left-wing political forces in Germany and how they did it, who at first helped Hitler in his crackdown of the communists and socialists, and then pushed him to a suicidal war with the Soviet Union — we know that. And, of course, <u>we do not wish</u> the events of 80 years ago <u>to repeat</u> in this country, because the current <u>Russophobia and farce in Germany based on the searching of “Kremlin agents”</u> will surely be followed by a new and</p>

<p>pave the way for Assad's soldiers and mercenaries, supported by Iran and 'Hezbollah'.</p> <p><u>This man, who is on Assad's side and, as a result of Obama's indecision, now decides, how many people will die in Syria in the future, — this man's name is Vladimir Putin.</u> ...after the ten months ago announcement of the troops withdrawal, completely opposite actions were undertaken.</p> <p>If a person says one thing and does another, then it can be called a lie. For the past several months, Vitaly Churkin, Russia's permanent representative in the UN Security Council, Russian foreign Minister Sergei Lavrov and Putin himself repeat this lie regarding Syria. <u>"We conduct this operation in Aleppo in order to ensure the civilian population safety,"</u> said the Russian Minister of foreign affairs. ...Then the final battle for Aleppo began. And the recent statements regarding the cease-fire, made at the time when the larger part of Aleppo was captured, fit into the category of false Russian diplomacy.</p>	<p>real tragedy. <...> Unfortunately, in the XXI century, <u>this country again is imposed the role of the main strike force against the Russian-Orthodox world.</u> The German elites are once again involved into <u>an alien and monstrously illogical game with a foregone outcome, and today, we can only hope</u> that the 'left' and any other healthy forces in the country <u>will be able to repel the Nazis, revanchists and all sorts of "supermen" while the German elite would not go crazy.</u></p> <p><...></p> <p>Today <u>the ruling elite in Germany are largely focused, as it was already noted, on the severance of relations with Russia in order to please their pro-American contacts.</u> ...The culmination of rising geopolitical inadequacy of the German leadership was the Chancellor's decision to welcome large numbers of refugees... and the subsequent EU partnership with the main organizer of the refugees' flow to Europe — the leader of Turkey, Rejep Erdogan. ... Among the elites of Germany <u>a movement in favor of common sense and pro-national policy appeared and began to increase, which recommends to this country to turn to Russia as to an important economic partner and a quite friendly towards Germany.</u> ...the Prime Minister of Bavaria, Horst Seehofer... met the President of Russia and after the meeting said that <u>"it is impossible to cope with hotbeds of crises across Europe without Russia."</u> It was after Seehofer's visit to Russia when the German media started to talk about the split in the ruling elites of German, which is actually true.</p>
---	---

In both texts, the impulse unfolds in response to the questions — a demand to give an answer about the action needed. Grammatically, the ways of questions' explication are different: in the first text, it is *'but what can you do in this situation? One can ask this question, calming oneself down'*. As we can see, the question is formulated directly and placed into a "reflexive frame." In the second text, the questions are represented as a chain, as parts of a compound sentence: *What position won during the inner-German debates in the late 30-ies, who crushed left-wing political forces in Germany and how they did it, who at first helped Hitler in his crackdown of the communists and socialists, and then pushed him to a suicidal war with the Soviet Union — we know that.* The questions about the German attitude to Russia before the Second world war come to mind by analogy with the nowadays period when those relationships are strained to the limit.

Answering the questions, the author sets the stage to name the actions required to prevent the development of this dangerous situation. To do this, he firstly explains what the purpose of the activity, to which they encourage, is. To this end, the first text draws an emotional picture of what it's necessary to be prevented or stopped: *...the soldiers and mercenaries of Bashar al-Assad who are offensive on Syrian soil and also act against the civilian population too. However, without Russian intervention into the war, which began about a year ago, they would not have been able to do it. Russian combat aircrafts used their bombs to pave the way for Assad's soldiers and mercenaries, supported by Iran and 'Hezbollah.'*

In the second text, the journalist is acting differently, he reminds the scenario of European anti-Russian political force coming to power 80 years ago. This power won in the inner-German

debate in the late 30-ies... crushed left-wing political forces in Germany and... at first helped Hitler in his crackdown of the communists and socialists, and then pushed him towards a suicidal war with the Soviet Union.

In both texts, the actions themselves are still named indirectly. The first text merely indicates the necessity of some active actions against Russia. It's necessary to mention that the phrase, being translated, is formulated in an "alien" way, "not in Russian:" *But the answer will be different — to do nothing.*

Indirectly, the impulse is expressed as a wish in the second text: *And, of course, we do not wish the events of 80 years ago to repeat in this country, because the current Russophobia and farce in Germany based on the searching of "Kremlin agents" will surely be followed by a new and real tragedy.*

Further, both conflictive texts define an object the social activity should be directed against. The first text names the object metonymically — it is Russia, which is declared guilty. But then, the perpetrators and their "actions" are represented more clearly. According to the German journalist, Russia is guilty of the deaths of the civilian population: *without Russian intervention into the war, which began about a year ago, they would not have been able to do it.* The actions of the so-called guilty party are described in the modal-evaluative frame, which seems correct to the journalist from the German point of view: *the Russian combat aircraft with their bombs paved the way for Assad's soldiers and mercenaries...* The evaluative frame is created with the metaphorical verb combinations (*paved the way*), names of action instruments (*with their bombs*), a negatively evaluative nomination of supporters (*Assad and the mercenaries*). Russian dignitaries, each of whom is referred to with a full nomination chain (name — surname — position), are accused of aggression, lie: *And the recent statements regarding the cease-fire, made at the time when the larger part of Aleppo was captured, fit into the category of false Russian diplomacy.* As we can see, the behavior of those who are guilty, in the opinion of the journalist, receives a very negative assessment.

The second text also names the guilty ones — *the ruling elite of Germany*, suffering chronic *Russophobia*, their actions are a political *farce*. To show, what their fault is, the actions get negative normative, utilitarian (according to N. D. Arutyunova) evaluation expressed by idioms, metaphors, evaluative verbs, adjectives: *go way beyond normal, the state is again imposed the role of the main strike force against the Russian-Orthodox world; the German elite are involved in the alien and monstrously illogical game with a foregone outcome, <...> are largely focused on the rupture of relations with Russia in favor of their pro-American contacts. <...> The culmination of rising geopolitical inadequacy of Germany leadership was the Chancellor's decision to welcome a large numbers of refugees in the country... and the subsequent EU partnership with the main organizer of the refugees flow to Europe.* The journalist sees some productive positive forces in Germany too, their activity is called "a movement in favor of common sense and pro-national policy appeared and began to increase, which recommends to this country to turn to Russia as to an important economic partner and a quite friendly towards Germany." Thus, assessing these forces' activity is evaluated positively. Pointing out what the concerns of the author are, the journalist increases the anxiety, which is felt the text: *will surely be followed by a new and real tragedy.* As we can see, both texts clearly name, whom it is necessary to be active against, describe the negative consequences, which might happen in the case the audience fails to act the recommended way.

The Third Subgenre Interaction. This genre unit describes how to search for a method of performing the actions that are encouraged: confusion, doubt, mistakes while searching and the birth of new ideas — the fact that the text gives these parts of the thinking process

increases the dialogical mode of the text: the interaction is formulated as that of semantic positions of developing solutions to problematic situations. In the last interaction, activities the audience is encouraged for, not just name, but also describe and justify their legitimacy. Let's refer to the texts again:

Suggestions of the problem solvation in the “attacking” text	Suggestions of the problem solvation in the “responding” text
Text fragments are given in extracts	
<p>So what shall we do? If the UN Security Council is no longer able to perform their tasks, because Russia and China are using their veto to block any solution aimed at the end of hostilities, then <u>one needs to react differently</u>. <u>...now everything depends on the European foreign policy</u>.</p> <p>The European Union... has an efficient tool against Russia. ...They are neither the tanks, nor bombers nor rocket-launchers, but economic sanctions, which could master the war in Central Europe. Especially the sanctions on the financial market, introduced after Crimea annexation which is contrary to international law, prevented Putin from capturing other territories in Ukraine.</p> <p>What could prevent the worst option for Ukraine, might appear effective in Syria. We are talking about new economic sanctions against Russia, depending on the Kremlin military involvement in Syria. <...></p> <p>On Thursday there will be a meeting of heads of governments ...Of course, the heads of the states will once again name those who are responsible for war crimes in Syria. But this is not enough.</p> <p>There is a myth that Russia entered the war in Syria in order to fight with the Islamic state (banned in Russia as a terrorist organization — transl. note). The Kremlin's aim in Syria is clear — to support Assad, even if it costs thousands of civilians' lives. <...></p> <p>It is very easy to present the arguments — the EU has no other realistic and effective weapons, except for the sanctions. Unimaginable events of 13 December 2016 in Aleppo should serve as a reason to finally introduce them.</p>	<p>However, “to hope” is the wrong word. Today it is <u>important to turn the German elite with its face if not to Russia, then, at least, to its own people</u>, ...the society of friendship with Germany (SFG) was established in 1922 and since then ...it ensured the development of cultural and other ties between the two countries. ...In contrast to many other Russian societies for friendship... (SFG) has flourished and acquired various business bonds. But later ...the cooperation between Russian and German businessmen within SFG programs was noticeably minimized.</p> <p><...> the Russian public made up a decision to try to “reset” Russian-German relations. In her interview... Olga Zinovieva noted that “restart” of relations between Russia and Germany can be a decisive factor, which will determine the future of Europe and the European Union... “If this ‘restart’ happens, Europe will have a chance to defend its economic and political sovereignty and to avoid being plunged into a new world war”. ...From Mikhail Logvinov's point of view..., “it is possible that Russian-German relations' upgrading will contribute to improvement of Russia's relations with the West as such. We all hope so. Our German friends and partners share these hopes.”</p>

In the first text, the author repeats his question: *what shall we do?* There is some confusion in this repetition, arising from the fact that standard mechanisms of universal condemnation do not work: *If the UN Security Council is no longer able to perform their tasks, because Russia and China are using their veto to block any solution aimed at the end of hostilities*. The intense search for the right solution makes them turn to other sources and entities of its execution: *...then one needs to react differently*. *...Now everything depends on the European foreign policy*. *The European Union... has an efficient tool against Russia*. The echo of such a search is found in the repetition of the negative particle, which the author shows as if he mentally dismisses some wrong ideas (*...These are neither the tanks, nor bombers, nor rocket-launchers*), and finally he comes to the needed one: *...but economic sanctions, which could master the war in Central Europe*.

Further, actually assuring themselves of the correctness of the chosen measures (since it is impossible to bring it to those who know that the war continues because Kiev government does not leave attempts to take revenge over the breakaway republics!), the journalist develops his thought: *Especially the sanctions on the financial market, introduced after Crimea annexation which is contrary to international law, prevented Putin from capturing other territories in Ukraine.*

The journalist appreciates the previously used measure of influence on Russia: *what could prevent the worst option for Ukraine, might appear effective in Syria. We are talking about new economic sanctions against Russia, depending on the Kremlin military involvement in Syria.* Introducing his idea, the journalist appeals to the doubters: *...Of course, the heads of states once again will name those who are responsible for war crimes in Syria.* He uses negative sentences: *But it's not enough.* The journalist gets involved into polemics with the so-called Kremlin propaganda: *There is a myth that Russia entered the war in Syria in order to fight with the Islamic state (banned in Russia as a terrorist organization. — Transl. note).* Disputing the arguments of the opponent, the journalist emphatically injects his thought into the readers' consciousness: *The Kremlin's aim in Syria is clear — to support Assad, even if it costs thousands of civilians' lives... It is very easy to present the arguments — the EU has no other realistic and effective weapons, except for the sanctions.* Inducing to make a hostile step towards Russia, the reporter seeks to work by means of emotives (*Unimaginable events of December 13, 2016 in Aleppo*) and structures combined with modal vocabulary: *it should serve as a reason to finally introduce them.* The introductive adverb *finally* makes his judgment especially categorical.

In the second text, interaction is constructed similarly. Like in the first text, it reaffirms the need for some activity: *However, "to hope" is the wrong word.* Then, using modal vocabulary in combination with the infinitive the author formulates the purpose of the necessary actions: *Today it is important to turn the German elite with its face if not to Russia, then, at least, to its own people.* The author reminds of a possible way to solve the problem, evaluates its effectiveness with the evaluation means: *...the society of friendship with Germany (SFG) was established in 1922 and since then ensured the development of cultural and other ties between the two countries. ...In contrast to many other Russian societies for friendship... (SFG) has flourished and acquired various business bonds. But later... cooperation between Russian and German businessmen within the programs of SFG was noticeably minimized.* Then the journalist justifies his position more fully, talking about the "benefits" of his proposal practical implementation: *<...> "restart" of relations between Russia and Germany can be a decisive factor, which will determine the future of Europe and the European Union...; ...Europe will have a chance to defend its economic and political sovereignty and to avoid being plunged into a new world war;...upgrading will contribute to improvement of Russia's relations with the West as such.*

Results. The analysis showed the effectiveness of genre categories education. Indeed, the appeal to the means of each category demonstrated that the selection of language means for creating a speech genre in conflictive discourse reflects the specificity of the relations between Germany and Russia. In this discourse, the position of Germany is emphasized as a conflict one: it contains accusations, recriminations. The German party represents itself in a role of a prosecutor having the right to appoint the penalty for the misdeed. Without citing any facts or finding out the essence of what is happening, it immediately finds the persons who are clearly declared guilty in the ongoing troubles. Among the means of expression of the dialogic nature, which are responsible for the reflection of the modal-logical links between semantic items, especially active are those that express opposition. Among the illocutionary means, which show the attacking and defending parties' actions orientation, negative eval-

uative means, including political labels, are obviously activated. In general, the hostility and intransigence of the positions are emphasized. Metaphors of war are actively used. Emotional tools have the powerful impact.

Conclusion. The article examines the expression of semantic positions in the Russian-German discourse. The latter is considered as a part of the semantic interaction of the two countries — Russia and Germany. The analysis found that conflictive nature of communication changes the dialogic, referential and illocutionary semantics of the “Suggestion of solving a problem” speech genre. Dialogical semantics is full of conflictive semantics, illocution gets full of inducing confrontation, emotiveness, anxiety, resentment, sometimes even anger, saturating it with the semantics of opposition, the metaphor of war. One and the same speech genre is filled with various additional illocutionary meanings: in one case it becomes an aggressive communicative attack, in another, it becomes a communicative protection, aspiring to harmonization.

As the attacks are not always justified in the text, the speech is perceived to be aggressive. When this, the dominant modality is that of full confidence in the rightness of one’s position, eliminating doubt. Russia’s position is different: it obviously demonstrates the desire to seek compromise, you can hear confusion caused by the opponent’s categorical statements, it is filled with recriminations about the failure to try to understand, to analyze the situation. As a result of filling the speech genre with such semantics, the dialogue nature in the Russian author’s text is reacting, illocutions are saturated with meanings of warning, the offers of reconciliation and adjustment of the established interaction scenarios.

The study found that conflict at the intertext level is expressed by means of language and speech representation of attack and of response to it within the framework of media discourse. Speech mechanisms of conflict manifestation in media texts on Russian-German relations operate within speech genres, composed through a series of subgenre interactions, full of language means of genre categories with the corresponding semantics and mental-verbal orientation.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.

Вороненкова Г. Ф. Российско-германский дискурс в немецких СМИ // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: матер. междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 г. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2016. С. 31–34.

Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Либроком, 2013.

Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.

Дускаева Л. Р. Выражение диалогичности в публицистических текстах 1980–1991 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1995.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. 2-е изд. СПб.: С.-Перерб. гос. ун-т: Филол. ф-т, 2012.

Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // Жанры речи. 2016. № 2. С. 25–32.

Коняева Ю. М., Дускаева Л. Р. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария // Филология и человек. 2015. № 1. С. 15–24.

- Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium (Киев). 1995. № 1–2. С. 65–71.
- Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
- Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25–33.
- Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Ис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003.
- Фуко М. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994.

REFERENCES

- Arutyunova N. D. Types of language meanings: evaluation, event, fact [Tipy jazykovykh znachenij: ocenka, sobytie, fakt]. Moscow, 1988.
- Austin J. Word as action [Slovo kak dejstvie] // New in foreign linguistics [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Vol. 17. Moscow, 1986. P. 22–129.
- Bakhtin M. M. Author and hero: the philosophical foundations of the Human Sciences [Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk]. St Petersburg, 2000.
- Bondarko A. V. Type and tense of verbs in Russian: meaning and use [Vid i vremja russkogo glagola: znachenie i upotreblenie]. Moscow, 1971.
- Dijk T. A. Discourse and power: representation of domination in language and communication [Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii]. Moscow, 2013.
- Dubrovskaya T. V. Speech genres “condemnation” and “allegation” in Russian and English speech communication [Rechevyje zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkom i anglijskom rechevom obshhenii]. Saratov, 2003.
- Duskaeva L. R. Dialogue nature expression in media texts of 1980–1991 [Vyrazhenie dialogichnosti v publicisticheskikh tekstah 1980–1991 godov: dis. ... kand. filol. nauk]. Perm', 1995.
- Duskaeva L. R. Dialogue nature of newspaper speech genres [Dialogicheskaja priroda gazetnykh rechevykh zhanrov]. St Petersburg, 2012.
- Duskaeva L. R. On the text genre categories [O zhanrovyykh tekstovykh kategorijah] // Speech Genres [Zhanry rechi]. 2016. Vol. 2. P. 25–32.
- Foucault M. An Archaeology of the Human Sciences. St Petersburg, 1994.
- Konyaeva Y. M., Duskaeva L. R. “A celebrity” in art journalism: stylistic-verbal representation of a communicative script [«Zvezdnaja persona» v art-zhurnalistike: stilistiko-rechevaja reprezentacija komunikativnogo scenarija] // Philology and people [Filologija i chelovek]. 2015. Vol. 1. P. 15–24.
- Lavrentieva E. V. Speech genres of accusations and excuses in a dialog [Rechevyje zhanry obvinenija i opravdanija v dialogicheskom edinstve]. Novosibirsk, 2006.
- Matveeva T. V. Functional styles in terms of text categories [Funkcional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij]. Sverdlovsk, 1990.
- Matveeva T. V. On the linguistic theory of genre [K lingvisticheskoj teorii zhanra]. Collegium (Kiev). 1995. No. 1–2. P. 65–71.
- Revzina O. G. Language and discourse [Jazyk i diskurs] // Vestn. Mosk. un-та. Ser. 9. Filologija. 1999. Vol. 1. P. 25–33.
- Tretyakova V. S. Speech conflict and harmonization of communication: [Rechevoj konflikt i harmonizacija obshhenija: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01]. Ekaterinburg, 2003.
- Voronenkova G. F. Russian-German discourse in the German media [Rossijsko-germanskij diskurs v nemeckih SMI] // Journalism of the digital age: how profession is changing: materials of the international scientific practical conference [Zhurnalistika cifrovoj epohi: kak menjaetsja professija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.]. Ekaterinburg. April, 14–15 2016. Ekaterinburg, 2016. P. 31–34.

ТИПОЛОГИЯ МЕДИАРЕЧИ

УДК 81'42
ББК 81.2
ГРНТИ 16.21.55
КОД ВАК 10.02.19

В. А. Попова
Шумен, Болгария

СЛОВА В СЕТЯХ МАССМЕДИА

Введение. Предлагаемая работа посвящена лексическим особенностям массмедийного лексикона, представленным в контексте более общей картины, акцентом которой являются метаморфозы слов, попавших в сети массмедиа, а фоном — универсальные процессы и тенденции, в стихию которых попадают общество и язык в последнее десятилетие XX и в начале XXI в. Вместе с тем массмедийный лексикон анализируется в свете сетевой лингвистики, причем в центр внимания ставятся не столько нормативные словари, образовательные сайты, интерактивные online-учебники и т. п., сколько проявления любительской лингвистики, в которой в качестве авторов выступают сами пользователи. Таким образом динамика процессов в лексиконе болгарского языка конца XX и начала XXI в., которая уже являлась объектом множества серьезных исследований со стороны болгарских лингвистов [Благоева 2006; 2011; Добрева 2001; 2004; Зидарова 2006; Йорданова 1994; Колковска 2008; 2012; 2015; Лилова 2010; Попова 2011; Попов 2011; 2016 и др.], будет рассмотрена и через призму двух интернет-словарей — Neolog (URL: <http://neolog.eenk.com/>) и BGжаргон (URL: www.bgjargon.com).

Учитывая вклад упомянутых исследований, автор ставит перед собой задачу предсказать болгарский лексикон в контексте реального режима употребления. Так, на примере наблюдения и анализа отдельных лексических единиц и процессов будет сделана попытка выделения его наиболее существенных характеристик. В фокус внимания попадут также лексические феномены, которые до сих пор практически не рассматривались.

Исследование базируется на наблюдении речевого материала из различных массмедийных источников, таких, как, например, издания болгароязычных массмедиа, интернет-форумы, словари, блоги, социальные сети, фильмы и др., в которых

Велка Александрова Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры болгарского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского.
9712, Шумен, Университетска ул., 115.
E-mail: labling@shu.bg.

© Попова В. А., 2017

нашло отражение актуальное функционирование современного болгарского языка. Их привлечение в качестве источников доказательственного эмпирического материала происходит путем поиска по ключевому слову или выражению в Google, что обеспечивает надежность и объективность полученных результатов. Этому же принципу подчиняется выбор иллюстративных примеров в ходе дефинирования того или иного лексического феномена.

Краткий экскурс. На рубеже нового тысячелетия мир претерпевает глобальное общественно-политическое преобразование. Оно сопровождается интенсивным подъемом научно-технического прогресса, что, со своей стороны, приводит к необходимости создания базиса для нового информационного общества. Современные языки, в свою очередь, попадают в стихию универсальных тенденций к демократизации (в более общем смысле понимаемой и как коллоквиализация), интеллектуализации и интернационализации.

Под влиянием отмеченных мировых тенденций и драматических изменений общества в период демократических перемен в болгарский язык интенсивно входит и прочно устанавливается множество новосозданных и новозаимствованных слов, появляются новые значения и устойчивые словосочетания. Они ежедневно присутствуют в газетах и популярных журналах, в передачах радио и телевидения, в активном информационном общении, в сферах компьютерной интеракции, а также в быту. Впечатляет не только широкое распространение новых лексических единиц, но и их число. В поддержку сказанного достаточно процитировать зарегистрированные в 2001 г. свыше 3500 новых слов и значений, а также около 500 новых сложных названий, терминов и фразеологизмов [Пернишка, Благоева, Колковска 2001]. Более того, невозможно строго зафиксировать их точное число, так как, с одной стороны, речь идет о живом, исключительно продуктивном процессе, а с другой стороны, следует учесть действие языковых модных тенденций, которые своей капризной изменчивостью и многообразием предопределяют судьбу новых единиц по шкале «престижность / непрестижность». Не случаен также факт, что только в рамках рассматриваемого периода выходят в свет несколько словарей новых слов [Антонов 1995; Бонджолова, Пенкова 1999; Пернишка, Благоева, Колковска 2001; 2010].

Диктат высоких технологий и глобального преобразования мира приводит к замене старой языковой картины мира на другую, совершенно новую. Изменяются не только концепты, на и их языковое кодирование. Это происходит именно в парадигме указанных выше универсальных тенденций. Наплыв новых слов и присутствие заимствованных слов (преимущественно англицизмов), а также чрезвычайная специализация и технологизация словаря оказываются обязательными компонентами языковой компетенции «модного» говорящего [Попова 2011].

Необходимость в «новой компетенции», со своей стороны, требует нового типа масс-медиа, поскольку именно в их пространстве «реализуется языковая функция воздействия (агитации и пропаганды, информационной обработки, манипуляции) на членов данного социума» (Попов 2016: 134) и именно в их власти привести в действие механизмы модных тенденций соответствующей эпохи. Не случайно они дефинируются как «динамическая сфера, которая через свои речевые проявления отражает множество ситуаций актуальных реалий (политических, экономических, моральных, философских, культурных, социальных, обиходно-бытовых)» [Там же: 135]. Открытый дискурс медийного пространства — это самая чувствительная струна общественной жизни, в которой улавливаются и апробируются импульсы нового, определяя таким образом

параметры языковой моды в определенную эпоху [см.: Попова 2011]. Выполняя свою миссию медиаторов между отдельными социальными группами, современные массмедиа в какой-то момент были вынуждены радикально изменить форматы коммуникации и последовать за своими пользователями и в пространство Интернета. Сохранение лидерской позиции в массмедийном мире свободы и полифонии поставило их в зависимость от Сети, что с точки зрения языка сильнее всего затронуло медийный словарь.

Лексическая специфика массмедийного языка. Диктат модных для эпохи перехода к демократии тенденций [см.: Добрева 2004; Попова 2011] определяет облик болгарского языка в целом и заметнее всего затрагивает массмедийный словарь. Его лексические характеристики реализуются специфическим образом в динамике целого ряда противопоставлений, таких как, например, инфазия неологизмов и неосемантизмов — актуализация архаизированных единиц; усиленная терминологизация речи — детерминологизация ряда ограниченных в своем употреблении до этого момента лексических единиц; интеллектуализация речи — упрощение выражения и наплыв «языка улицы» в публичную коммуникацию; развертывание первичной номинации — активизация вторичной номинации; заимствование иноязычных слов — включение чужих компонентов в процессы словообразования. Эти процессы подробно систематизированы В. Задорновой [Зидарова 2006], а отдельные их проявления, связанные с наплывом новых слов путем динамичной деривационной активности и иноязычных заимствований, являются объектом исследования в работах ряда болгарских лингвистов, таких как, например, С. Колковска, Д. Благоева, М. Лилова и др.

В настоящей работе массмедийный лексикон рассматривается в другом ракурсе. Учитывается факт, что современный человек живет в двух параллельных мирах — реальном и виртуальном. И поскольку словарный состав в наибольшей степени поддается любым влияниям и изменениям, то можно ожидать, что видимые следы этого влияния можно обнаружить именно в нем, в таких явлениях, как, например, тенденция к визуализации путем использования большего числа иконических единиц, в частности, когнитивных метафор. Более того, наряду с живой повседневностью виртуальная повседневность современного человека также утверждается в качестве базы для появления новых метафор. Так, человек уже осмысляет неизвестное на основе своего опыта как в реальном, так и в виртуальном мире. И, как результат, в сети массмедиа создается параллельная языковая картина мира, чьи концепты, вторично визуализирующие фрагменты реального мира, «записаны» при посредстве технократизмов. Таким образом, лексическая категоризация в домене массмедийного языка осуществляется в терминах как наивной картины мира (базирующейся на «семейных сходствах» — термин Л. Витгенштейна [см.: Попов 2016]), так и виртуальной наивной картины мира носителя языка.

С одной стороны, при представлении категорий выдвинуты в ранг когнитивных метафор названия объектов ближайшего окружающего человека мира, например: *каки, баби, лели, батковци, шлифери, чадъри, черги, пици, баницы, бози* и т. д. [подр. см.: Попов 2011; 2016]. В этот список попадают также нестандартные единицы (сленгизмы, жаргонизмы, инвективы и др.), что является непосредственным отражением тенденции к colloquialization языка. Экспансия повседневного языка приводит к доминации «повседневных, образов» политики и общественной жизни, например, отмеченных в массмедиа представлений бюджета как *пица* (пицца), политики как *блато* (болото), *дръвник* (болван), государства как *юмрук* (кулак), политического дискурса как *дъвчене на дъвка* (жевание жвачки), публичных личностей как *каки* (старшие сестры), *сираци*

(сироты), *батковци* (старшие братья), *тавовци* (бабки), партий как *сестри*, *сестрински партии* (сестры, партии-сестры) и т. д.

В некоторых случаях, когда, например, метафора базируется на принципе синестезии, образы столь осязаемы, что появляется ощущение кинематографичности выражения. Показателен в этом отношении пример со словом *баница* (слоеный пирог) из словаря Neolog (URL: <http://neolog.eenk.com/>; в квадратных скобках дан русский перевод):

Баница — естественно красива жена с пищи форми. Използват се и други две форми — *баничка* или *мазна баница* (много красива жена).

[**Баница** — натурально красивая женщина с пышными формами. Используется в еще двух формах — уменьш. *баничка* и *жирная баница* (очень красивая женщина).]

Ей тая е бати баницата. [Ничего себе баница.]

Виж баничката отсреща. [Ты посмотри только на эту баничку напротив.]

С другой стороны, в массмедийном языке мир «просматривается» и через призму концептов виртуальной наивной картины мира, экстраполированных в технократизмы. В качестве иллюстрации к сказанному приведем несколько словарных статей из словаря Neolog:

Блогър — прекален ентузиаст в технологичната област. Човек, чиято показна страст към технологиите пречи (на личното пространство) на другите.

[**Блогер** — чрезмерный энтузиаст в области технологий. Человек, чья выставленная напоказ страсть к технологиям мешает другим (личному пространству других).]

На този купон всеки е хързулнал по един айпод. Сигурно са и блогъри. [На этой тусовке все притащили по айподу. Наверняка они еще и блогеры.]

Стига снима бе, блогър. [Хватит щелкать фотоаппаратом, блогер.]

От [eenk](#) на 09-01-2006

Браузвам — обикалям заведения или магазини. Бръмча, мотая се безцелно.

[**Браузовать** — обхаживать рестораны и магазины, слоняться бесцельно.]

Кво става, брато. Идвай с нас да браузваме по главната... [Ну чё, братан. Давай браузовать по главной...]

От [UserG](#) (www) на 27-01-2006

Ъпгрейдвам се — напивам се, надрусвам се, заяквам, подобрявам се.

[**Апгрейдоваться** — напиваться в доску, принимать наркотики, становиться здоровее, идти на улучшение (о здоровье).]

Оха, добре ме ъпгрейдна тая водка. [Ничего себе апгрейдула меня эта водка.]

Мале как се бех ъпгрейднал снощи с тая трева. [Ужас как апгрейднулся вчера этой травкой.]

Яко съм се ъпгрейднал от тея шанги. [Ну и апгрейднулся я этими штангами.]

От [INP](#) на 28-12-2005

Более сильна концентрация технократических когнитивных метафор в молодежном сленге, жаргоне виртуальных сообществ (геймеров, чатеров, блогеров и т. д.), но практически такие примеры можно отыскать в самых разных массмедийных источниках. Однозначным свидетельством их активности и функциональности являются результа-

ты анкеты электронной газеты BNews (URL: <http://www.bnews.bg>), опубликованные 13 октября 2010 г. Они показывают, что при выборе любимого нового слова в болгарском языке читатели поставили *ънгрейдвам се* (в значении 'отдыхаю, расслабляюсь') на третье место. Это слово получает 10% голосов. Указанные примеры свидетельствуют о том, как концепты повседневного быта экстраполируются в технократизмы. Конечно, встречается и обратный случай, что продемонстрировано в следующей словарной статье из Neolog:

Асансьорче — поле за хоризонтално (или вертикално) преместване на програмен прозорец. Лента за прелистване. Scroll bar.

Лифтик — поле для горизонтального (или вертикального) перемещения программного окошка. Лента для перелиствывания. Scroll bar.]

— *Не виждам нищо?* [Не вижу ничего!]

— *Дръпни дясното асансьорче надолу.* [Подвинь правый лифтик вниз.]

От [eenk](#) на 14-07-2006

Слова в сетях массмедиа. В динамической и открытой массмедийной среде наблюдаются лексические метаморфозы, ассоциирующиеся с идеей о виртуализированных в большей или меньшей степени коррелятах соответствующих лексических единиц, зафиксированных в словарях соответствующего языка. Очень важными в этом отношении оказываются такие средства, как когнитивные метафоры, прецеденты, известные под названием *никове* / *никнейми* online-самоаказания пользователей, сленгизмы, своеобразные инфантилизмы (стилистически нагруженные заимствования из языка детей) и др., которыми изобилует массмедийный язык и которые делают его практически более иконичным. Показательно в этом отношении использование терминов родства в качестве автосемантических слов, что в принципе характерно для детской речи и для просторечия. В разговорной речи мы часто становимся свидетелями наивной интерпретации мира в терминах повседневности, например:

— *Мамо, виж тези татковци там!* [— Мама, посмотри на этих **пап** вон там!]

С и т у а ц и я: Петгодишно дете посочва двама млади мъже, които видимо са от генерацията на неговия баща [Пятилетний ребенок указывает на двоих молодых людей, которые, очевидно, находятся в возрасте его отца].

— *Дядо, къде да намеря кмета?* [— *Дедушка, где мне найти мэра?*]

С и т у а ц и я: Сравнительно млад човек се обръща към човек, който видимо е от генерацията на неговия дядо [Сравнительно молодой человек обращается к человеку, очевидно относящемуся к поколению его дедушки].

В наивной картине мира человек концептуализируется лексически как 'некий родственник' ранга *дедушки, бабушки, тети, дяди*. В болгарском публичном пространстве в подобных случаях термины родства обнаруживают двойственное поведение, в рамках которого вполне целенаправленно их синсемантическая природа не выводится на передний план. Аллюзия с нерагламентируемыми связями, преимуществами, приоритетами вытесняет на задний план категориальное значение, связанное с возрастом. Эти слова уже не столько называют, сколько оценивают, выражают эмоцию, отношение. В качестве иллюстрации можно привести случай с употреблением слова *каки* / *двете како* (две старшие сестры), который довольно долго переэкспонировался в болгарском публичном пространстве (речь идет о нашумевшем в 2015 г. скандале с попавшими в СМИ записями разговора между двумя судьями Софийского городского суда — Владимирой Яневой и Румяной Ченаловой). Через некоторое время люди уже не будут ясно вспоминать ни данного случая,

ни самих участниц скандала, ни даже их имен, но они всегда будут ассоциировать выражение *двете как* с идеей о мафии, коррупции, зависимости, злоупотреблении властью.

«Видение» мира через призму концептов повседневности, однако, наряду с достижением кинематографического эффекта отмечено большой долей банализации. В противовес этому в лексиконе массмедиа вычерчиваются две динамично развертывающиеся тенденции. С одной стороны, наблюдается стремление к дебанализации речи путем использования слов самого высокого ценностного регистра, таких, например, как *идея*, в не свойственном им значении меры — *килограм*, *литър*, *метър*, *градус*, *определено разстояние*. и др., ср.: *с една идея по-близо до финала (на идею, т. е. чуть-чуть, ближе к финишу)*; *с една идея по-различен ъгъл* ('различна гледна точка') (всего *на идею* отличающаяся точка зрения); *природата е с една идея по-дива* (природа *на идею* более дикая); *Европа е една идея по-защитена от криза* (Европа *на идею* более защищена от кризиса). С другой стороны, однако, заметно стремление к использованию единиц подчеркнута агрессивной семантики. Показательным представляется казус со словами *хейтър* / *хейтя* / *да хейтим* (от англ. hate — ненавидеть; ненависть), широко используемыми в современных массмедиа, о чем недвусмысленно свидетельствуют 72 200 результатов поиска в <https://www.google.bg/> по ключевому слову *да хейтим*, ср.:

novini.dir.bg/

Ние трябва да хейтим. Имаме малко време да унизим Поли Генова.

[Нам надо хейтовать. Есть еще немножко времени унизить Поли Генову.]

[https://m.offnews.bg/...](https://m.offnews.bg/)

Е малко се уливате с хейтърските си коментари, на нас българите ни е много лесно да псуваме пред телевизора или да хейтим в чата.

[Слушайте, вы прямо переборщили со своими хейтторскими комментариями, нам болгарам слишком легко сидеть перед телеком и хейтить в чате.]

www.bgnow.eu/news

Твърде гадно е да хейтим хора, които са изпаднали в беда, дори и мислейки си, че така защитаваме себе си...

[Слишком гадко хейтить людей, попавших в беду, даже если думаем, что защищаем себя...]

Вместо комментария достаточно поискать аутентичную дефиницию значения слова в online-словарях языка улицы ВГжаргон и Neolog:

www.bgjargon.com/word/meaning/хейтя

хейтя: (англ. 'hate' — „мразя“) отнасям с негативизъм или омраза към нещо; мразя, ненавиждам някого.

[**хейтя** (англ. hate — ненавижу): отношусь негативно или с ненавистью к чему-л.; ненавижу кого-л.]

<http://neolog.eenk.com/search/hate>

хейтва — гледа лошо, мрази и т. н.

[**хейтва** — смотрит с ненавистью, ненавидит и т. д.]

Из этих двух дефиниций значения глагола *хейтя* становится явным, что семантиче-

ский диапазон глагола довольно широк — от нейтрального неприятия до ненависти, что находит отражение и в дешифровке производного слова *хейтър* как ‘враг’, ‘оппонент’, ‘конкурент’, ‘соперник’, ‘скептик’, ‘асоциальный (человек)’:

VGжаргон

хейтър

Може би се досещате от името... *hater* — мрази всички. Хейтър е човек, който мрази всички около него.

[Может быть, вы догадываетесь по имени... *hater* — ненавидит всех. Хейтър — это человек, который ненавидит всех вокруг себя.]

Тоз голям хейтър е... [Ну и хейтер...]

хейтър

Злобен, човек — асоциален, без личен живот, мрази всичко и само гледа да го показва.

[Злобный человек — асоциальный, без личной жизни, ненавидит все и норовит это показать.]

Тоя Рашо е голям хейтър, само хейтва във форума, да еба и убитака. [Этот Рашо большой хейтар, то и дело хейтует в форуме, ну и лузер, бля...]

хейтър

Човек, който обичайно е в позицията да се отнася негативно към нещо, което повечето хора одобряват; негативен, враждебно настроен тип. Тук трябва да се обърне внимание, че днес думата „хейтър“ често се използва и по адрес на хора с критично мислене, като по този начин им се лепва отрицателен етикет, а мнението им не се взима предвид (дори и да е правилното). В това отношение „хейтър“ е близко по смисъл до „критикар“.

[Человек, который, как правило, относится негативно к тому, к чему большинство людей относится с одобрением; негативный, враждебный тип. Надо обратить внимание на то, что в наши дни слово *хейтър* часто используется в адрес людей критически мыслящих, к которым приклеивается ярлык негативности, а их мнение не учитывается (даже если оно правильно). В этом плане *хейтър* близко по смыслу к *критикар*.]

— *Филма беше мноу як, изкефи ме!* [Фильм был клеветный, я прям кайфовал!]

— *Мен па хич не ме изкефи...* [А мне он совсем не понравился ...]

— *Абее ти па си ебати хейтѳра, тебе кво ли па те кефи?!* [Ну ты и хейтер, бля, тебе вообще что-нибудь нравится?!]

В компания, в която цари пълно единомислие... [В компании, в которой царит полное единомыслие...]

— *Значи още веднѳж сме съгласни всички?...Айде бе, няма ли някой хейтѳр, тука станахме като на комсомолска сбирка!* [Значит, еще раз все мы согласны?...Елки-палки, нету ли хоть одного хейтера, прям как на комсомольском собрании!]

хейтър

Неспособен да постигне сам нещо — плюе по талантливите и способните с повод и без повод! И понеже няма смелост публично да се изкаже/особено при липса на достоверни аргументи/ — в повечето случаи е анонимен!

«Я не сакам да съм добре, ама много ми е арно — кога Вуте е зле!!!»

[Неспособный добиться чего-л. без чужой помощи — оплевывает талантливых и

способных по поводу и без повода! И поскольку боится высказаться публично (особенно при отсутствии достоверных аргументов) — в большинстве случаев делает это анонимно!

«Мне не важно, чтобы мне было хорошо, мне хорошо, когда Вуте плохо!!!» (болг. посл.).]

хейтър

Вечно несъгласен, недоволен, скептик. Човек, чието единствено призвание е да мрази всички и всичко. Хейтърът намира недостатъци във всичко, което не е негово, не притежава или не може да прави.

От английски “to hate” — мразя.

[Вечно несогласный, недовольный, скептик. Человек, чье единственное призвание — это всех и все ненавидеть. Хейтер находит недостатки во всем, что не принадлежит ему или что ему не под силу.

От англ. to hate — ненавидеть.]

– *Аре ве глупости ся, каква е тая кола Корвет-а, хем скъпа хем не изглежда толкоз добре. Аз ши си карам Голфа пък нека ми е зле.* [Что за глупости вы мелете... что за машина этот Корвет, и дорогая, и снаружи так себе. Я буду рулить на своем Гольфе, а вы — завидуйте.]

– *Абе Гошо ти си ебаси хейтъра, глей къв самолет е тая кола ти пак реवेश.* [Ну ты, Гошо, ну ты и хейтер, бя... Это не машина, а самолет, а тебе все не то....]

Neolog

Хейтър — враг, опонент, конкурент, съперник. Такъв, който ти е неприятен и ти си му неприятен и изпитва омраза.

[**Хейтер** — враг, оппонент, конкурент, соперник. Человек, который тебе неприятен и которому ты неприятен и поэтому он тебя ненавидит.]

Хейтър [2] — скептик. Човек, чието единствено призвание е да мрази всички и всичко. Хейтърът намира недостатъци във всичко, което не е негово, не притежава или не може да прави.

[**Хейтер** [2] — скептик. Человек, чье единственное призвание — это всех и все ненавидеть. Хейтер обнаруживает недостатки во всем, что ему не принадлежит или что ему не под силу.]

Случай с глаголом *хейтя* асоциируется с еще одной тенденцией в лексиконе современных болгарских массмедиа, а именно с использованием слов, максимально нагруженных эмоцией, отношением или оценкой, в случаях, когда для соответствующего контекста более уместными представляются нейтральные употребления. В этих случаях выбор подобных средств, вероятно, связан со стремлением говорящего к экспрессивному, цветастому способу выражения. В то же время следует отметить, что есть ситуации, в которых слово *хейтя* можно было бы толковать единственно как неуместный сленгизм, как злоупотребление. Это наблюдается, когда делаются попытки употреблять слово вне области действия соответствующего социолекта, как, например, случай во время спортивной передачи в начале августа 2016 г. на одном из болгарских национальных телеканалов. Более серьезным поводом для беспокойства в связи с этим случаем является справка в ВГжаргон, которая недвусмысленно показывает, что глагол *хейтя* уже находится на

одной довольно продвинутой стадии приобщения к болгарскому языку. Доказательством этого является участие данного слова в словообразовательном гнезде (*хейтя, хейтвам, хейтър, хейтърство, хейтърсексуален, Хейтър Пейтър*), факт, который сам по себе является критерием интеграции иноязычных слов (о критериях приобщения (интеграции) иноязычных слов подробно см. в некоторых работах [Попова 2003: 141–142; Колковска 2012]) (ср.: <http://www.bgjargon.com/word/meaning/хейтя>).

В современных массмедиа слова подвержены самым разным экспериментам. Очень часто это делается в целях достижения экспрессивного выражения, но есть и случаи серьезных попыток легитимации определенного иноязычного слова, какого-нибудь семантического или деривационного неологизма и т. д. В этом плане как слишком экстремальные можно оценить попытки нейтрализации каузативности у глаголов дихотомии «каузативный — некаузативный» (*плаша — страхувам се — пугаю, пугаюсь*), которыми изобилует публичное пространство: *Властите страхуват хората*. Данный тип ненормативного добавления семантического признака «транзитивность — каузативность» к глаголам, которые им не обладают, затрагивает семантическую структуру глагола в общем категориальном смысле. В то же время в массмедиа часто встречается и другое нарушение, связанное с каузативностью, затрагивающее оппозицию «причина — следствие», как в случаях употребления глагола *фалирам*, при которых сема 'результат' спекулятивно заменяется семой 'причина': *Кой фалира КТБ! Кой иска да фалира банките! Касите фалираха хората* [Кто фалировал КТБ! Кто хочет фалировать банки! Кассы фалировали людей].

Включение в массмедийный лексикон подобных единиц, в которых явным образом целенаправлено деформирована семантико-категориальная структура глагола, можно было бы интерпретировать в некоторой степени как семантические инфантилизмы, поскольку они характерны для детской речи. Так, в психолингвистике развития подобные ошибки ассоциируются с идеей незрелости, а американская исследовательница Мелиса Бауерман [Bowerman 1974] даже склонна идентифицировать их как определенный этап языкового созревания ребенка. Объяснение их появления в массмедиа можно было бы увидеть в попытке имитировать детскую речь, причем ожидаемый эффект подобного употребления — это подчеркнутая экспрессивность и образность.

Слова в сетях современных массмедиа оказываются в чрезвычайно зависимом положении от ситуации общения. Их функционирование в реальном времени определяет и формальный, и семантический их статус. Так online рождаются новые синонимы, омонимы, паронимы. В связи с этим серьезный повод для размышления дает перевод субтитров фильмов. Например, в российском сериале «Бандитский Петербург» каждый болгарский зритель приходит в шок от буквального перевода названия реки Мойка как *мивка* в выражении *апартамент с прекрасен изглед към мивката*.

В компьютерно опосредованном общении, которое все более завоевывает территорию формата face to face в сфере массмедиа, словарю коммуникантов, более или менее скрытых за маской анонимности, грозит обезличивание, экстремальное огрубление и вульгаризация и / или технократизация. Иллюстрация сказанному — экстремальная эскалация инвективов (оскорбительных слов и выражений) в комментарном форуме по теме *Бойко Борисов освиркан в Благоевград — обижда хората!*, являющейся доминирующей среди 53 публикаций (URL: <http://spodeli.eu/>). Среди них незначительна доля таких средств, как, прецедентность и словообразовательная трансформация, в которых ведущим является стремление к образности, колоритности, экспрессивности: *трябва да му викат „Разбойко“* (своеобразная контаминация слов *разбойник* и *Бойко*); *Умре*

циганката дето те хвалеше добре (прецедентное выражение).

Массмедийный лексикон и online-словари. Как уже было подчеркнуто, словарь современного болгарского языка — исключительно динамичный феномен, в котором с трудом можно было бы уловить и описать пунктуально и скрупулезно все единицы и процессы. В еще большей степени это относится к лексической системе массмедийного лексикона. В качестве доказательства можно обратиться к некоторым из анализированных в предыдущих параграфах случаев. При попытке представить их место в нормативных и ненормативных словарях болгарского языка, опубликованных в Интернете, использованы лексикографические ресурсы БАН, электронные толковые, синонимические и универсальные словари в пространстве Интернета, а также словари «словаря улицы» ВГжаргон и Neolog. В каждом из них соблюдается хорошая лексикографическая традиция представления значения слова через дефиницию, приведение синонимов, примеров реального употребления в речи.

Генеральное отличие ВГжаргон и Neolog от всех остальных указанных словарей состоит в том, что в них доминирует эмоциональный, оценочный компонент значения, что в большой степени связано со специфическими сферами употребления и участия пользователей в составлении словарных статей, причем отсутствует установка на общую статическую модель интерпретации. Например, в представленных выше дефинициях значения слова *хейтър* в ВГжаргон просто опубликованы несколько словарных статей, чьими авторами являются различные пользователи без какой-либо попытки обобщить их в единую модель. Эта «сырая», необработанная презентация дает только общую идею для определения границ многозначности и омонимии, но не предлагает окончательного решения. Это практически показывает, что слово *хейтър*, вероятно, находится на продвинутой, но все-таки «неокончательной» стадии интеграции. В то же время подобный динамический формат представления той или иной лексемы дает возможность учесть ее зависимость от ситуации и неписаных правил Сети. В поддержку данного утверждения можно указать на обособление формы множественного числа *хейтър* в отдельную словарную статью. Она соотносима с *хейтър* в том же значении, что и *критикар*, на что указывают как дефиниция значения, так и концепты из рубрики «Этикетки» — *всезнайко, хейтър, неприязнен, неприятен, нахален*. В то же время как раз под главным словом очень конкретно специализируются употребления данного названия — *интернет кореспонденти, интернет комуникатори, най-долна порода хакепи* (URL: <http://www.bgjargon.com/word/meaning/хейтър>).

Следует отметить, что интерактивный интерфейс словарей ВГжаргон и Neolog делает их очень удобными как для пассивных и активных пользователей, так и для исследователей. Создаются максимальные возможности для извлечения информации о статусе лексических единиц, причем в динамическом режиме.

Заключение. В настоящем исследовании предпринята попытка представить массмедийный лексикон в реальном режиме употребления на примере наблюдения и анализа отдельных случаев. В обобщении можно выделить как его наиболее существенные специфические характеристики исключительную динамичность и высокую степень визуализации лексических средств. При этом, однако, следует отметить, что в одной небольшой по объему статье невозможно охватить и развернуть все нюансы обозначенных проблем. В этом смысле предлагаемое исследование можно было бы рассматривать как начало будущих перспективных научных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Н. Речник на нови и най-нови думи в българския език. София: Пеликан Алфа, 1995.
- Благоева Д. Дефразеологизацията като източник на лексикални и семантични иновации в съвременния български език // Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова. София: Проф. Марин Дринов, 2011. С. 139–151.
- Благоева Д. Неологизмите в съвременния български език // Български език и литература. 2006. № 6. С. 16–25.
- Бонджолова В., Пенкова А. Речник на новите думи в съвременния български език. Велико Търново: Слово, 1999.
- Добрева Е. Демократизация, колоквиализация и / или постмодернизация в медийния дискурс // Тенденции и процеси в българския език. Шумен: Еп. Константин Преславски, 2004. С. 139–174.
- Добрева Е. За българския език и някои световни тенденции // Отговорността пред езика. Шумен: Еп. Константин Преславски, 2001. С. 93–103.
- Зидарова В. Динамика и актуални тенденции в съвременната българска лексикална система // Класика и авангард. София: Проф. Боян Пенев, 2006. С. 253–259.
- Йорданова Л. Езикът на промяната. София: Буллекс, 1994.
- Колковска С. Вътрешноезикови фактори за възникването на нови значения в българския език / Български език. 2015. № 2. С. 36–47.
- Колковска С. Динамика и утвърждаване на новите лексикални значения в български език // Български език. 2008. № 1. С. 15–25.
- Колковска С. Прояви на интеграция на неологизмите в българския език // Магията на думите: езиковед. изслед. в чест на проф. Лилия Крумова-Цветкова. София: Проф. Марин Дринов, 2012. С. 120–128.
- Лилова М. Обновяване на българската лексика чрез семантична деривация. София: Рол Къмпани, 2010.
- Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език. София: Наука и изкуство, 2010.
- Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи и значения в българския език. София: Наука и изкуство, 2001.
- Попов Д. Когнитивните метафори — митологизатори в медийния дискурс // Ricerche slavistiche (Roma). 2011. Vol. 9 (LV). P. 169–179.
- Попов Д. Стилистика. Шумен: Еп. Константин Преславски, 2016.
- Попова В. Модные слова — слова с «плохой славой» или символы современности // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. С. 169–178.
- Попова М. Термините «адаптация» и «интеграция» при интернационалните заемки. // Internationalizmy v nové slovní zásobě. Praha: UJČ AV ČR, 2003. P. 141–148.
- Bowerman M. Learning the structure of causative verbs: A study in the relationship of cognitive, semantic and syntactic development // Papers and reports on child language development. 1974. Vol. 8. P. 142–178.

REFERENCES

- Antonov N. Dictionary of the New and latest words in the Bulgarian language [Rechnik na novi i naj-novi dimi v balgarskija ezik]. Sofia, 1995.
- Blagoeva D. Dephraseologization as a source of lexical and semantic innovations in contemporary Bulgarian language [Defrazeologizatsijata kao iztochnik na leksikalni i semantichni inovatsii v savremennija balgarski ezik] // Toids studies in honour of Prof. Sijka Spasova-Mikajlova [Jezikovedski izslednanija v chest na prof. Sijka Spasova-Mikajlova]. Sofia, 2011. P. 139–151.
- Blagoeva D. Neologisms in modern Bulgarian [Neologizmite v savremennija balgarski ezik] // Bulgarian Language and Literature [Balgarskij jezik i literatura]. 2006. No. 6.
- Bondzholova V., Penkova A. Dictionary of neologisms in contemporary Bulgarian language [Rechnik

na novite dumi v savremennija balgarski ezik]. Veliko Tarnovo, 1999.

Bowerman M. Learning the structure of causative verbs: A study in the relationship of cognitive, semantic and syntactic development // Papers and Reports on Child Language Development. 1974. Vol. 8. P. 142–178.

Dobрева E. Democratization, colloquialization and / or postmodernization in media discourse [Demokratizatsija, kolokvializatsija i / ili postmodernizatsija v mediynija diskurs] // Trends and processes in the modern Bulgarian language [Tendentsii i protsessi v balgarskij jezyk]. Shumen, 2004. P. 139–174.

Dobрева E. On Bulgarian language and some international trends [Za balgarskija ezik i nyakoi svetovni tendentsii] // Responsibility before language [Otgovornostta pred jezika]. Shumen, 2001. P. 93–103.

Jordanova L. The Language of change [Ezikat na promyanata]. Sofia, 1994.

Kolkovska S. Dynamics and imposition of new lexical meanings in the Bulgarian language [Dinamika i utvarzhdavane na novite leksikalni znachenia v balgarski ezik] // Bulgarian Language [Balgarskij ezik]. 2008. No. 1. P. 15–25.

Kolkovska S. Exhibitions of integration of neologisms in the Bulgarian language [Proyavi na integratsija na neologizmite v balgarskija ezik] // Magic words [Mfgijata na dumite]. Sofia, 2012. P. 120–128.

Kolkovska S. Intralingual factors for the emergence of new meanings in the Bulgarian language [Vatreshnoezikovii faktori za vaznikvaneto na novi znachenia v balgarskia ezik] // Bulgarian Language [Balgarskij ezik]. 2015. No. 2. P. 36–47.

Lilova M. Renewal of Bulgarian lexis through semantic derivation [Obnovyavane na balgarskata leksika chrez semantichna derivatsia]. Sofia, 2010.

Pernishka E., Blagoeva D., Kolkovska S. Dictionary of new words and meanings in the Bulgarian language [Rechnik na novite dumi i znachenija v balgarskia ezik]. Sofia, 2001.

Pernishka E., Blagoeva D., Kolkovska S. Dictionary of new words in the Bulgarian language [Rechnik na novite dumi v balgarskia ezik]. Sofia: Nauka i izkustvo, 2010.

Popov D. Cognitive metaphors — mythologizers in the media discourse [Kognitivnite metafori — mitologizatori v mediynia diskurs] // Ricerche Slavistiche (Roma). 2011. Vol. 9 (LV). P. 169–179.

Popov D. Stylistics [Stilistika]. Shumen, 2016.

Popova V. Fashionable words — “notorious” words or symbols of modernity [Modnye slova — slova s «plohoj slavoj» ili simvolj sovremennosti] // Stereotype and creativity in the text [Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste]. Perm', 2011. P. 169–178.

Popova M. The terms “adaptation” and “integration” in international loan-words // Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Praha: UJČ AV ČR, 2003. P. 141–148.

Zidarova V. Dynamics and current trends in contemporary Bulgarian lexical system. [Dinamika i aktualni tendentsii v savremennata balgarska leksikalna sistema] // Classic and avant-garde [Klassika i avamgard]. Sofia, 2006. P. 253–259.

УДК 811.161.1'42
ББК 81.2Рус-5
ГРНТИ 16.21.33
КОД ВАК 10.02.19

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ДИСКУРСИВОВ-РЕГУЛЯТИВОВ
В ПЕЧАТНЫХ И ЗВУЧАЩИХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Елена Юрьевна Викторова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 410012, Саратов, Астраханская, 83, корп. XI.
E-mail: helena_v@inbox.ru.

© Викторова Е. Ю., 2017

Постановка проблемы. В арсенале успешных коммуникантов находится выработанный веками большой набор вспомогательных вербальных и невербальных средств, помогающих им ориентироваться в своей речи и в процессе взаимодействия с адресатом, но не содержащих фактуальную информацию. Эти средства выражают дискурсивно-прагматическую информацию, которая направлена на организацию дискурса и речевого контакта, на самовыражение автора и взаимодействие его с адресатом. Все вербальные средства такого рода мы объединяем в систему вспомогательных коммуникативных единиц (ВКЕ) — дискурсивов, функционированию которых в газетной и радиоречи и посвящена данная статья.

ВКЕ рассматриваются нами как особая транскатегориальная система единиц, основное предназначение которых состоит в помощи коммуникантам (и адресанту, и адресату) в речевом оформлении мыслей на всех стадиях дискурсивного процесса — во время создания, реализации и восприятия дискурса. Такие единицы минимизируют усилия слушающего по обработке информации, помогают избежать неоправданных когнитивных усилий при интерпретации коммуникативных намерений говорящего. ВКЕ помогают не только адресату, но и адресанту: упорядочивают мыслительный процесс и речевую деятельность, формируют своего рода опоры, помогающие продвижению дискурса, расставляют акценты, т. е. способствуют созданию доступного, понятного, эффективного дискурса [Дискурсивные слова 1998; 2003; Сиротинина 2008; Андреева 2005; Викторова 2016].

В отличие от других исследователей дискурсивов мы в систему ВКЕ включаем не только классические дискурсивы (вводно-модальные слова и частицы), но и синкретичные, передающие одновременно со вспомогательной и основную, фактуальную информацию. К последним

можно отнести авторизирующие конструкции с ментальными и речевыми глаголами, модальные глаголы и предикативы, адресации и др.

История вопроса. Современные СМИ являются важным общественным инструментом информирования общества и воздействия на него. СМИ формируют взгляды и ценности общества, нормы и правила социального взаимодействия, в том числе и речевого. Являясь персуазивным дискурсом, медиатекст наряду с приемами открытого убеждения, влияющего на разум читателя, оперирует и манипулятивными приемами, имплицитно воздействующими на сознание и подсознание адресата [Клушина 2008]. О тесной связи суггестивного и информативного в медиадискурсе пишет М. Р. Желтухина: дискурс СМИ все более становится побудительным, «нацеленным на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата» [Желтухина 2015: 202].

В колонках, информационно-аналитических статьях и радиопрограммах ведущей стратегией является оценочная (или интерпретативная), а информационная и императивная выступают как вспомогательные. По мнению многих лингвистов, оценка выступает «дискурсивной доминантой, составной частью лингвистики убеждения» [Клушина 2008: 100]. В этой связи лингвистами отмечается двойственность коммуникативной установки информационно-аналитических материалов — стремления, с одной стороны, предоставить достоверную, объективную информацию, а с другой — транслировать социальные ценности, базирующиеся на определенной картине мира, которая, как и любая картина мира, субъективна. В итоге, как полагает О. В. Ширяева, оценочность медиадискурса реализуется набором имплицитных коммуникативных стратегий и тактик, причем явная позиция автора предстает как объективная, а субъективное начало реализуется в контекстуальном, стилистическом и композиционном аспектах дискурса [Ширяева 2015].

Л. Р. Дускаева пишет, что диалогичность оценочных жанров «направлена на то, чтобы побудить адресата включиться в активную мыслительную деятельность, вызвать сочувствие у реципиента»; в этих жанрах проявляются «адресованность, ответственность, рефлексивность авторского изложения», необходимые «для достижения взаимопонимания между автором и читателем». Однако без информационного компонента оценочная интерпретация невозможна. Что касается императивного компонента, то он подразумевает «направленность газетных текстов на стимулирование гражданской активности» читателей, т. е. газета осуществляет «социальное ориентирование на действия» [Дускаева 2008: 125, 135–136]. Если информация и оценка в аналитических статьях и колонках присутствуют, как правило, в явном виде, то их императивность в основном имплицитна: побуждение к действиям реализуется с помощью различных косвенных тактик и стратегий, направленных на активизацию мыслительной и физической деятельности адресата; наблюдается, по мнению Н. И. Клушиной, «использование старательно завуалированного манипулирования общественным сознанием» [Клушина 2008: 101].

М. А. Кормилицына и О. Б. Сиротинина пишут, что в современных СМИ оценочный компонент порой выражен сильнее информативного и иногда даже в ущерб информативному: часто для журналиста «главное — заявить и доказать свое мнение, отразить свой взгляд на излагаемые факты». Именно «субъективные смыслы организуют весь текст», а объективные, связанные с информированием о событиях реальной действительности, часто подчиняются субъективному и служат «лишь для аргументации справедливости авторской позиции». Однако наряду с субъективизацией в современных СМИ проявляется и противоположная тенденция — «завуалирование чрезмерного

субъективизма и открытости самовыражения и, как следствие, увеличение доли чужого слова, полемичности, усиление интертекстуальности» и диалогизации текстов [Кормилицына, Сиротинина 2011: 57].

Большую роль в создании персуазивного, убедительного и привлекательного во многих отношениях для адресата медиадискурса играют ВКЕ. Лингвисты отмечают активизацию ВКЕ в современном медиадискурсе и связывают это с их способностью актуализировать фигуру и позицию автора, создавать впечатление непосредственного общения с читателем и слушателем, облегчать восприятие ими текста, управлять их вниманием, а также представлять свою позицию и свое лицо в наиболее привлекательном виде [Кормилицына, Сиротинина 2011; Кормилицына 2011; 2014; Уздинская 2013; 2014; Манаенко 2015]. Грамотное использование ВКЕ, несомненно, способствовало тому, что в современных СМИ появилась субъективизация и даже интимизация общения, доверительная тональность изложения. Использование ВКЕ — это одно из проявлений заботы адресанта о понимании созданного им текста адресатом: ВКЕ помогают и облегчают восприятие и понимание любой информации. Всемирная помощь адресату для правильной интерпретации написанного является одной из составляющих коммуникативной компетенции журналиста [Кормилицына, Сиротинина 2011].

Системное изучение дискурсивов началось в зарубежной лингвистике в конце 1980-х годов, в российской — с конца 1990-х. Материалом исследования для зарубежных лингвистов чаще всего становилась устная (разговорная) речь, для отечественных — художественная, реже научная. Материалы СМИ для исследования функционирования дискурсивов используются гораздо чаще в отечественной лингвистике, чем в зарубежной [см., напр.: Кормилицына 2011; 2014; Уздинская 2013; 2014; Ширяева 2013; 2015; Манаенко 2010; 2015; Dafouz-Milne 2008 и др.]. Мы считаем, что такие исследования необходимы и очень показательны, так как СМИ являются ярким примером живой современной речи, одной из основных форм языкового существования [Володина 2011]; и в речи СМИ, как показал наш анализ, дискурсивы и частотны, и разнообразны [Викторова 2016].

Е. Ю. Викторова обосновала целесообразность выделения двух типов ВКЕ: дискурсивов-организаторов, ориентированных на организацию дискурса, его цельность и связность, и дискурсивов-регулятивов, служащих для демонстрации авторского мнения, отношений, оценок и регулирования взаимодействия адресанта с адресатом. ВКЕ в целом (организаторы и регулятивы) в радиоречи употребляются чаще, чем в газетной, в 1,6 раза, т. е. в устных жанрах (причем не только медиадискурса, но и, например, научной речи) ВКЕ отличаются большей частотностью по сравнению с письменными. Это различие складывается главным образом вследствие высокой частотности в устной речи дискурсивов-регулятивов, которые в большей степени, чем организатор, участвуют в создании интерактивного, лично ориентированного, оценочно-модального, адресованного медиадискурса. Регулятивы оказались более частотными и в газетном, и в радиодискурсе, поэтому в данной статье основное внимание будет уделено именно регулятивам, а точнее трем их разновидностям: акцентивам, сигналам повышения / понижения категоричности и авторизирующим конструкциям.

Описание методики исследования. Данное исследование основано на сравнительном анализе русскоязычных газетных и радиоматериалов. Во-первых, были проанализированы колонки и аналитические статьи из газет «Московский комсомолец» (МК), «Российская газета» (РГ), «Комсомольская правда» (КП). В «Московском комсомольце» формально колонок, т. е. материала, опубликованного узкой длинной вертикальной

полосой, нет, но есть рубрика «Свободная тема», которая по содержанию и манере изложения практически ничем от колонок не отличается, поэтому и была использована нами как аналог традиционной колонки. Во-вторых, были исследованы тексты информационно-аналитических радиопередач с общественно-политической тематикой: «Суть событий», «Код доступа» (авторские программы-монологи А. Венедиктова, С. Пархоменко, С. Бунтмана, К. Ремчукова, Ю. Латыниной), программы-интервью «Особое мнение», «Выбор ясен», звучащие на радиостанции «Эхо Москвы»; гости этих передач — известные журналисты, политологи, политики (М. Барщевский, Е. Альбац, Е. Ясин, Н. Сванидзе, Л. Радзиховский); ведущие — журналисты М. Королёва, Т. Фелленгауэр, К. Орлова. Кроме того, исследованы интервью радиопередачи «Особое мнение» (ведущий И. Гмыза) радиостанции «Радио России», гостями которой являются политики, представители общественных организаций, специалисты разных областей. Выбор в качестве материала исследования именно этих жанров объясняется ярким проявлением в них субъективизма, актуализации авторского я, экспрессивности, оценочности, эмоциональности, подчеркнутой объективности и адресованности. Все эти свойства находят свое отражение в употреблении ВКЕ, которые в этих жанрах обладают наибольшей частотностью [подр. см.: Викторова 2016].

В процессе исследования применялся описательный метод с методиками контекстного наблюдения, дискурсивного анализа, а также количественных методик. Всего в ходе исследования проанализировано около 80 000 словоупотреблений и зарегистрировано 8280 ВКЕ, отобранных методом сплошной выборки.

Анализ материала. Набор регулятивных дискурсивных функций потенциально одинаков и для газет, и для радиодискурса: в ходе исследования были выделены авторизирующие конструкции, акцентивы, ментальные перформативы, сигналы повышения / понижения категоричности, рефлексивы, дискурсивы-оценки, эмотивы, дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы, и этикетные единицы. Основные различия между исследованными формами медиадискурса состоят в зарегистрированной общей частотности регулятивов, частотности их функциональных подтипов и отдельных дискурсивов. Было доказано, что дискурсивы-регулятивы используются в радиоречи почти в два раза чаще, чем в газетах. При этом среди газетных жанров тоже есть различия: как и следовало ожидать, в более личностно окрашенном и ориентированном на высказывание личного мнения жанре колонки регулятивы встречаются чаще, чем в других статьях. Эти различия обусловлены ролью, которую играют регулятивы в разных формах и жанрах коммуникации. Остановимся на наиболее частотных подтипах регулятивов, зарегистрированных в нашем материале, и продемонстрируем особенности их функционирования в двух сферах медиадискурса.

Из всех регулятивов чаще всего в исследованных медиаматериалах используются дискурсивы-акцентивы. Но в радиоречи акцентивы в полтора раза более частотны, чем в газетах, при этом наибольшее количество акцентивов зарегистрировано в речи журналистов и гостей радиостанции «Эхо Москвы», что мы связываем с разной стилистикой и манерой общения, принятых в исследованных передачах «Эха Москвы» и «Радио России». На «Эхе Москвы» атмосфера общения более свободная, раскрепощенная, неформальная; гости являются регулярными участниками передач, поэтому и отношения между ними и ведущими напоминают отношения старых знакомых. На «Эхе Москвы» обсуждаются в целом более острые, злободневные вопросы, отсюда высокий уровень открытости, эмоциональности, а иногда и резкости в речи как гостей, так и ведущих, что и способствует частому употреблению в речи акцентивов.

Приведем примеры использования акцентивов из радиомонолога К. Ремчукова: *Модель, базирующаяся на развитии частного капитала, она предполагает совершенно иной тип управления. Ты управляешь либо процентной ставкой, либо налоговой ставкой, либо каким-то регулированием.* <...> **Очень** мало видов деятельности, которые **очень** быстро приносят результат. **Вот**, по моему опыту, нормальную организацию бизнеса в любой среде можно организовать где-то года за три. Тогда можно прекратить **только** тратить деньги и начинать уже возвращать их. **Вот** такой среды предсказуемости, как мы знаем, из-за несовершенства нашей... правоохранительной практики у нас нет (Суть событий. Эхо Москвы. 14 апреля 2014 г.).

Роль акцентивов в газетах и в радиоречи одинакова: они помогают журналистам привлечь внимание читателей к актуальным, важным вопросам, подчеркивают их важность и необходимость их скорейшего решения. Акцентивы помогают журналистам быстрее и эффективнее донести свои мысли и свою позицию до читателя, оказать на него воздействие, убедить в правильности своей позиции, придают словам автора силу, напор, значимость. С помощью акцентивов выделяется важная часть сообщения, фиксируется внимание слушателя на главном, создается нужная эмоциональная атмосфера. Фрагмент колонки Л. Радзиховского, посвященной митингам оппозиции: *Но беда не в исполнителях. Сама роль Лидеров Протеста — пошлая. Цель изображать «непримиримую оппозицию», не имея на самом деле ни идей, ни воли к власти, — обязательно ведет только к имитации. Но если эта оппозиция — имитационная, то где же «подлинная»? (РГ. 2013. 21 мая).* В колонках акцентивы используются чаще, чем в других статьях, и это, разумеется, связано с их ярко выраженным авторским началом и оценочным характером, свободой самовыражения.

В радиоречи по сравнению с газетами репертуар акцентивов примерно одинаков, однако есть существенные расхождения по количеству употреблений отдельных акцентивов и, в частности, по «лидерам» в частоте использования. Акцентивы *вот* и *очень*, имеющие наибольшее количество употреблений среди всех акцентивов в радиодискурсе, в газетах встречаются почти в десять раз реже. Намного чаще, чем в газетах, встречаются в радиоречи и акцентивы *совершенно*, *абсолютно*, *на самом деле*, *действительно*. А дискурсивы *только*, *лишь*, *усилительное и*, конструкции *не только ...*, *но и ...*; *ни ...*, *ни ...*; *либо ...*, *либо ...*; *не просто ...*, *а ...*, наоборот, более частотны в газетах, на радио они встречаются редко. Общим для обеих сфер медиадискурса является частотность дискурсивов *же*, *даже*, *именно*.

Результаты исследования. Высокой степенью частотности обладают в медиадискурсе и сигналы повышения / понижения категоричности. В газетах и радиоречи репертуар данных средств практически идентичен. Дискурсивы повышения категоричности включают в себя сигналы со значением долженствования, обязательности, необходимости, уверенности, точности, запрета, очевидности. Среди самых частотных зафиксированы модальные предикативы и слова *должен*, *надо*, *конечно*, *нужно*, *нельзя*, *очевидно*; глагол *мочь* с отрицанием. В радиоречи частотны также дискурсивные предложения, которые демонстрируют уверенность говорящего: *у меня нет никаких сомнений*; *могу дать гарантию*; *честно вам скажу*; *я в этом уверен*; *сомнений не вызывает никаких*. Роль таких фраз в оказании воздействия на слушающего намного сильнее, чем роль отдельных стандартных дискурсивов: помимо значения категоричности или уверенности они, будучи авторизующими конструкциями, выражают личную позицию автора. Отсюда и более высокая степень убедительности и воздействия в целом, свойственная таким дискурсивным фразам.

Сигналы снижения категоричности демонстрируют, с одной стороны, неуверенность, сомнения, а с другой, вежливость, мягкость авторской позиции, деликатность, уважение к мнению других, осторожность в высказывании своего мнения. Самые частотные средства снижения категоричности в газетах и радиоречи — модальные слова, глаголы и выражения со значением проблематичной достоверности: *мочь*; *можно*; *может быть*; *казалось бы*; *возможно*; *(мне) кажется*; *наверное*; *видимо*, а также сигналы приблизительности *около*; *примерно* и маркеры неточности и неопределенности *вроде (бы / как)*; *где-то*; *как бы*.

В газетном дискурсе наблюдается количественное пусть минимальное, но превосходство сигналов повышения категоричности над сигналами понижения (51 и 49%). Исследованная радиоречь в целом содержит больше сигналов некатегоричности, чем сигналов категоричности, но здесь наблюдается специфика, связанная с ролью говорящего в коммуникации (в интервью речь ведущих значительно менее категорична, чем речь гостей) и монологическим или диалогическим видом речи (монологи гораздо менее категоричны, чем диалоги). Кроме того, отмечены и индивидуальные особенности в употреблении этих дискурсивов: например, речь М. Барщевского и Е. Ясина довольно категорична, а в монологах С. Бунтмана и К. Ремчукова преобладают сигналы снижения категоричности. Однако даже при преобладании в речи отдельных говорящих дискурсивов, повышающих категоричность, мы не можем признать их речь излишне категоричной, так как эта категоричность продуктивна, она отражает стремление журналистов и гостей передач оказать воздействие на аудиторию, убедить в своей точке зрения, привлечь внимание слушателя к своим рассуждениям. Кроме того, категоричность их речи смягчается некоторыми другими дискурсивами, которые не являются специфическими средствами снижения категоричности, но эффект смягчения тоже создают: например, некоторые авторизирующие обороты (*я думаю / считаю, с моей точки зрения*, *по-моему, насколько я понимаю, я догадываюсь, у меня создается впечатление*), рефлексивы (*так сказать, скажем так, если хотите*), адресации (*согласитесь, понимаете, знаете*).

Нам показался интересным отрывок из интервью И. Гмызы с И. Костериной, в котором гостья рассказывает о кавказских обычаях и в частности о различиях в воспитании мальчиков и девочек. В нижеприведенном фрагменте модальные глаголы и предикативы играют ключевую роль в передаче как основного смысла, так и субъективно-модального подтекста речи: когда речь идет о мальчиках и мужчинах, используются глаголы и предикативы со значением возможности, а при разговоре о девочках и женщинах преобладает значение обязанности, необходимости и запрета: *Существует очень жесткая поляризация того, что **можно** мужчинам, что предписано мужчинам как нормативное, и того, чего **нельзя** женщинам. <...> Когда начинается подростковый возраст, то всё, девочка **должна** вести себя более сдержанно... <...> ...Ты **не можешь** свободно куда-то одна пойти, ты **должна** всё время быть под чьим-то контролем, **должна** просить кого-то тебя подвезти или ждать своих папу или брата, которые тебя куда-то сопровождают. <...> ...Девочки **не могут** вечером появляться одни в публичных местах. Это считается неприличным. <...> То есть получается, что женщина на Северном Кавказе — это какое-то существо, за которым **нужен** постоянный контроль... <...> ...За честью девушки **нужно** обязательно следить* (Особое мнение. Радио России. 29 октября 2014 г.).

Приведем пример из монолога К. Ремчукова, в котором употребляются дискурсивы и категоричности, и некатегоричности, но преобладание последних создает общее

впечатление некатегоричности. Ему задали вопрос о требовании со стороны России федерализации Украины: **Мне кажется, в этом требовании заложено известное противоречие, потому что, исходя из логики нашего поведения, такие руководители страны не должны пользоваться уважением, если они пойдут на это. Поэтому, мне кажется, здесь это очень серьезная такая ловушка.** <...> **И, конечно, это требование как требование именно выглядит, на мой взгляд, избыточным** (Суть событий. Эхо Москвы. 14 апреля 2014 г.).

Авторизующие конструкции тоже являются частотным подтипом регулятивов в газетах и в радиоречи. Эти сигналы весьма разнообразны: устойчивые обороты (*на мой взгляд, по-моему*), конструкции с глаголами мнения ((*я*) *думаю, я убежден, смею думать, мы считаем*) и другими глаголами ментальных или речевых действий (*вспоминаю об этом, не стану обсуждать, не скрою, я хорошо помню, мы знаем / рассчитываем / хотим; предлагаю, допускаю, я прекрасно понимаю*). Все эти конструкции, содержащие самоупоминание автора, придают рассуждениям яркую личностную окраску. В газетах они встречаются преимущественно в колонках: понятно, что образ автора, его позиция и просто его присутствие в колонках актуализируются более отчетливо, чем в других статьях. Отсюда и преобладание среди авторизующих сигналов, использованных в колонках, *я*-конструкций. В аналитических статьях авторизующие сигналы в целом используются намного реже и преобладают в них *мы*-конструкции в основном инклюзивного характера: автор чаще всего имеет в виду себя и читателя (*попробуем себе представить, мы помним, мы привыкли говорить, все мы знаем, снова обратимся*). Использование *мы* в газетах можно трактовать как прием удержания внимания адресата в общем с журналистом коммуникативном пространстве, как прием соучастия [Кормилицына 2011]. Один из авторов колонок, А. Максимов, с помощью авторизующей конструкции эксплицитно говорит о том, кого именно он имеет в виду, когда употребляет *мы*: **Мы чего-то никак не можем искоренить этого деления мира на своих и врагов. Мы никак не можем поменять лозунг «Вся наша жизнь есть борьба» на, скажем, «Вся наша жизнь есть познание».** <...> **Когда я говорю мы, я себя не отделяю** (РГ. 2013. 13 мая).

В радиодискурсе авторизующие сигналы в четыре раза более частотны, чем в газетах, и здесь, как и в колонках, доминируют *я*-конструкции, и особенно много их в радиомонологах. Очень много *я*-конструкций в речи главного редактора «Эхо Москвы» А. Венедиктова, что обусловлено статусом говорящего: он много говорит лично от себя, комментирует свои собственные действия и в то же время берет на себя ответственность за всю радиостанцию, не прикрываясь абстрактным *мы*: **Значит, напоминаю, что я отвечаю на вопросы...** <...> **Я отвечаю на несколько вопросов, которые пришли ко мне; Один из первых вопросов касается «Эха», вот, насколько мы там потеряли, не потеряли в утреннем «Развороте», насколько мы проигрываем, не проигрываем, насколько новые пары хорошо работают; Я всегда только говорю: «Если вам нравится другая радиостанция в какой-то час, не слушайте ее». Я не очень понимаю, почему нужно сидеть на нашей волне и слушать; Даже если бы нас в этот момент слушал один человек, мы бы работали столько, сколько слушателей есть. Мы бы так же работали** (Суть событий. Эхо Москвы. 10 января 2014 г.).

Выводы. Продемонстрированные особенности функционирования дискурсивов-регулятивов в газетном и радиодискурсе обнаруживают ряд общих для двух сфер медиадискурса тенденций: преобладание регулятивов над организаторами; выделение акцентивов, сигналов повышения / понижения категоричности и авторизующих кон-

струкций как наиболее частотных подтипов регулятивов; одинаковый набор дискурсивов во всех трех подтипах. Различия между исследованными печатными и звучащими СМИ заключаются в следующем: все проанализированные подтипы регулятивов чаще встречаются в звучащих СМИ; отмечена разная частотность в употреблении отдельных дискурсивов или их подгрупп (например, предпочтение я- или мы-конструкций, склонность к категоричности или некатегоричности). Данные различия связаны главным образом со стилистической и жанровой спецификой газетной и радиоречи. Радио — это более личностно окрашенная и напрямую обращенная к адресату медиасреда. Аудиоканал передачи и восприятия информации, звучащие голоса журналистов и участников передач, их постоянный диалог со слушателем создают особую лирическую доверительную атмосферу, в которой мнение, позиция и эмоции говорящего слышны сильнее и ярче, а значит, и оказывают на адресата более сильное, быстрое, а иногда и помимовольное воздействие. В создании этой атмосферы и в оказании воздействия на аудиторию большую роль играют ВКЕ.

Зафиксированы различия и между разными газетными жанрами и между разными радиожанрами, а также между похожими передачами разных радиостанций. Аналогичное исследование на материале англоязычных СМИ выявило в целом те же тенденции в употреблении регулятивов, что и в СМИ на русском языке [см.: Викторова 2016]. Таким образом, на примере анализа регулятивов в медиадискурсе было доказано, что на употребление дискурсивов в речи влияет не только сфера коммуникации, но и письменная или устная форма речи, монологический или диалогический вид речи, жанр, тема, стилистика и манера общения, а также индивидуальные пристрастия в выборе дискурсивов.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016.

Володина М. Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академ. Проект, 2011. С. 6–19.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М.: Азбуковник, 2003.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.

Дускаева Л. Р. Принципы типологии газетных речевых жанров // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2008. С. 115–143.

Желтухина М. Р. Современный медиадискурс: информативная суггестивность vs. суггестивная информативность // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федерал. ун-та, 2015. С. 192–220.

Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008.

Кормилицына М. А. Как помочь адресату правильно интерпретировать сообщение? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 14. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 14–26.

Кормилицына М. А. Наблюдения над использованием журналистами возможностей русского языка // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академ. Проект, 2011. С. 245–254.

Кормилицына М. А., Сиротина О. Б. Язык СМИ: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011.

Манаенко С. А. Дискурсивные слова как средство обеспечения достоверности и модальности текста // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 9. Ставрополь: Изд-во Ставропол. пед ин-та, 2010. С. 504–512.

Манаенко С. А. Приемы отображения авторских интенций в аналитических текстах современного дискурса масс-медиа // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федерал. ун-та, 2015. С. 239–251.

Сиротинина О. Б. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // Предложение и слово. Саратов: Наука, 2008. С. 341–345.

Уздинская Е. В. Метатекстовые конструкции и особенности их использования в современных газетных текстах // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 14. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 54–76.

Уздинская Е. В. Планируемые и непланируемые эффекты использования акцентирующих частиц (на материале современных газет) // Проблемы речевой коммуникаций. Вып. 13. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 49–64.

Ширяева О. В. Дискурсивные слова как репрезентанты субъективной модальности в жанре аналитической статьи // Изв. Южн. федерал. ун-та. Филологические науки. 2013. № 3. С. 145–152.

Ширяева О. В. К вопросу о конвергенции информационного и аналитического дискурсов в составе медиадискурса (на материале деловой прессы) // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федерал. ун-та, 2015. С. 220–238.

Dafouz-Milne E. The pragmatic role of textual and interpersonal metadiscourse markers in the construction and attainment of persuasion: a cross-linguistic study of newspaper discourse // Journ. of Pragmatics. 2008. No. 40. P. 95–113.

REFERENCES

Andreeva S. V. Constructive-syntactic units of Russian spoken discourse [Konstruktivno-sintaksicheskie edinitsey ustnoy russkoy rechi]. Saratov, 2005.

Dafouz-Milne E. The pragmatic role of textual and interpersonal metadiscourse markers in the construction and attainment of persuasion: a cross-linguistic study of newspaper discourse // Journ. of Pragmatics. 2008. No. 40. P. 95–113.

Duskaeva L. R. Typology principles of newspaper speech genres [Printsipy tipologii gazetnykh rechevykh zhanrov] // Modern journalism language [Yazyk sovremennoy publitsistiki]. Moscow, 2008. P. 115–143.

Klushina N. I. Stylistics of a Journalistic Text [Stilistika publitsisticheskogo teksta]. Moscow, 2008.

Kormilitsyna M. A. How to help the addressee to interpret the message correctly? [Kak pomoch' adresatu pravil'no interpretirovat' soobshchenie?] // Speech communication aspects [Problemy rechevoy kommunikatsii]. Vol. 14. Saratov, 2014. P. 14–26.

Kormilitsyna M. A., Sirotnina O. B. Mass media language [Yazyk SMI]. Saratov, 2011.

Kormilitsyna M. A. Observing journalists using the potential of the Russian language [Nablyudeniya nad ispol'zovaniem zhurnalistami vozmozhnostey russkogo yazyka] // Language and discourse of mass media in the 21st century [Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke]. Moscow, 2011. P. 245–254.

Manaenko S. A. Discourse markers as supportive facilities of a text authenticity and modality [Diskursivnye slova kak sredstvo obespecheniya dostovernosti i modal'nosti teksta] // Language. Text. Discourse [Yazyk. Tekst. Diskurs]. Vol. 9. Stavropol', 2010. P. 504–512.

Manaenko S. A. Ways of reflecting the author's intentions in modern mass media analytical texts [Priemy otobrazheniya avtorskikh intentsiy v analiticheskikh tekstakh sovremennoy diskursa mass-media] // Language. Text. Discourse [Yazyk. Tekst. Diskurs]. Vol. 13. Stavropol', 2015. P. 239–251.

Russian discourse markers: contextual-semantic description [Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya]. Moscow, 1998.

Russian discourse markers: contextual variability and semantic integrity [Diskursivnye slova russkogo

yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo]. Moscow, 2003.

Shiryayeva O. V. Discourse markers as expressions of subjective modality in an analytical article [Diskursivnye slova kak reprezentanty subjektivnoy modal'nosti v zhanre analiticheskoy stat'ii] // Proc. Southern Federal Univ. Philology [Izv. Yuzhn. federal. un-ta. Filol. nauki]. 2013. No 3. P. 145–152.

Shiryayeva O. V. On convergence of the informational and analytical discourses in media discourse (based on business press) [K voprosu o konvergentsii informatsionnogo i analiticheskogo diskursov v sostave mediadiskursa (na materiale delovoy pressy)] // Language. Text. Discourse [Yazyk. Tekst. Diskurs]. Vol. 13. Stavropol', 2015. P. 220–238.

Sirotnina O. B. Discourse markers as a punctuation problem [Diskursivnye slova kak problema punktuatsii] // Sentence and word [Predlozhenie i slovo]. Vol. 9. Saratov, 2008. P. 341–345.

Uzdinskaya E. V. Metatextual constructions and their usage in modern newspaper texts [Metatekstovye konstruksii i osobennosti ikh ispol'zovaniya v sovremennykh gazetnykh tekstakh] // Speech communication aspects [Problemy rechevoy kommunikatsii]. Vol. 14. Saratov, 2014. P. 54–76.

Uzdinskaya E. V. Planned and unplanned effects of usage of accentuation particles (based on modern newspapers) [Planiruemye i neplaniruemye efekty ispol'zovaniya aktsentiruyushchikh chastits (na materiale sovremennykh gazet)] // Speech communication aspects [Problemy rechevoy kommunikatsiy]. Vol. 13. Saratov, 2013. P. 49–64.

Viktorova E. Yu. Satellitic system of discourse: problems of definition and functioning: PhD thesis [Vspomogatel'naya sistema diskursa: problemy vydeleniya i spetsifiki funktsionirovaniya]. Saratov, 2016.

Volodina M. N. Media discourse and information-language ecology of the society [Yazyk SMI i informatsionno-yazykovaya ekologiya obshchestva] // Language and discourse of mass media in the 21st century [Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke]. Moscow, 2011. P. 6–19.

Zheltukhina M. R. Modern media discourse: informational suggestion vs. suggestive information capacity [Sovremennyy mediadiskurs: informativnaya suggestivnost' vs. suggestivnaya informativnost'] // Language. Text. Discourse [Yazyk. Tekst. Diskurs]. Vol. 13. Stavropol', 2015. P. 192–220.

..... **РЕЦЕНЗИИ**

УДК 81
ББК Ш 1
ГРНТИ 16.21
Код ВАК 10.02

.....

Н. С. Цветова
Санкт-Петербург, Россия

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Рецензия на книгу: *Кайда*
Л. Г. Эстетический императив
интермедиального текста :
лингвофилософская концепция
композиционной поэтики.
М. : Флинта : Наука, 2016. 128 с.

.....

Наталья Сергеевна Цветова, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета.
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.
E-mail: cvetova@mail.ru.

© Цветова Н. С., 2017

В новой монографии профессора факультета журналистики Московского государственного университета Людмилы Григорьевны Кайды развиваются идеи, высказанные в серии хорошо известных профессиональному сообществу монографий («Эссе: стилистический портрет», 2008; «Композиционная поэтика текста», 2011; «Интермедиальное пространство композиции», 2013). Новую публикацию проф. Л. Г. Кайды можно считать на данный момент завершающей в цикле научных публикаций, в которых предложен оригинальный взгляд на функционально-речевую специфику сложнейшего по своей природе интермедиального текста, доминирующего в современном медийном пространстве. В данном случае известный исследователь сосредоточила внимание прежде всего на категории адресанта, на проблеме сотворчества автора и читателя, зрителя, слушателя и рассматривает эту проблему в соотнесенности с современной филологической теорией коммуникации.

Особая ценность этой работы определяется лингвофилософским подходом к решению этой сложнейшей задачи, обеспечивающим преодоление проблемно-тематического прочтения текста, — стремлением к постижению «стилистического механизма интермедиальности, в котором закодировано эстетическое кредо творца» (с. 8), нацеленностью адресанта-профессионала на максимальное приближение к авторскому замыслу. И главное, на наш взгляд, что удалось сделать Людмиле Григорьевне, — предложить широкому кругу читателей свой опыт, собственную методику декодирования смысловой структуры сложнейших текстов — от «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого и «Гранатового браслета» А. Куприна до рассказа современного прозаика М. Петрова «В концерте».

Некоторые аналитические главы, презентующие методику рецензирования

результатов «приключений художественного текста на экране и на сцене», могли бы быть включены в учебник для арт-журналистов, в набор профессиональных компетенций которых входит умение на первом этапе работы над текстом выявлять его смысловую структуру «как результат смыслового взаимодействия синтаксических единиц, его составляющих, в сравнении с прямым смыслом этих единиц. На втором — композиционном уровне выявлять реальный смысл синтаксических структур, составляющих компоненты композиции (заголовка, зачина, концовки, авторских отступлений и т. п.)» (с. 29).

Но хотелось бы обратить внимание и на то, что эта работа имеет и вполне определенное теоретико-методологическое значение, связанное с отчетливо обозначившимся в последние годы новым для отечественной функциональной стилистики проблемным полем — лингвофилософским осмыслением, описанием эстетизации медийного пространства, которая находит воплощение в самых разных речевых явлениях и текстовых категориях. Зона научных интересов Людмилы Григорьевны — отражение в композиции текста эстетического кода диалога, к постижению «космического потенциала» которого пытается приблизиться исследователь, осваивая и предлагая читателю в емкой и лапидарной форме синтез классических теорий, новейших российских и зарубежных концепций, расшифровки актуальных идей.

Наверное, нельзя говорить о том, что найдены ответы на все вопросы, связанные с композиционной поэтикой интермедialного текста. Исчерпывающее решение этой задачи не по силам одному исследователю. Но в основном определен круг требующих серьезного внимания ученых терминологических единиц, выявлены методологически зыбкие зоны, т. е. достаточно четко обозначен один из вариантов научного поиска.

С определенной долей уверенности можно сказать, что монография вызовет отклик в научной среде, спровоцирует споры, заставит размышлять над значительными научными проблемами, которые в той иной степени связаны с текстлингвистикой. Наверняка придется вернуться к спорам по поводу институциональных особенностей современных алгоритмов текстопорождения, действующих в российском медийном пространстве в том числе. Работ такого типа сегодня, несмотря на обилие научной продукции, так или иначе связанной с функциональной стилистикой, с медиалингвистикой, с лингвистикой текста, выходит немного, и они нужны.

..... ХРОНИКИ

УДК 81'33
ББК 81.1
ГРНТИ 16.31.51
КОД ВАК 10.02.19

E. A. Shcheglova
St Petersburg, Russia

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE
“THE WORLD IN PICTURES
AND PHRASEOLOGY”:
PROBLEMS AND RESULTS**

.....
Ekaterina Alexandrovna Shcheglova, lecturer of
the Department of speech communication, St.
Petersburg State University.
199004, Saint Petersburg, 1st Line of Vasilevsky
Island, 26, r. 703.
E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

© Shcheglova E. A., 2017

The International scientific and practical conference “The World in Pictures and Phraseology” took place on November 24th–26th, 2016 in the oldest university in the Czech Republic — Charles University in Prague. The professor of the pedagogical faculty of Charles University in Prague professor Ladislav Yanovets became the main organizer and the ideological inspirer of this conference.

The conference “The World in Pictures and Phraseology” was held at Charles University in Prague for the first time, however, the relevance of the declared perspective and the interest of the researchers from the different countries gives grounds to assume that this scientific meeting will not become the last.

The conference brought together the participants from the Czech Republic, Russia, Ukraine, Poland, China and Kazakhstan. In the program of the conference the various aspects of the phraseology studying were presented: the methods of the phraseology studying, the phraseology in the new and traditional media, the phraseology in the literature, the phraseology and discourse, the phraseological units in the language pictures of the world, the reflection of the stereotypic national representations in the phraseology, the phraseology and communication and others. At the plenary meeting the representatives of the university addressed the participants with welcome speeches and wished the fruitful work within the walls of Charles University in Prague.

As one of the main vectors of discussion within the conference the perspective connected with the functioning of the phraseological units in mass communication was planned. The reports on this perspective were submitted on the sections “The Phraseology in New and Traditional Media” and “The Phraseology and Discourse.”

Within the first of them the reports which affected various aspects of the use and functioning of phraseological units in the media text were given. The comparative

aspect in the semantics studying of the phraseological units was affected in A. S. Makarov's report "Change of semantics of gallicism winged expressions in the modern Russian and French journalism". V. Barbazyuk raised the question of the symbolical transformation of the figurative units of speech in publicist texts. K. Kiuru covered a problem of a steady visual component in a modern picture of the world. B. Junkova in the report told about the functioning of the phraseological units in the modern Internet discussions.

The representatives of the St Petersburg school of media linguistics considering the phraseological unit as a text element became the participants of the section "Phraseology and Discourse." N. A. Prokofieva's report opened a meeting of the section and was devoted to consideration of the phraseology metaphors in the journalist text creating, the idea about appealing to the phraseological resources because of phatic mass media communication was proved. Yu. M. Konyaeva's report was devoted to the transformation of phraseological units in Russian media on the material of portrait publications, from a position of intentional stylistics speaker investigated the potential of the transformed phraseological units in the media texts about well-known creative personality. E. A. Shcheglova's report about phraseological features in the traveling sketches of the 2nd half of the 19th century (on the example of the traveling sketches "The Frigate Pallada" by I. A. Goncharov) was devoted to the research of the phraseological units role in the genre of the traveling sketch in historical aspect. As the representative of the Czech school of the phraseological units in a public discourse studying M. Dobrova made the report about the functioning of Russian phraseology in the discourse space of the Internet in which revealed the main features of the phraseological units using in the Internet communication.

At a final meeting the conference results were summed up, the main vectors of the phraseological units studying in modern science were planned.

АННОТАЦИИ

Н. Е. Сулименко

Санкт-Петербург, Россия

К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА (МЕДИА)ТЕКСТА: О ТЕНДЕНЦИЯХ ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются спорные вопросы анализа (медиа)текстов, делается вывод о необходимости совмещения разных видов лексического анализа: системно-структурного, коммуникативного, когнитивного, лингвокультурологического, синергетического. Для успешного взаимодействия человека с постоянно меняющейся средой исходным оказывается для него когнитивный анализ. Спорным оказывается содержание некоторых лингвокогнитивных терминов (*дискурс, ментальные репрезентации, концептуальные оппозиции* и т. д.). Предложено освещение лексической структуры (медиа)текста с синергетических позиций, поскольку синергетика выступает «зонтиковым» термином, а ее аппарат используется разными науками. С этих позиций рассмотрена роль случайности, суперкатегории бытийности, работа системы в режиме обострениями, последнее очень важно для изучения тенденций развития медиалингвистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: (медиа)текст, лексическая многозначность, ментальные репрезентации, концептуальные оппозиции.

Надежда Евгеньевна Сулименко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 52, к. 36.

E-mail: sulimenko_39@mail.ru.

Т. И. Краснова

Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРС: ИДЕОЛОГЕМА ИЛИ ТЕРМИН

В статье рассматривается актуальная проблема металингвистического и метаречевого порядка, связанная с употреблением термина *дискурс*. Эта проблема имеет отношение к образовательному циклу дисциплин гуманитарно-лингвистической подготов-

ки. Иногда научное слово, подобно идеологеме, оказывается объектом манипуляции вследствие того, что сумма его существенных признаков может быть представлена по-разному, а их иерархия выстроена в соответствии с потребностями той или иной стратегии конкретного описания. Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова *дискурс* как инструмента тематического описания поля массмедиа. Нам представляется, что в центре внимания современных исследователей СМИ должна быть медиалингвистика с социологическим акцентом, т. е. с вниманием к идеологии (интерпретации «мира»), а также к дискурсивным практикам, дающим выход в изучение оттенков общественного мнения, его затемненных зон и проблемных состояний. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дискурс, дефиниция, терминология, образование, медиалингвистика.*

Татьяна Ивановна Краснова, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: taikrasnova@yandex.ru.

А. Н. Байкулова
Саратов, Россия

ПЕРСУАЗИВНЫЕ ПРОГНОЗЫ И СЦЕНАРИИ В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ФУНКЦИИ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ)

В статье на материале традиционных и электронных СМИ рассматриваются персуазивные высказывания, прогнозы и сценарии (ПП и ПС), которые можно считать важнейшим элементом инструментария воздействия, эффективно используемым современными политиками и транслируемым через массмедиа. Анализ политического дискурса (интервью известных политиков) позволил выявить основные функции ПП и ПС: прогнозирование, планирование, создание образа времени, аргументация; самопрезентация и формирование имиджа говорящего / пишущего; дистанцирование; критическое осмысление позиции оппонентов и др.

Степень эффективности воздействия ПП и ПС усиливается, если дополнительно используются такие средства выразительности, как метафора, гипербола, ирония, иногда доходящая до сарказма, разговорность со свойственной ей диалогичностью. В статье показана роль персуазивных высказываний в судьбе политиков и в судьбе страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *русский язык, массмедиа, персуазивность, прогнозы, сценарии.*

Алла Николаевна Байкулова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 410012, Саратов, Астраханская ул., 83.

E-mail: allabay15@mail.ru.

Е. В. Быкова

Санкт-Петербург, Россия

ЦЕЛЬНОСТЬ И СВЯЗНОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

В статье анализируются способы репрезентации смысла поликодовых образований, сформированных на основе нескольких знаковых систем. В качестве материала для анализа поликодового текста взяты видеотексты трех музыкальных клипов-хитов, набравших максимальное количество просмотров за единицу времени в Интернете. Анализируемые видеотексты, образованные несколькими знаковыми системами, актуализируют невербальный визуальный компонент, что существенно меняет устоявшиеся представления о традиционных текстовых категориях, поскольку данные категории трансформируются в условиях мультимедийной среды.

Цель статьи — переосмыслить такие базовые категории традиционного текста, как цельность, связность, начало и конец. Мультимедийная среда бытования новых текстовых образований интегрирует помимо линейного вербального ряда графику, видео, мультипликацию, музыку, кино.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальные средства, мультимедиа, поликодовый текст, цельность, связность, начало текста, конец текста.

Елена Владимировна Быкова, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: e.bykova@spbu.ru.

А. В. Дегальцева

Саратов, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОМПЛИКАТОРОВ В МЕДИАТЕКСТЕ

Среди семантико-синтаксических процессов, приводящих к компрессии информации и углублению содержания высказывания, необходимо отметить и такой процесс, как адвербиализация. Этот механизм проявляется в употреблении качественных наречий, усложняющих смысл простого предложения. В статье рассматриваются некоторые особенности функционирования адвербиальных осложнителей (компликаторов) в текстах современных журналов светского и религиозного содержания. На основе проведенного анализа доказывается, что адвербиальные компликатеры в данной сфере общения чаще всего содержат в себе свернутую событийную пропозицию и характеризуют ситуацию, представленную в базовой пропозиции. Выбор наречий-компликаторов, их лексическое разнообразие, а также семантика глаголов-предикатов, с которыми изучаемые единицы связаны грамматически, во многом зависят от жанра и тематики публикаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантический синтаксис, пропозиция, адвербиализация, адвербиальные компликатеры, массмедиа.*

Анна Владимировна Дегальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 410012, Саратов, Астраханская, 83, корп. XI.

E-mail: deganna@mail.ru.

Ван Сяоцзюань

Пекин, Китай

ИМИДЖ КИТАЯ В ОНЛАЙН-ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»

Через 30 с лишним лет после проведения политики реформы и открытости Китай добился огромных политических и экономических успехов, постоянно растет его влияние и конкурентоспособность на международной арене. Сейчас на фоне глобализации перед китайским правительством стоит актуальная задача — создать положительный имидж страны, что помогает проводить успешную внешнюю и внутреннюю политику, способствует всестороннему развитию.

Китай и Россия являются важными стратегическими партнерами. Понять, как воспринимают Китай в российском обществе, чрезвычайно важно для дальнейшего укрепления и расширения взаимовыгодных двусторонних отношений. Для анализа восприятия Китая в России был проведен контент-анализ статей по политической, экономической и общественной тематике, а также сделан анализ оценочных средств, с помощью которых формируется имидж Китая в массмедиа. Для исследования были выбраны статьи, посвященные Китаю, в онлайн-версии газеты «Аргументы и факты» за период с января 2012 по июнь 2016 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *имидж, массмедиа контент-анализ, оценка, оценочные средства.*

Ван Сяоцзюань, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Второго Пекинского университета иностранных языков (BISU). 100024, Пекин, район Чаоян, Динфучжун-ан наньли, 1, учеб. корп. 1.

E-mail: uliawang@163.com.

О. В. Мякшева

Саратов, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

В статье на материале языковых средств с пространственной семантикой, манифестирующих типы пространств (реальное, концептуальное, контактного и ассоциативного

фона события), рассматриваются некоторые механизмы реализации в газетных текстах воздействующей и информативной функций. При манифестации реального и концептуального пространств ведущей является информативная функция, а пространств контактного и ассоциативного фона события — воздействующая. Утверждается, что современная парадигма лингвистических знаний, а именно: интерес к «конвою» высказываний и особенно фигуре адресата — открывают новые возможности постижения этих механизмов. В частности, в современных газетах ориентиры концептуального пространства, выполняя информативную функцию, могут быть отправной точкой для более яркого выражения авторской позиции, а ориентиры контактного фона реального события — создавать ассоциативный фон, поскольку в качестве «мягкого факта» автор может выбрать реальный пространственный ориентир с сильной коннотативной составляющей.

Ключевые слова: пространственная семантика, типы пространств, создание газетных текстов, «конвой» высказываний, фигура адресата.

Ольга Викторовна Мякшева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. XI.
E-mail: myakshhev@mail.ru.

К. В. Прохорова
Санкт-Петербург, Россия

МЕДИАМАРКЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматриваются медиамаркеры общественного конфликта. Автор считает, что в первую очередь к ним можно отнести заголовочные комплексы. Заголовок (заголовочный комплекс) является первым элементом коммуникации в рамках медиатекста. Специфическое положение и функциональное значение данного текстового компонента позволяет рассматривать его как основной маркер конфликта в современных медиатекстах. В этих случаях активизируются маркирующие функции заголовка. Будучи маркером конфликта, заголовок выступает как «метаголос» медиатекстов, имеющих конфликтное наполнение, связанных с основными проблемными ситуациями действительности. Особенности построения медиамаркеров конфликта, их типология и основные коммуникативные характеристики в поле внимания автора. Рассматривается вопрос драматургии конфликта, различных вариантов отражения конфликта в разных структурных элементах заголовочного комплекса.

Ключевые слова: медиамаркеры общественного конфликта, заголовочный комплекс, типология медиамаркеров, коммуникативные характеристики медиамаркеров конфликта.

Кира Викторовна Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

Л. Ю. Иванова (Леонтьева)

Санкт-Петербург, Россия

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье на материале средств массовой информации исследуется лингвистическая динамика современного российско-германского русскоязычного дискурса, рассматриваемого как сфера межтекстовых отношений, наблюдать которые возможно через сцепления речевых жанров и их разновидностей. Анализ основывается на текстоцентрическом понимании речевого жанра, имеющего в стилистико-композиционной структуре коммуникативный, модусный и референциальный аспект и организуемого с помощью разноуровневых языковых средств и композиционно-текстовых приемов через категории диалогичности, иллокутивности и референтности. С учетом этих категорий в статье рассматриваются особенности языковой организации журналистского речевого жанра «Предложение решения проблемы» и обосновывается конфликтный характер межтекстового взаимодействия на современном этапе. В работе приводятся аргументы для выделения атакующего и реагирующего типов текстов, характерных для конфликтного межтекстового международного общения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс, речевой жанр, жанровая текстовая категория, российско-германские отношения, конфликтность.

Любовь Юрьевна Иванова (Леонтьева), преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: lyubov.leonteva@gmail.com.

В. А. Попова

Шумен, Болгария

СЛОВА В СЕТЯХ МАССМЕДИА (ДУМИТЕ В МРЕЖИТЕ НА МАСМЕДИИТЕ)

Предлагаемая работа посвящена лексическим особенностям лексикона массмедиа и является результатом анализа рассматриваемых единиц. Они представлены вкратце в контексте более общей картины отличительных черт лексикона массмедиа, акцентом в которой являются метаморфозы слов, попавших в сеть массмедиа, а фоном — универсальные процессы и тенденции, в стихию которых попадают общество и язык в последнее десятилетие XX и в начале XXI вв. Болгарский медийный лексикон представлен в контексте реального режима употребления. На примере наблюдения и анализа отдельных лексических единиц и процессов сделана попытка извлечь его (болгарского медийного лексикона) наиболее существенные специфические характеристики, среди которых самыми важными, по нашему мнению, являются дина-

мичность и визуализация. Привлеченный в исследовании иллюстративный и доказательственный эмпирический материал эксцерпирован из различных болгарских массмедийных источников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *массмедиа, лексикон, болгарский язык, лексические единицы, лексические процессы.*

Велка Александрова Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры болгарского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского. 9712, Шумен, Университетска ул., 115.

E-mail: labling@shu.bg.

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВОВ-РЕГУЛЯТИВОВ В ПЕЧАТНЫХ И ЗВУЧАЩИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена сравнительному анализу функционирования вспомогательных коммуникативных единиц (дискурсивов) в газетном и радиодискурсе. Подчеркивается особая важность для медиадискурса дискурсивов-регулятивов, ориентированных на самопрезентацию автора, выражение авторского отношения, оценки, его взаимодействие с адресатом. Наряду с рядом сходных черт в употреблении регулятивов в газетах и радиоречи, касающихся наиболее общих их аспектов (общей частотности, количественного преобладания регулятивов над организаторами, высокой частотности акцентивов, сигналов повышения / понижения категоричности и авторизирующих конструкций, похожего репертуара дискурсивов в исследованных функциях), обнаруживаются и различия: меньшая категоричность радиоречи и большая категоричность газетной, более сильно выраженная субъективно-личностная ориентация и адресованность радиодискурса. Определенную специфику в употреблении регулятивов демонстрируют и разные газетные жанры (колонки и аналитические статьи), радиопрограммы разных жанров, похожие передачи разных радиостанций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дискурс, газетная речь, радиоречь, дискурсив, вспомогательная система дискурса.*

Елена Юрьевна Викторова, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 410012, Саратов, Астраханская, 83, корп. XI.

E-mail: helena_v@inbox.ru.

Н. С. Цветова

Санкт-Петербург, Россия

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

Рец. на кн.: Кайда Л. Г. Эстетический императив интермедиального текста : лингвофилософская концепция композиционной поэтики.

М. : Флинта : Наука, 2016. 128 с.

Рецензия посвящена монографии Людмилы Григорьевны Кайды, в которой предложены размышления о композиционной поэтике интермедиального текста. Уникальность данного издания определяется установкой автора на постижение одного из значительных явлений русской словесности в свете современной теории коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *интермедиальный текст, композиция, поэтика, эстетика, лингвофилософская концепция.*

Наталья Сергеевна Цветова, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: cvetova@mail.ru.

Е. А. Щеглова

Санкт-Петербург, Россия

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МИР В КАРТИНКАХ И ФРАЗЕОЛОГИИ»:
ПРОБЛЕМЫ И ИТОГИ**

В хронике рассказывается об итогах международной научно-практической конференции «Мир в картинках и во фразеологии», состоявшейся в Праге (Чехия) в стенах Карлова университета. Представлены основные проблемы, которые рассматривались на конференции, охарактеризовано тематическое поле научной дискуссии, состоявшейся в рамках конференции. Особое внимание уделено секциям «Фразеология в новых и традиционных медиа» и «Фразеология и дискурс», где рассматривались особенности функционирования фразеологизмов в публичном дискурсе. Кратко представлено основное содержание выступлений участников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *конференция, фразеология, картина мира, публичный дискурс, медиалингвистика.*

Екатерина Александровна Щеглова, ст. преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26, к. 703.

E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

ABSTRACTS

N. E. Sulimenko

St Petersburg, Russia

ON METHODS OF MEDIA TEXT ANALYSIS: ABOUT TRENDS IN LINGUISTIC STUDY

The article is dedicated to debatable points in text (media text) analysis, the conclusion is about the necessity of combining different types of lexical analysis: system and structural, communicative, cognitive, cultural linguistic, synergy analysis. For successful interaction with constantly changing environment the basic analysis performed by a person is the cognitive one. Debatable is the meaning of some linguistic and cognitive terms (discourse, mental representation, conceptual oppositions, etc.) The suggested approach is to address lexical structure of the text (media text) from the synergy point of view since synergy has become the “umbrella” term used in different research disciplines. From this point of view we address the role of randomness, super category of being, aggravated system operation, which is important for media linguistic trend studies, since the system of texts (media texts) embraces various lexical innovations.

Key words: (media) text, lexical ambiguity, mental representation, conceptual oppositions.

Nadezhda Evgenijevna Sulimenko, Doctor of Philology, Professor of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 52, r. 36.

E-mail: sulimenko_39@mail.ru.

T. I. Krasnova

St Petersburg, Russia

DISCOURSE: IDEOLOGEME OR TERM

This article deals with the urgent problem of metalingvistic order, associated with the use of the term discourse. This problem is related to the educational cycle disciplines of Humanities and language training. Sometimes scientific word, like the ideologeme, turns

out to be the object of manipulation because the sum of its essential features can be presented differently, and their hierarchy is built in accordance with the needs of varying strategies specific description. There is a gap between terminological and mechanical use of the word discourse as the tool of a thematic description field in the mass media. It seems to us that the focus of modern MEDIA researchers must be mediallyingvistika with a sociological focus, that is, with attention to ideology (interpretation of “the world”), as well as a discursive practices, providing an exit to the study of public opinion, his shades darker zones and problematic States. Definition of discourse should be clear and easy to understand, interpret, convincing.

Key words: discourse, definition, terminology, education, media linguistic.

Tatyana Ivanovna Krasnova, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Speech Communication of the St Petersburg State University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703.

E-mail: taikrasnova@yandex.ru.

A. N. Baikulova
Saratov, Russia

**PERSUASIVENESS FORECASTS AND SCENARIOS
OF THE MASS MEDIA
IN THE POLITICAL DISCOURSE
(FUNCTIONS AND MEANS OF EXPRESSION)**

The article analyzes the material of traditional and electronic media, and studies persuasive statements, in particular forecasts (PP) and scenarios (PS), which can be considered as essential elements of instruments effectively used by modern politicians and broadcast through the media. Analysis of political discourse (interviews of famous politicians) revealed the basic functions of the PP and PS: forecasting, planning, creating an image of the time, the argument; self-presentation and formation of the speaker / writer image; distancing; critical analysis of the opponent etc.

Level of impact of PP and PS is enhanced by using additional means of expression such as a metaphor, hyperbole, irony and sarcasm, dialogism. The article shows the role of persuasive discourse in the fate of the politicians and the country's fate.

Key words: Russian language, mass media, persuasive, forecasts, scenarios.

Alla Nikolaevna Baikulova, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian language and Speech Communication of the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, build. XI.

E-mail: allabay15@mail.ru.

E. V. Bykova

St Petersburg, Russia

CATEGORIES WHOLENESS AND COHERENCE IN THE MULTI CODE TEXT

The article analyzes the ways of representation of meaning polikodovyh formations formed on the basis of several sign systems as the material for the analysis of text taken polikod videotext three music videos, hits, scored the maximum number of views per unit time on the Internet. Analyzed videotext formed several sign systems, actualize nonverbal visual component that substantially alters traditsionnoye ideas about traditional text categories because these categories are transformed in a multimedia environment.

The purpose of the article — to rethink such basic categories of the traditional text, a wholeness, connectedness, the beginning and the end. Multimedia environment of existence of the new text in addition to the linear formations integrates a number of verbal, graphics, video, animation, music, movies.

Key words: visual aids, multimedia, polycode text, wholeness, connectedness, the beginning of the text, the end of the text.

Elena Vladimirovna Bykova, Doctor of Philology, Associate Professor of Public Relations in business at the St Petersburg state University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703.

E-mail: e.bykova@spbu.ru.

A. V. Degaltseva

Saratov, Russia

FEATURES OF FUNCTIONING OF ADVERBIAL COMPLICATION IN THE MEDIA TEXT

Among different semantic-syntactic processes, leading to compression of information and deepening the meaning of the sentence it is necessary to note such a process as adverbialization. This mechanism is manifested in the use of qualitative adverbs, complicating the meaning of simple sentences. This article discusses some of the peculiarities of adverbial complicators in the texts of modern secular and religious journals. On the basis of the analysis it is proved that in this sphere of communication adverbial complicators often contain compressed event proposition and characterize the situation represented in the base proposition. The choice of adverbs-complicators, their lexical diversity and the semantics of verbs, which complicators are connected grammatically, depend on the genre and the theme of the publication.

Key words: semantic syntax, proposition, adverbialization, adverbial complicators, media.

Anna Vladimirovna Degaltseva, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian language and Speech Communication of the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, build. XI.

E-mail: deganna@mail.ru.

Wang Xiaojuan

Beijing China

NATIONAL IMAGE OF CHINA IN ON-LINE NEWSPAPER “ARGUMENTS AND FACTS”

With the increasing influence of China in the international arena and its growing comprehensive strength, Chinese government is more and more concerned about a positive image of the country. A good image of the country will further help China to implement the right foreign policy, enhance competitiveness, and increase the attractiveness of China. China and Russia are important strategic partners, it's important to learn the image of China in Russia, that affects the broaden and deepen bilateral cooperation in various fields to achieve mutual benefits. The media is an important channel for learning China's image. This article is based on the comments of experts of a popular Russian on-line newspaper “Arguments and facts” that involved China as a sample to analyze the national image of China, constructed by this newspaper. The author also analyses evaluation tools, which were used to construct the national image of China.

Key words: national image of China, newspaper “Arguments and Facts”, content analysis, evaluation, evaluation tools.

Wang Xiaojuan, Doctor of Philology, Professor at the Russian Department of the Beijing International Studies University. 100024, Beijing, Chaoyang District, Dingfuzhuang Nanli N°1 build. N° 1.

E-mail: uliawang@163.com.

O. V. Myaksheva

Saratov, Russia

SPATIAL SEMANTICS AND ITS ROLE IN NEWSPAPER TEXT

The article analyses some of the mechanisms as exemplified by linguistic resources with spatial semantics, manifesting types of spaces (real and conceptual, contact and associative background of events). These mechanisms are implemented in newspaper texts to affect the audience and for informative function. An informative function is the most important one for the manifestation of real and conceptual spaces. Function of impact plays the key role in contact and background events. The article highlights the fact that the modern paradigm of linguistics (namely the interest in the “convoy” statements and closer attention to the addressee) opens up new possibilities of these mechanisms' understanding. In particular, today's newspapers cues of conceptual space, performing informative function, can become the starting point for a more prominent expression of the author's point of view; and cues of the contact background of real events help to create associative background, because the author can choose the real spatial cue with strong connotative component as a “soft fact”.

K e y w o r d s: *spatial semantics, types of spaces, the making of newspaper texts, “convoy” statements, addressee figure.*

Olga Viktorovna Myaksheva, Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian language and Verbal Communication of the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, build. XI.

E-mail: myakshev@mail.ru.

K. V. Prokhorova

St Petersburg, Russia

MEDIA MARKERS OF THE PUBLIC CONFLICT

The article discusses the media markers of the public conflict. The author considers that first of all these are title complexes. Title (title complex) is the first element of communication within the media text. Specific position and the functional significance of this text component allows us to consider it as the main marker of conflict in modern media texts. In these cases the marking functions of title becomes more active. Being a conflict marker, the title acts as “meta voice” of the media texts having conflict filling, connecting with the main problem situations of reality. Features of media markers of conflict construction, their typology and basic communicative descriptions are in the field of author’s attention. The question of dramaturgy of the conflict and different variants of reflection of conflict in the different structural elements of title complex are examined.

K e y w o r d s: *media markers of public conflict, title complexes, typology of media markers, communication features of conflict media markers.*

Kira Viktorovna Prokhorova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the St Petersburg State University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703.

L.Yu. Ivanova (Leontieva)

St. Petersburg, Russia

RUSSIAN-GERMAN RELATIONS IN THE DISCOURSE OF THE MODERN RUSSIAN PRESS: LINGUISTIC ASPECTS

Based on the material of mass media, the paper investigates the linguistic dynamics of the modern Russian-German Russian-language discourse, considered as a sphere of intertextual relations, which are possible to observe through the linkage of speech genres and their varieties. The analysis is based on the text-centered understanding of the speech genre, which has a communicative, modal and referential aspects in the stylistic-composite structure, and which is organized using language means of different levels, compositional

and textual techniques through the categories of dialogic, illocutionary and referential characteristics. Given these categories, the paper considers the peculiarities of the language organization of the journalistic speech genre "Suggestion of solving a problem". It also justifies the conflict nature of the intertextual interaction at the present stage. The work substantiates the allocation of offensive and reactive types of texts, which are the intertextual characteristic of the conflictual international speech communication.

Key words: discourse, speech genre, genre text category, Russian-German relations, conflict nature.

*Liubov Yurievna Ivanova (Leontieva), Senior Lecturer of the Department of Speech Communication, St Petersburg State University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703.
E-mail: lyubov.leonteva@gmail.com.*

V. A. Popova
Shumen, Bulgaria

WORDS IN MASS MEDIA WEBS

The paper deals with the lexicon of contemporary mass media language. Its characteristics are presented briefly in the context of a more general picture whose emphasis is the metamorphoses of words occurring in mass media webs against the background of the universal processes and tendencies of language in the last decade of 20th and the beginning of 21st society.

The Bulgarian mass media lexicon is presented in real usage context. On the basis of observation and analysis of single lexical units and processes an attempt has been made for pointing out its most essential characteristics, namely dynamics and visualization. The illustrative and evidential empirical material is excerpted from different media sources.

Key words: mass media, lexicon, Bulgarian language, lexical units, lexical processes.

*Velka Aleksandrova Popova, Doctor of Philology, Associate Professor at the Chair of Bulgarian language of the University of Shumen "Episkop Konstantin Preslavsky". 9712, Shumen, ul. Universitetska, 115.
E-mail: velka.popova@yandex.ru.*

E. Yu. Viktorova
Saratov, Russia

FUNCTIONS OF REGULATIVE DISCOURSE MARKERS IN PRINTED AND SPOKEN RUSSIAN MASS MEDIA

The article presents the comparative analysis of satellitic communicative units (discourse markers) functioning in newspapers and radio discourse. The article

emphasizes the special importance of regulative discourse markers aimed at the author's self-presentation, expressing attitudes and evaluations and interaction with the addressee. Alongside with a number of similar general characteristics concerning the usage of regulative markers in newspapers and radio discourse (such as their general frequency, dominance of regulative markers over organizational ones, high frequency of accentuation signals, boosters, hedges and self-presentation markers, similar repertoire of discourse markers in these functions) a number of differences were found out: dominance of hedges over boosters in radio discourse and that of boosters over hedges in newspapers, a stronger intimate, interpersonal and addressee oriented nature of radio discourse. Different newspaper genres (opinion columns and analytical articles), radio shows of different types and similar shows of different radio stations demonstrate certain specific characteristics in functioning of discourse markers.

Key words: discourse, newspaper discourse, radio discourse, discourse markers, satellitic system of discourse.

Elena Yurievna Viktorova, Doctor of Philology, Associate Professor at the Chair of Romance and Germanic Philology and Translation of the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, build. XI.

E-mail: helena_v@inbox.ru.

N. S. Tsvetova

St Petersburg, Russia

INTERMEDIAL TEXT: LINGUISTICS AND PHILOSOPHY READINGS

Rev. of the textbook: Kaida L. G.

The aesthetic imperative Intermedia text :

linguistics and philosophy concept of compositional poetics. Moscow :

Nauka, 2016. 128 p.

The review is devoted to the monograph of professor Kayda Lyudmila G., in which she reflects on compositional poetics of intermediatext. Uniqueness of this publication consists in the author's task to comprehend one of the significant phenomena of the Russian linguistics in the light of the modern communication theory.

Key words: media text, composition, poetics, aesthetics, linguistics and philosophy concept.

Natalia Sergeevna Tsvetova, Doctor of Philology, Professor at the Department of Speech Communication of the St Petersburg State University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilevsky Island, 26, r. 703.

E-mail: cvetova@mail.ru.

E. A. Shcheglova

St Petersburg, Russia

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“THE WORLD IN PICTURES AND PHRASEOLOGY”:
PROBLEMS AND RESULTS**

The chronic is devoted to the results of the International scientific and practical conference “The World in Pictures and Phraseology” which took place at Charles University in Prague. The main problems which were considered at a conference are presented, the thematic field of the scientific discussion which took place within the conference is characterized. Special attention is paid to the sections “Phraseology in New and Traditional Media” and “Phraseology and Discourse” within which the functioning of the phraseological units in a public discourse was considered. The performances of participants are summarized.

K e y w o r d s: conference, phraseology, world picture, public discourse, media linguistics.

Ekaterina Alexandrovna Shcheglova, Lecturer at the Department of Speech Communication of the St Petersburg State University. 199004, St Petersburg, 1st Line of Vasilievsky Island, 26, r. 703.

E-mail: e.shcheglova@spbu.ru.

Макет: *С. Е. Курочкин*
Оформление обложки: *П. Ч. Хан*
Верстка: *Е. П. Смирнова*

Подписано в печать 17.03.2017.
Формат 60x84/8. ГарнитураCharterITC. Печ. л. 15.
Тираж 50 экз. Заказ 120.

Отдел допечатной подготовки
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26.